

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс★*Пи*
Научный журнал

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

№ 1 (18) 2015

Выпуск подготовлен при поддержке гранта РГНФ
№14-13-66501 «Международная конференция
Soft power: теория, ресурсы, дискурс», 2014 г.

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★*Пи*

IP&L INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс★*Пи*
Екатеринбург – 2015

«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 № 1 (18)
 Июнь 2015

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
 Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
 620102, Екатеринбург, ул. Посадская, 21, оф. 233
 Тел.: +7 902 870-86-06
 e-mail: info@discourse-p.ru
<http://www.discourse-p.ru>

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
 выдано Федеральной службой по надзору
 в сфере связи, информационных технологий
 и массовых коммуникаций

Подписано в печать 15.06.2015 г.

Формат 60x84 1/8

Усл. печ. л. 18,37

Тираж 300 экз.

Заказ № 00000000

Отпечатано в типографии «Артикул»
 620026, г. Екатеринбург, ул. Белинского, 71 Б
 Тел.: +7 (343) 251-61-77
<http://www.artikul.ru>

**Журнал индексируется в базе данных системы
 Российского индекса научного цитирования
 (РИНЦ)**

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
 представляемых для публикации
 в научном журнале «Дискурс-Пи»,
 размещены в конце выпуска

Материалы направляйте

в редакцию по адресу:

620990, г. Екатеринбург,
 ул. Софьи Ковалевской, 16,
 Институт философии и права УрО РАН
 Телефон: +7 (912) 632-96-99
 E-mail: rusakova_mail@mail.ru,
dipi@nm.ru

Все выпуски журнала

размещаются на сайте

www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
 обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
 придерживаться стилистики
 научного дискурса**

DISCOURSE-P
Дискурс-Пи
 Научный журнал

Ф И Л О С О Ф И Я
 Ф И Л О С О Ф И Я
 P O L I T I C A L S C I E N C E -
 П О Л И Т И Ч Е С К А Я Н А У К А
 P A S T & P R E S E N T -
 П Р О Ш Л О Е И Н А С Т О Я Щ Е Е
 P U B L I C R E L A T I O N S -
 С В Я З И С О Б Щ Е С Т В Е Н Н О С Т Ь Ю
 P H I L O L O G Y -
 Ф И Л О Л О Г И Я

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. Н. Руденко – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

ГЛАВНЫЙ ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

О. Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. Г. Дьякова – доктор политических наук (Екатеринбург, Россия)

Ю. Г. Ершов – доктор философских наук (Екатеринбург, Россия)

С. Г. Зырянов – доктор политических наук (Челябинск, Россия)

К. В. Киселев – кандидат философских наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

Е. А. Кожемякин – доктор философских наук, профессор (Белгород, Россия)

Н. А. Комлева – доктор политических наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

О. В. Коркунова – доктор философских наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

В. О. Лобовиков – доктор философских наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

В. С. Мартыанов – кандидат политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

С. В. Мошкин – доктор политических наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

К. С. Романова – кандидат философских наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

В. М. Русаков – доктор философских наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Е. М. Олову – зав. научной библиотекой Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

А. Д. Трахтенберг – кандидат политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

М. А. Фадеичева – доктор политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

И. Б. Фан – доктор политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

Л. Г. Фишман – доктор политических наук (Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. Г. Богомяков – доктор философских наук, профессор (Тюмень, Россия)

М. В. Ильин – доктор политических наук, профессор (Москва, Россия)

А. Д. Королев – главный ученый секретарь РФО, кандидат философских наук (Москва, Россия)

К. Н. Любутин – доктор философских наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

М. А. Малышев – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика)

О. Ю. Малинова – доктор философских наук, профессор (Москва, Россия)

Л. Н. Синельникова – доктор филологических наук, профессор (Ялта, Россия)

Е. А. Степанова – доктор философских наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

Л. Н. Тимофеева – доктор политических наук, профессор (Москва, Россия)

В. Е. Хвощев – кандидат философских наук, доцент (Челябинск, Россия)

А. Н. Чумаков – первый вице-президент РФО, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия)

СЕКРЕТАРИАТ

Е. Г. Грибовод – ответственный секретарь, лаборант-исследователь Института философии и права УрО РАН

Д. М. Ковба – секретарь-координатор, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Агональный дискурс

О.Ф. Русакова, В.М. Русаков
 Агональный дискурс
 современной политики памяти 10

М.А. Фадеева
 Экзистенциальные основания
 языка вражды 20

К.К. Фурсов
 Дискурс вражды:
 понятие и современные практики 25

А.В. Скиперских
 Тело как поверхность политического письма:
 опыты протестного дискурса в современной
 России 31

А.С. Исаков
 Агональный дискурс в исламе:
 шииты против суннитов 37

Тропы метода

М.В. Ильин
 Семиотика как основа изучения языка
 политики и развития дискурс-анализа 43

Л.Н. Синельникова
 Триада: законы власти – сценарии PR –
 политический дискурс 48

Л.В. Селезнева
 PR-дискурс
 в рамках таксономии дискурсов 56

А.В. Олянич
 Презентема в лексико-семантической
 структуре глагола как способ
 дискурсообразования и дискурсивного
 развертывания
 (на материале глагольных лексем
 из российского молодежного сленга) 63

С.Н. Мелешина
 Синхронные мыслительные программы:
 историческая реконструкция
 эпистем М. Фуко 72

А.В. Шуталева
 Социосемиотика М. Фуко: феноменальный
 горизонт конструирования дискурсивного
 пространства социо-политической
 реальности 80

Персона

О.Ф. Русакова
 Дискурсология как судьба.
 Интервью с Ларой Николаевной
 Синельниковой 90

Интеллектуальные технологии

В.О. Лобовиков
 Уточнение статуса логико-философских
 принципов фальсифицируемости
 и верифицируемости (научного знания)
 в философской эпистемологии (Логические
 квадраты и гексагоны эпистемических
 сентенций) 98

Антропология

И.Б. Фан
 Мы и наши проекции:
 психоанализ и политика.
 Диалоги с Александром Кантором 105

В.М. Русаков
 Травелог души С. Грофа:
 от науки к вероучению 113

Н.М. Самаркина
 Самоидентификация личности
 как гуманитарная ценность образования 125

К.С. Романова
 Травелог: движение к себе или бегство
 от себя?
 Ментальные особенности и культурное
 разнообразие 129

Политические технологии

Р.С. Мухаметов
 Региональный политический режим:
 институциональный дизайн
 (на примере Свердловской области) 134

Трибуна

С. В. Мошкин

Режим имитационной демократии 138

Новости МАДИ

О. Ф. Русакова

Эта странная «мягкая сила»

(о выходе в свет коллективной монографии
«Soft power: теория, ресурсы, дискурс») 144

О. Ф. Русакова, Т. Н. Носова

Российская стратегическая модель soft
power..... 148

Новые книги

Подготовила Е. М. Олову

Новые книги по философии, политологии,
социологии и праву 153

«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 1 (18)
June 2015

Published four times a year

Founded by
The Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
ul. Posadskaya 21 office 223
Ekaterinburg
620102
Russia

Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
<http://www.discourse-p.ru>

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on 15.06.2015
Format 60x84^{1/8}
Reference sheet area 18,37
Issues – 300
Order № 00000000

Printed by Typography «Artikul»
ul. Belinskogo 71 B
Ekaterinburg
620026
Russia
Phone: +7 (343) 251-61-77
<http://www.artikul.ru>

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index
(RSCI)**

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Board:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg
620990
Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru; dipi@nm.ru

**All issues of the journal
are available on the website
www.madipi.ru**

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

© Discourse-P, 2015

DISCOURSE-P
Дискурс-П
Scientific journal

ФИЛОСОФИЯ –
ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА –
POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
ПАСТ & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
ПUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
ФИЛОЛОГИЯ –
ФИЛОЛОГИЯ

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-П

EDITOR-IN-CHIEF

V. N. Rudenko – Corr.-Member of RAS, Dr. Sc. (Law),
Professor (Ekaterinburg, Russia)

ISSUE CHIEF EDITOR

O. F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

E. G. Djakova – Dr. Sc. (Political Science) (Ekaterinburg, Russia)
J. G. Ershov – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
S. G. Zyryanov – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Chelyabinsk,
Russia)
K. V. Kiselev – Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg,
Russia)
E. A. Kozhemjakin – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Belgorod, Russia)
N. A. Komleva – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg,
Russia)
O. V. Korkunova – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
V. O. Lobovikov – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
V. S. Martjanov – Cand. Sc. (Political Science), Associate
Professor (Ekaterinburg, Russia)
S. V. Moshkin – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg,
Russia)
K. S. Romanova – Cand. Sc. (Philosophy), Associate
Professor (Ekaterinburg, Russia)
V. M. Rusakov – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
E. M. Olovu – manager of Science Library, Ural Department of RAS,
Institute of Philosophy and Law (Ekaterinburg, Russia)
A. D. Trahtenberg – Cand. Sc. (Political Science), Associate
Professor (Ekaterinburg, Russia)
M. A. Fadeicheva – Dr. Sc. (Political Science), Associate
Professor (Ekaterinburg, Russia)
I. B. Fan – Dr. Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg,
Russia)
L. G. Fishman – Dr. Sc. (Political Science) (Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

V. G. Bogomyakov – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg,
Russia)
M. V. Iljin – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Moscow, Russia)
A. D. Korolev – Chief Secretary of RPS, Cand. Sc. (Philosophy) (Moscow,
Russia)
K. N. Ljubutin – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
M. A. Malyshev – Professor of Independent University of State of Mexico
City (Toluca, Mexico)
O. J. Malinova – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Moscow, Russia)
L. N. Sinelnikova – Dr. Sc. (Philology), Professor (Lugansk, Ukraine)
E. A. Stepanova – Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg,
Russia)
L. N. Timofeeva – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Moscow, Russia)
V. E. Hvoshchev – Cand. Sc. (Philosophy), Professor (Chelyabinsk,
Russia)
A. N. Chumakov – First Vice-President of RPS, Dr. Sc. (Philosophy),
Professor (Moscow, Russia)

SECRETARY

E. G. Gribovod – Executive Secretary
D. M. Kovba – Secretary-coordinator

Agonistic Discourse

O.F. Rusakova, V.M. Rusakov
Agonistic Discourse of Modern Politics
of Memory 10

M.A. Fadeicheva
Existential Foundations of Hate Speech 20

K.K. Fursov
The Discourse of Hostility:
the Concept and Contemporary Practices 25

A.V. Skiperskikh
Body Surface as a Political Letter:
Experiments of Protest Discourse
in Contemporary Russia..... 31

A.S. Isakov
Agonistic Discourse in Islam: Shiites Against
Sunnis..... 37

Tropes of Method

M.V. Ilyin
Semiotics as a Basis for the Study of Language
Policy and Development of Discourse
Analysis..... 43

L.N. Sinelnikova
Trinity: Power Laws – PR Scenarios – Political
Discourse..... 48

L.V. Selezneva
PR-Discourse within the Taxonomy
of Discourses..... 56

A.V. Olyanich
Presentem in the Lexical-Semantic Structure
of a Verb as A Way to Discourse Formation
and Discourse Unfolding
(On The Basis Of Verbal Signs in Russian Youth
Slang) 63

S.N. Meleshina
Synchronous Thinking Programs:
Historical Reconstruction of Epistemes
of M. Foucault..... 72

A.V. Shutaleva
Socio-Semiotics of M. Foucault: Phenomenal
Horizon of Designing of Discursive Space
of Social-Political Sphere 80

Person

O.F. Rusakova
Discoursology as a destiny.
Interview with Lara Nikolaevna
Sinelnikova 90

Intellectual technologies

V.O. Lobovikov
Explicating Status of Logical-Philosophical
Principles of Falsifiability and Verifiability
(Of Scientific Knowledge) In Philosophical
Epistemology
(Logical Squares and Hexagons
of Epistemic Statements) 98

Anthropology

I.B. Fan
We and Our Projections:
Psychoanalysis and Politics.
Conversations with Alexander Kantor 105

V.M. Rusakov
A Travelogue of the Soul of S. Grof:
From Science to Creed..... 113

N.M. Samarkina
Self-Identification as a Humanitarian Value
of Education 125

K.S. Romanova
Travelogue:
Towards Themselves or Escape from Yourself?
Mental Features and Cultural Diversity 129

Political Technologies

R.S. Mukhametov
Regional Political Regime:
Institutional Design (On the Example
of Sverdlovsk Region) 134

Tribune

S. V. Moshkin

Regime of Imitation Democracy..... 138

News of IADR

O. F. Ruskova

This is a Strange Soft Power
(About the Appearance
of the Collective Monograph «Soft Power:
Theory, Resources, Discourse») 144

O. F. Ruskova, T. N. Nosova

The Russian Strategic Model
of Soft Power 148

New Books

Prepared by E. M. Olovu

New Books on Philosophy, Political Science,
Sociology and Law 153

УДК 327

АГОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

Институт международных связей,
Заведующий кафедрой философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

В статье раскрываются основные черты агонального дискурса политики памяти на примере современных попыток пересмотра советской истории, событий и итогов Второй мировой войны, осуществляемых западными, европейскими и украинскими идеологами. В качестве инструментов современной политики памяти авторы рассматривают такие приемы и технологии как: отождествление советского и гитлеровского режимов путем подведения их под родовое понятие «тоталитаризм», создание концепции двойной оккупации и двойной жертвы, конструирование «близнецов», сакрализация национальных страданий, «забвение» ответственности европейских государств и США за содействие нацизму и др.

Авторы обращают внимание на ответственность российской элиты за дискредитацию советской истории, за создание благоприятной атмосферы для радикального идеологического наступления неолиберального дискурса политики памяти.

Ключевые слова:

агональный дискурс, политика памяти, войны памяти, дискурс дискредитации, тоталитаризм, советский режим, технология конструирования «близнецов», стратегия забвения, декоммунизация, Вторая мировая война.

Агональный дискурс (от греч. «агон» – состязание, поединок) становится господствующим в политическом коммуникативном про-

странстве в условиях нарастания напряженности и раскручивания конфликтов. Особенно интенсивно агональный дискурс проявляет

себя во время идеологических и информационных битв, перерастая в дискурс вражды и ненависти. Сегодня, когда отчетливо обозначились геополитические противоречия между условным Западом и Россией, агональный дискурс превратился в эффективный инструмент информационно-психологической войны, в атрибут политической полемики и политики памяти.

Политика памяти, если говорить кратко, представляет собой продуманную систему форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа.

Сегодня в новых государствах Восточной Европы главной стратегией политики памяти является переосмысление советской истории, в том числе истории социалистического блока с позиции исключительной ответственности СССР и России как его преемницы за преступления политического режима. Широкое распространение получает так называемая «оккупационная риторика», согласно которой утверждается, что народы Восточной Европы, в том числе и те, которые проживали на территории СССР, перенесли две оккупации – нацистскую и советскую.

На Украине данная стратегия стала активно реализовываться после 2004 года, когда центральное место в национальной политике памяти занял концепт Голодомора. Для данного концепта, поддерживаемого официальными кругами Украины, а также целым рядом антироссийски настроенных представителей других государств, характерны следующие стратегические интенции: пропаганда этнической эксклюзивности титульной нации; установка на конфронтационное восприятие всего советского, включая коммунистическую идеологию и символику; ксенофобия; доминирование идеологических форм над научной аргументацией; акцент на страдальческой, мученической миссии собственной нации, сакрализация национальных страданий и жертв; героизация противников советской власти; возложение главной ответственности за причиненное зло на московский коммунизм [5, с. 217–255].

Конфронтационный дискурс политики памяти получил название «войны памяти» [1]. Войны памяти сегодня являются неотъемлемым компонентом информационных и идеологических войн. В целях переформатирования массового исторического сознания в пользу дискурса дискредитации всего советского, включая победу советского народа во Второй мировой войне, современные восточно-европейские и украинские конструкторы политики памяти активно используют теорию тоталитаризма. Ключевой технологией в данном случае является *технология конструирования «близнецов»*, посредством которой происходит уравнивание по силе бесчеловечности гитлеровского и сталинского режимов путем подведения их под общий знаменатель нравственно и политически осуждаемого тоталитаризма. При этом осуществляется еще одна операция отождествления: сталинизм рассматривается в качестве родового имени всего советского строя и синонима коммунизма.

В итоге под вывеской осуждения всех разновидностей тоталитаризма восточно-европейскими идеологами политики памяти целенаправленно транслируется агональный дискурс, направленный на формирование, с одной стороны, сугубо отрицательного образа всей политики СССР, включая политику в отношении стран социалистического блока, а с другой стороны, сознательно формируется и закрепляется в коллективной памяти жертвенный образ собственного народа. При этом эмоциональный накал агонального дискурса существенно усиливается путем конструирования *образа двойной жертвы*, поскольку считается, что восточно-европейские страны, народы Прибалтики и Украины являются жертвами сразу двух страшных тоталитарных режимов – нацистского и коммунистического.

Дискурс двойной исторической жертвы находит свое воплощение в определенных политических инициативах и законодательных актах, закрепляющих в правовом порядке антисоветскую и антикоммунистическую риторику, а также учреждающих новые памятные даты, символизирующие переосмысление истории

Второй мировой войны и СССР с позиции принципа тождества нацизма и советского строя. Так, к примеру, в апреле 2009 г. по инициативе стран Балтии и Польши Европейский парламент принял «Резолюцию о европейской совести и тоталитаризме», в которой 23 августа (дата подписания известного пакта Молотова–Риббентропа) было объявлено Общеввропейским Днем памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов. Данный день памяти стал трактоваться как дополнение ко дню памяти 27 января¹.

В том же русле концептуального переосмысления истории Второй мировой войны с использованием приема отождествления национал-социализма и коммунизма как тоталитарных режимов, равно ответственных за военные и иные преступления, трудится современное украинское руководство. В марте 2015 г. с одобрения Верховной Рады президент Украины П. А. Порошенко подписал Указ «О мероприятиях празднования в 2015 году 70-й годовщины Победы над нацизмом в Европе и 70-й годовщины окончания Второй мировой войны», в тексте которого полностью отсутствуют термины «Великая Отечественная война», «Советский Союз», «советские воины», «Красная армия», а ветераны войны, воевавшие в рядах советской армии, уравниваются по своему вкладу в борьбе с нацизмом с ветеранами «украинского освободительного движения времен Второй мировой войны». Согласно Указу, на Украине вводится новый государственный праздник – День памяти и примирения, который следует отмечать 8 мая. Делается это в целях закрепления в массовом сознании формулы «героического равенства» советских ветеранов войны и ветеранов УПА. Кроме того, дата нового праздника призвана символически обозначать интеграцию Украины в Европу, поскольку в Европе день Победы отмечается на день раньше, чем

в России [10]. Официальный Киев данным указом дает сигнал европейским партнерам о своем принципиальном размежевании с российской политикой памяти, а также с теми, кто продолжает придерживаться формулы победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Логическим продолжением Указа стал закон «Об осуждении коммунистического и нацистского режимов», принятый Верховной Радой и подписанный президентом Украины П. А. Порошенко в мае 2015 года. Данным законом запрещается пропаганда коммунистического режима и его символики, так как это считается надругательством над памятью миллионов жертв.

Согласно закону, пропагандой коммунистического тоталитарного режима считается:

- публичное отрицание преступного характера данного режима;
- распространение информации, оправдывающей преступный характер коммунистического режима, деятельности советских органов госбезопасности, борьбы против участников борьбы за независимость Украины в XX веке;
- производство, распространение и публичное использование продукции, содержащей символику коммунистического режима.

Под символикой коммунистического режима подразумевается какое-либо изображение государственных флагов, гербов и других символов СССР, УССР и других советских республик, а также стран «народной демократии» (ГДР, Чехословацкой социалистической республики и др.). Исключение составляют только те флаги и гербы, которые являются действующими до сих пор. Под запрет попадают символы, соединяющие серп и молот, серп, молот и пятиконечную звезду, плуг, молот и пятиконечную звезду. Запрещены памятные знаки, посвященные руководителям коммунистической партии и сотрудникам советских органов госбезопасности. Также должны быть сняты памятники, посвященные коммунистическим деятелям и знаменательным событиям коммунистической партии, кроме изгнания

¹ В 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Израиля решила объявить 27 января Международным днем памяти жертв Холокоста, связанный с днем освобождением узников Освенцима. В Германии этот день с 1996 г. объявлен национальным днем памяти жертв национал-социализма.

фашистских оккупантов из Украины [11]. В пояснительной записке к проекту закона «О дне памяти и примирения», написанной группой депутатов Верховной Рады, давалась следующая переработанная в новом концептуальном ключе версия значения Дня Победы для Украины: «Вторая мировая война, которую развязали два преступных тоталитарных режима, стала наибольшей трагедией человечества в XX веке... К сожалению, капитуляция 8 мая 1945 года нацистской Германии не положила конец жертвам украинцев от тоталитарных режимов. В 1945 году на территории Украины имела место победа одного тоталитарного режима над другим, но не победа Украины... Для украинцев вторая мировая война началась в 1939 году с оккупации независимой Карпатской Украины и продолжалась до середины 50-х годов, пока подполье оказывало сопротивление советскому режиму. Поэтому трактовка второй мировой войны как «Великой Отечественной», как и празднование 9 мая как дня победы, для украинцев некорректна и является рудиментом идеологических штампов» [12].

Курс на декоммунизацию в рамках современной украинской политики памяти в значительной степени является идеологическим заимствованием у европейских соседей. В ряде стран Центральной и Восточной Европы в 2000-е годы были приняты законы, запрещающие коммунистическую пропаганду и использование коммунистической символики. Например, Венгрия в 2000 г. внесла в Уголовный кодекс уголовное наказание за использование как фашистской, так и коммунистической символики (серп и молот, красная звезда). Впоследствии, в 2008 г., рассматривая дело «Важной против Венгрии»², Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) осудил Венгрию за нарушение свободы выражения мнения в связи с применением уголовного наказания к одному члену партии за прикрепление

к одежде коммунистического символа во время публичной демонстрации.

В апреле 2013 г. венгерский Парламент проголосовал за новую редакцию закона, осуждавшего тоталитарные режимы, с тем, чтобы привести его в соответствие с замечаниями, на который указал ЕСПЧ.

В 2010 г. Литва ввела уголовные санкции за публичную поддержку, отрицание или значительное умаление международных преступлений, а также преступлений, совершенных Советским Союзом или нацистской Германией против Литовской Республики или ее жителей. Сейчас законодательство запрещает использование коммунистических и советских символов, за исключением памятных манифестаций.

В Молдавии с 1 октября 2012 г. вступил в силу закон, который запрещает использование в стране в политических целях коммунистической символики. Согласно принятым молдавским парламентом поправкам в закон о партиях и в Кодекс о правонарушениях, за использование символа «серп и молот» в политических целях физическим лицам грозит штраф до 3 тыс. леев (240 долл.), юридическим лицам и партиям – до 10 тыс. леев (810 долл.). В том случае, если политические партии не исполнят требование о запрете спустя две недели после штрафа, их деятельность может быть запрещена.

Конституционный суд Республики Молдова обратился к Комиссии Совета Европы за демократию через право (Венецианская комиссия) за правовой оценкой этих ограничений.

В итоге «Венецианская комиссия» признала введенный властями Молдавии запрет на использование коммунистической символики противоречащим Европейской конвенции по правам человека.

«Венецианская комиссия» сообщила, что запрет коммунистических символов на территории Молдавии противоречит сразу нескольким статьям Европейской конвенции по правам человека (10 и 11 ст.), касающихся свободы выражения мнения и свободы собраний и объединений. Комиссия Совета Европы

² Заявитель на тот момент являлся заместителем председателя Рабочей партии Венгрии и был осужден за ношение красной звезды на одежде.

за демократию через право также отметила, что серп и молот не могут рассматриваться исключительно в качестве символа коммунистического тоталитарного режима. По ее мнению, не прослеживается связь между существовавшей в прошлом тоталитарной коммунистической идеологией и символами серп и молот, которые Партия коммунистов Молдовы использует с 1994 г.

Партия коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) участвовала с этой символикой во всех парламентских, президентских и местных выборах, и сейчас представляет собой крупнейшую оппозиционную партию, представленную в парламенте, и не собирающейся насильственно свергнуть демократический конституционный порядок. Венецианская комиссия полагает, что лишение кандидатов от коммунистов права участвовать в выборах под своим символом является посягательством на свободу ассоциации с партией, а запрет символики ПКРМ может привести к тому, что партия прекратит свое существование.

Комиссия не видит реальной или возможной угрозы восстановления в Молдавии коммунистической диктатуры и поэтому считает, что «запрет символики в качестве превентивной меры по защите демократии не может рассматриваться как насущная социальная потребность». В заключении комиссии говорится, что закон о запрете коммунистической символики «следует признать неконституционным и отменить, поскольку в противном случае Молдавии не избежать очередного проигранного дела в Европейском суде по правам человека» [13].

В итоге Конституционный суд Республики Молдова принял Постановление № 12 от 04.06.2013 г. «О контроле конституционности некоторых положений, касающихся запрещения коммунистической символики и пропаганды тоталитарных идеологий (Обращение № 33а/2012)», которым фактически признал неконституционным запрет коммунистической символики в Молдове.

В современной Европе, считают эксперты в области политики памяти [7, с. 50–53], зреет опасный идейный раскол между теми,

кто чтит память о жертвах Холокоста и теми, для которых первоочередное значение имеет память о жертвах коммунизма. Исследователи приходят к выводу, что Европа не созрела для общей политики памяти в отношении осмысления феномена и уроков Второй Мировой войны. Наблюдается асинхронность и противоречивость исторической памяти. Многие люди в Европе приветствуют общий день памяти жертв национал-социализма и коммунизма. В то же время, значительная часть европейцев задается вопросами: приемлемо ли в один и тот же день поминать жертв разных преступлений; можно ли считать советский режим столь же преступным и ответственным за развязывание Второй мировой войны как режим нацистской Германии?

Проблема актуализации стратегий политики памяти сегодня поднята на уровень государственной политики России. Не так давно появился президентский заказ на единый учебник истории для средней школы, который мог бы способствовать выработке общественного консенсуса в области интерпретаций противоречивых фактов и событий прошлого, став тем самым идейным базисом для укрепления национально–государственного единства страны. В ответ на вызов, брошенной властями российскому историческому сообществу, в СМИ и научных центрах России стали проходить публичные дискуссии относительно самой возможности появления единой концепции многовековой истории России. В итоге обозначились две альтернативных точки зрения по данному вопросу. Согласно одной позиции, которую можно обозначить как оптимистическую, достижение консенсуса в отношении спорных моментов в истории России, в частности, оценки сталинизма и причин распада СССР, вполне возможно, если рассматривать российский исторический процесс с позиции общемирового исторического контекста (позиция группы историков из Высшей школы экономики). Другая позиция – скептическая. Она акцентирует внимание на том, что при создании универсального школьного учебника по истории России существует угроза создания

труда наподобие «Краткого курса истории ВКП(б)» под редакцией И.В. Сталина, в котором история была препарирована под углом зрения определенной политической конъюнктуры и сопровождалась существенными искажениями фактов.

Одновременно с официальным политическим заказом на единый учебник истории России, в отечественных научных и политических кругах ведутся острые дискуссии по проблемам интерпретации постсоветской истории России.

Очевидно, что острота внимания к «спорным» (или малоизвестным) вопросам современной истории возникла не на пустом месте и носит, отнюдь, не только академический интерес. Крупнейшая геополитическая катастрофа современности (как бы мы к ней не относились) – разрушение СССР, – повлекла за собой целую лавину развалов и разрушений, о которых инициаторы беловежского соглашения вряд ли могли даже подумать.

Начать с того, что достижение в 70-е годы военно-стратегического паритета между СССР с одной стороны, и США, Великобританией и Францией – с другой, заложило фундамент для начала разрядки напряженности, заключения договоров об ограничении СНВ, для перехода от конфронтации к сотрудничеству в Европе и окончания «холодной войны». Оно включало такие важные компоненты, как признание итогов Второй мировой войны, нерушимость границ в Европе, организацию многообразного сотрудничества стран с различным социально-экономическим и политическим строем.

Вместе с тем, на Западе и в России итоги Холодной войны, особенно в 90-е годы, трактовались прямо противоположно. На Западе считали и продолжают считать, что Советский Союз проиграл Холодную войну. В США была даже выпущена медаль за победу в этой войне. В России долгое время считалось, что мы пошли на уступки Западу ради достижения мира. С этой иллюзией российская политическая элита начала расставаться только в 1999 году, когда «получила пощёчину» от США и НАТО,

начавших бомбардировки Югославии без согласия России и ООН. Россия в 1990-е годы рассматривалась Западом как поверженная страна. И лишь из соображений дипломатии нам не говорили об этом прямо. Хотя вели себя с Москвой именно как с проигравшей стороной.

Разрушение СССР было интерпретировано как исчезновение того партнера, который, обеспечивая равновесие сил в мире, был препятствием для конструирования однополярного мира. Кроме того, новое «демократическое» руководство России, провозгласившее курс на реставрацию капитализма, ввергло себя в концептуальный вакуум, «который антикоммунистические реформаторы могли заполнить, лишь заимствуя новые идеологические и политические модели у Запада» [4, с. 106]. Как оказалось, «реформаторы» ничего действительно нового в капитализме не увидели: западная модель свободной рыночной экономики, за которую они уцепились в бездумном отказе от всего советского, «имела мало общего с реальными российскими условиями», но более того «она имела столь же мало общего и с реальностями современного западного общества» [4, с. 107]. Как неоднократно замечалось многими, «в 1992–1998 гг. доктора и кандидаты экономических наук, оказавшиеся в российском правительстве, вдруг перестали понимать элементарные начала классической политэкономии. Возражения и протесты со стороны ученых и практиков против монетаризма экономической политики отбрасывались как несовременные и паникерские» [3, с. 88].

Не вдаваясь в перечисление теперь уже хорошо известных фактов новейшей истории России (последнего десятилетия XX в.), подчеркнем: «В конце XX в. Россия вновь оказалась страной зависимого развития (катастрофически нарастающие долги западным банковским корпорациям, продовольственная помощь и т.п.)» [Там же]; криминальная олигархическая экономика, превращение страны в сырьевой придаток развитых капиталистических стран, тотальная бюрократизация государственно-политической системы,

последовательное уничтожение научно-образовательного потенциала страны.

Известно, что с подачи определенных представителей современной политической элиты, в общественное историческое сознание было введено понятие «лихие девяностые», на которые стали списывать все стратегические просчеты и кризисные явления в развитии страны, включая глубокое социальное расслоение российского общества. В «лихих девяностых» усматривают также корни современной коррумпированности властных структур и чиновничества разных уровней. Наблюдая, с какой частотой данное понятие применяется в современном политическом дискурсе, как настойчиво оно используется для объяснения причины высокого уровня коррупции в стране, можно предположить, что именно данная объяснительная модель будет положена в основу нового проекта истории России постсоветского периода.

Именно на этой социально-экономической и политической основе вырос тот путь, который выбрала российская бюрократия: любой ценой сделаться частью западного мира. Каковы наиболее важные шаги в сторону европейской декоммунистической политики памяти были сделаны российской неолиберальной бюрократией?

Прежде всего – это отказ от всемирного значения Октябрьской революции, что вылилось в самых разнообразных формах ее дискредитации: от «академических» реанимаций буржуазных легенд о «немецких деньгах», до низкопробной клеветы и скрупулезной дегероизации. Особого внимания удостоился основатель Советского государства В.И. Ленин, мавзоль которого вот уже несколько лет стыдливо заколачивается фанерой во время праздничных торжеств. В этом же ряду стоят натужные попытки вычеркнуть из праздничного календаря день 7 ноября и заменить его неким «днем изгнания поляков из Кремля». Можно только догадываться, какая реакция последовала бы со стороны общества, например, во Франции при попытке вычеркнуть из истории 14 июля или в США – 4 июля.

Далее – это последовательная дискредитация всего, что связано с советским периодом отечественной истории – социального государства, социальной политики, советской науки и искусства, политики мирного сосуществования, интернациональной поддержки рабочего и национально-освободительного движения и т. п.

Наконец логика радикально-негативного переосмысления советской истории не могла не привести к закономерному итогу – отождествлению гитлеровского национал-социализма и большевизма (или сталинского коммунизма) на почве их сходства как тоталитарных режимов. В частности, печальным свидетельством результатов этих систематических усилий стали слова уважаемого академика о том, что «еще более определенным последствием Октябрьской революции, особенно порожденного ею сталинского режима, стал приход Гитлера к власти, Вторая мировая война» [2, с. 66].

Наряду с эпатажной и односторонне искаженной подачей открытия так называемых секретных протоколов к пакту «Молотова-Риббентропа» (1939) – это было уже прямой дорогой к тезису о равной ответственности гитлеровской Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны.

В этой невероятно благоприятной для Запада идеологической атмосфере его политическая элита предпринимает радикальный дискурсивный пересмотр политической картины мира. При этом осуществляется включение определенных механизмов «забвения», стратегически используемых политикой памяти.

Во-первых, решительно передается забвению проблематика западного происхождения фашизма, вскармливания нацизма европейскими и американскими транснациональными монополиями, «забывается» западная политика натравливания гитлеризма на Восток, вытесняется из коллективной памяти тесное сотрудничество правительств целого ряда европейских стран с гитлеровским режимом во время Второй мировой войны [8]. Американский экономист и общественный деятель Линдон

Ларуш подчеркивал: «...Следует вспомнить стратегию британской политики 1937–1940 гг., приведшей к разрыву британского финансово-истеблишмента с режимом Гитлера, который сами британцы и взрастили. До вторжения немецкого вермахта во Францию, нарушившего условия британских соглашений с прежним протезе Гитлером, практически вся английская аристократия, включая Черчилля, была готова «мириться» с Гитлером, который, как они полагали, нацелен на уничтожение Советского Союза. Когда же Гитлер сначала напал на Францию, и успешно, англо-американские и прочие финансовые круги, например, Прескотт Буш, дед действующего президента Буша, раньше проводившие политику умиротворения и сотрудничества с Гитлером, присоединились к Черчиллю и ко., отвернувшись от бывшего закадычного друга Гитлера. Так что только нарушение Гитлером соглашения не разрушать дипломатических границ на Западе заставило Британию отвернуться от бывших нацистских друзей» [9].

В ответ на попытки возложить ответственность за развязывание Второй мировой войны на советский коммунистический режим участникам современных войн памяти следовало бы оживить многочисленные свидетельства об экономической, военной и политической поддержке нацистского режима в Германии со стороны западного капитала. Общеизвестно, что во время Нюрнбергского процесса бывший президент Имперского банка Я. Шахт в беседе с американским адвокатом заявил: «Если вы хотите предъявить обвинение промышленникам, которые помогли перевооружить Германию, то вы должны предъявить обвинение самим себе. Вы обязаны будете предъявить обвинение американцам. Автозавод «Опель», например, ничего не производил, кроме военной продукции. Владела же этим заводом ваша «Дженерал моторс». Практически до окончания войны, имея специальное разрешение на торговлю с Германией, Италией, Японией, вела свой бизнес американская телекоммуникационная компания ИТТ. Не остановил производство во Франции после оккупации ее немцами

автогигант «Форд», при этом особое покровительство деятельности «Форда» в Европе оказывал лично Герман Геринг, возглавлявший промышленный концерн «Рейхсверк Герман Геринг». О чем говорить, если даже далекая от военных дел компания «Кока-кола» наладила в Германии производство напитка «Фанта»! Не помешала война «Стандарт ойл» заключить через британских посредников контракт с германским химическим концерном «И.Г.Фарбениндустри» на производство авиационного бензина в Германии. За время Второй мировой войны ни один танкер «Стандарт ойл» не был потоплен немецкими подводными лодками» [14]. Сотрудничали также фирмы IBM, Random House, Kodak, Hugo Boss, General Electric (GE).

Нельзя также забывать стремление Запада использовать разбитые части Вермахта для возможной войны с СССР, чрезвычайную поспешность использования гитлеровских генералов для создания бундесвера и оживления послевоенного германского реваншизма, одностороннее провозглашение ФРГ, до сих пор окутанное подозрительной секретностью [15].

Во-вторых, идеологи Евросоюза упорно не желают замечать не просто героизации позорных страниц истории сотрудничества ряда правительств восточно-европейских стран с гитлеровским фашизмом в период Второй мировой войны, но и прямых попыток возрождения нацизма. Всего один пример: так называемые «луковские марши» неонацистов в Болгарии, от которых в 2014 г. правительство этой страны впервые стыдливо откристилось, официально запрещая их; тем не менее, с 2003 г. они регулярно проводятся в февральские дни при поддержке более десятка национальных организаций. Акцию осудили в официальных заявлениях дипломатические ведомства России и даже США.

Сегодня все очевиднее становится подлинный политический смысл перекройки исторической памяти: то, каким образом препарируется история Великой Отечественной войны, то, как демонстративно западными политиками и СМИ тиражируются спекуляции

насчет «советской агрессии против Украины и Германии», «освобождения Освенцима украинскими солдатами» и «нецелесообразности празднования дня Победы над фашизмом в Москве», есть ни что иное, как переход Запада к новой, более агрессивной стадии идеологической и информационной борьбы против России, которая в настоящий момент выступает главной преградой на пути установления гегемонии международного неолиберализма.

В итоге можно сделать следующий вывод: в условиях современного противостояния России, отстаивающей свой государственный суверенитет, и антироссийски настроенных политических кругов стран Запада дискурс политики памяти превращается в агональный дискурс вражды, в инструмент агрессивной пропаганды. Впрочем, данная метаморфоза характерна и для других форм идейного влияния, как только они начинают входить в пространство конфронтационных отношений. Политика памяти, какая бы она ни была, остается все-таки политикой, регулирующей отношения между большими и малыми социальными группами, преследующие свои интересы в деле достижения власти. И поэтому важно помнить известные слова классика: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» [6, с. 47].

1. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с.

2. Гольданский В. Эпитафия XX веку // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000.

3. В.П. Данилов. Возникновение и падение советского общества: социальные истоки, социальные последствия // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000.

4. Р. Дэниэлс. Революция, обновление и парадоксы России в XX веке // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000.

5. Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. –

М.: Новое литературное обозрение, 2012.

6. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма (март 1913 г.). – ПСС, 5-е изд., т. 23.

7. Эгберт Ян. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории / Эгберт Ян; [пер. с нем. М.А. Елизарьевой]. – М.: Политическая энциклопедия, 2014.

8. Селиванов Юрий. Европейский союз Адольфа Гитлера. Коллаборационизм Европы времен Гитлера лишает ее морального права критиковать СССР и Россию // <http://politikus.ru/articles/42267-evropeyskiy-soyuz-adolfa-gitlera.html>.

9. URL: http://www.larouchepub.com/russian/lar/2008/a8447_hzl.html (дата обращения: 17.02.2015).

10. <http://www.president.gov.ua/documents/19104.html> (дата обращения: 09.04.2015).

11. <http://4vlada.net/politika/bud-vnimatelnyy-cto-zapreshchaet-zakon-ob-osuzhdenii-kommunisticheskogo-i-natsistskogo-rez> (дата обращения: 16.04.2015).

12. <http://4vlada.net/politika/bud-vnimatelnyy-cto-zapreshchaet-zakon-ob-osuzhdenii-kommunisticheskogo-i-natsistskogo-rez> (дата обращения: 16.04.2015).

13. <http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD%282013%29004-e> (дата обращения: 16.04.2015).

14. <http://infoglaz.ru/?p=22965>.

15. Gerd-Helmut Komossa. Die deutsche karte. Das verdeckte Spiel der geheimen Dienste. Ares-Verlag, Graz, 2007. – 230 S. – URL: // <http://svpressa.ru/world/article/102180/> (дата обращения: 14.02.2015).

1. Bordyugov G.A. «Vojny pamyati» na postsovetskom prostranstv / Predislovie Alana Kasaeva. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 s.

2. Gol'danskij V. E'pitafiya XX veku // Rossiya na rubezhe XXI veka: Oglyadyvayas' na vek minuvshij. М.: Nauka, 2000.

3. V.P. Danilov. Vozniknovenie i padenie sovetskogo obshhestva: social'nye istoki, social'nye posledstviya // Rossiya na rubezhe XXI veka: Oglyadyvayas' na vek minuvshij. М.: Nauka, 2000.

4. R. De'nie'ls. Revolyuciya, obnovlenie i paradoksy Rossii v XX veke // Rossiya na rubezhe XXI veka: Oglyadyvayas' na vek minuvshij. М.: Nauka, 2000.

5. Kas'yanov G. «Nacionalizaciya» istorii v Ukraine // Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statej. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.

6. Lenin V.I. Tri istochnika i tri sostavnyx chasti marksizma (mart 1913 g.). – PSS, 5-e izd., t. 23.

7. E'gbert Yan. Spornye politicheskie voprosy s točki zreniya sovremennoj istorii / E'gbert Yan; [per. s nem. M.A. Elizar'evoj]. – М.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2014.

8. Selivanov Yuriy. Evropejskij soyuz Adol'fa Gitlera. Kollaboracionizm Evropy vremen Gitlera lishaet ee moral'nogo prava kritikovat' SSSR i Rossiyu // <http://politikus.ru/articles/42267-evropeyskiy-soyuz-adolfa-gitlera.html>.

9. URL: http://www.larouchepub.com/russian/lar/2008/a8447_hzl.html (дата обрashheniya: 17.02.2015).

10. <http://www.president.gov.ua/documents/19104.html> (дата обрashheniya: 09.04.2015).

11. <http://4vlada.net/politika/bud-vnimatelnyy-cto-zapreshchaet-zakon-ob-osuzhdenii-kommunisticheskogo-i>

natsistskogo-rez (data obrashheniya: 16.04.2015).

12. <http://4vlada.net/politika/bud-vnimatelnyim-chto-zapreshchaet-zakon-ob-osuzhdenii-kommunisticheskogo-i-natsistskogo-rez> (data obrashheniya: 16.04.2015).

13. <http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD%282013%29004-e> (data obrashheniya: 16.04.2015).

14. <http://infoglaz.ru/?p=22965>.

15. Gerd-Helmut Komossa. Die deutsche karte. Das verdeckte Spiel der geheimen Dienste. Ares-Verlag, Graz, 2007. – 230 S. – URL: // <http://svpressa.ru/world/article/102180/> (data obrashheniya: 14.02.2015).

UDC 327

AGONISTIC DISCOURSE OF MODERN POLITICS OF MEMORY

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of Philosophy Division, Doctor of Political Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Institute of International Relations,
Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

The article describes the main features of agonistic discourse politics of memory as an example of modern attempts to revise Soviet history, events, and outcomes of World War II, carried out by Western, European and Ukrainian ideology. As the tools of modern politics of memory authors consider such techniques and technology as an identification of the Soviet and the Nazi regime by bringing them under the generic term «totalitarianism», the creation of the concept of a double occupation and a double victim, designing «twins», the sacralization of national suffering, «forgetfulness» of responsibility European countries and the United States for promoting Nazism and others. The authors draw attention to the responsibility of the Russian elite for discrediting the Soviet history, with the creation of a favorable atmosphere for a radical ideological offensive of neoliberal discourse of the politics of memory.

Key words:

agonistic discourse, the politics of memory, the memory of the war, the discourse discredit totalitarianism, the Soviet regime, the technology of construction of «twins», the strategy oblivion, decommunization, World War II.

УДК 329

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ

Фадеечева Марианна Альфредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
главный научный сотрудник,
доктор политических наук, доцент
Екатеринбург, Россия,
E-mail: fm366@uralmail.com

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению причин распространения языка вражды в обществах постмодерна. В ней показаны особенности повседневного бытия и их влияние на использование языка вражды в межэтнических и других межгрупповых коммуникациях. Намечены альтернативные сценарии развития дискурса и языка вражды.

Ключевые слова:

язык вражды, дискурс вражды, социальные стереотипы, социальные экспектации, общество всеобщей неприязни.

Выдающийся мыслитель, немецкий философ-экзистенциалист Мартин Хайдеггер (1889–1976 гг.) осчастливил мыслящую общественность бесподобным высказыванием, ставшим афоризмом: язык – дом бытия. Это высказывание приобретает особую значимость для современности; мир стал абсолютно логоцентричным: в информационном обществе говорят все и говорят всё. В языке объективируется самосознание субъекта. В процессе философского постижения сущности, особенностей и причин распространения языка вражды невозможно обойтись без мультидисциплинарного подхода, без использования знаний из области социолингвистики, социальной психологии и других наук, так или иначе связанных с проблемами языка и общества. Естественный язык или звуковой язык, сформировавшийся в процессе антропосоцио- и этногенеза как «непосредственная действительность мысли» (К. Маркс) имеет многообразно классифицированный ассорти-

мент важнейших функций. Некоторые из них очевидны и хорошо известны, в частности, информационная и познавательная, коммуникативная и регулятивная, – управления поведением. Однако менее известны, но не менее значимы такие функции как апеллятивная – функция побуждения к слушанию, фатическая – установление контакта со слушателем, эмотивная – выражение эмоций говорящего. Даже простое и неполное перечисление функций языка позволяет актуализировать уставшую истину, – какова жизнь, таков и язык; каков язык, такова и жизнь. Сложная жизнь постмодерных обществ характеризуется множеством субкультур и эклектичных субкультурных миксов, сверхвысокой скоростью социальных изменений, в том числе ценностей и норм морали. Все более усложняется социальная стратификация, смысл которой не может выразить ни каноническое деление общества на классы, ни известные стратификационные критерии, такие как доход, образование, власть

и престиж, но перманентно возникают новые существенные критерии, формирующие множественные идентичности.

В современном языке, в публичном дискурсе все более отражаются отношения, находящиеся в спектре от индифферентизма и равнодушия до недоброжелательности и вражды. «Вражда, – ы, ж. Отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью. *Непримиримая в. Питать вражду к кому-н.*» [3, с. 98]. Однако это не исключает наличия противоположных партикулярных отношений принятия, приязни и дружбы. «Дружба, – ы, ж. Близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов» [3, с. 176]. Враждебное отношение к чужим и дружеское отношение к своим, выраженное в языке, служило и продолжает служить ориентиром общественных отношений. Так, например, известен слоган времен СССР: «Пусть крепнет дружба народов СССР!». На языке искусства он воплотился в известном фонтане «Дружба народов», созданном по проекту архитектора К. Т. Топуридзе и открытом в 1954 г., который стал не только символом Выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ), но символом отношений дружбы между своими, трудящимися, и потому – братскими народами пятнадцати республик СССР.

Как говорится, конституции могут быть слепыми, но не немыми. Конституции представляют собой определенное послание власти о том, что должно. Конституция РФ имеет норму, содержащуюся в статье 29.2: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» [2, с. 13]. Это значит, что Конституция РФ запрещает использовать язык вражды, так как соответствующие ненависть, вражда и превосходство возбуждаются, выражаются и распространяются посредством языка.

Несмотря на конституционные запреты, несмотря на народную мудрость, что худой мир лучше доброй ссоры, язык вражды успешно распространяется. Охватывая все более широкие слои населения, он становится привычным

языком индивидов и масс. Можно предположить, что особые условия человеческого существования, повседневной жизни людей приводят к возникновению и распространению языка вражды, являются его причинами. Имеются фундаментальные и прикладные исследования языка вражды [См., например: 1; 5; 6]. Проводимые в антропоцентрической парадигме, исходящие из гуманитарных соображений они, как правило, предлагают бороться с языком вражды. Однако, борьба собственно с языком вражды это – борьба со следствиями. Существенно то, что язык вражды употребляется в основном в сфере межэтнических отношений. Межэтническая напряженность, этнические конфликты, воплощенные в действиях, все более переходят на поле языков и символов.

Питательную почву для произрастания языка вражды имеет тип современного общества, – общества постмодерна, для которого, во-первых, характерна повышенная географическая мобильность, означающая увеличение числа миграционных потоков и количества человек, перемещающихся в географическом трансграничном или внутриграничном пространстве. Во-вторых, в нем произошел субкультурный взрыв, и далее с усилением межэтнических и кросскультурных коммуникаций субкультурные взрывы становятся перманентными. В-третьих, еще одной эксклюзивной особенностью общества постмодерна является релятивизм морали – быстрое изменение моральных ценностей и норм, и его следствие – моральный нигилизм, аморализм. Множество субкультур и плюрализм критериев социальной стратификации, отражающие сложность постмодерных обществ, отражаются во множестве, плюрализме систем моральных ценностей, которые иерархизируются в зависимости от специфики их носителей. Неопределенность морального дискурса, определение места той или иной системы моральных ценностей, попытки их ранжирования, поиски подлинной морали порождают в обществе постмодерна не только дискуссии, но и жесткие до жестокости споры по поводу того, «что такое хорошо, и что такое плохо».

Географическая мобильность имеет вполне определенные социальные последствия, которые носят преимущественно негативный

характер, что непосредственно отражается в языке. Превращение мигрантов из визуального меньшинства в значительную часть населения, интервенция мигрантской культуры и деформация привычного культурного ландшафта, девиантное и делинквентное поведение со стороны части мигрантов, использование мигрантами социальных услуг, дефицитных для автохтонного населения – это те бытийные основания, ставшие атрибутом повседневности, которые находят адекватное отражение в языке вражды. Язык вражды очень точно отражает особенности межэтнических отношений и связанные с ними негативные экспектации. Если этносы и этнические группы коренного населения имеют историческую привычку жить вместе, их отношения складываются относительно непротиворечиво, то полиэтническое коренное население имеет негативные социальные экспектации по отношению к новым мигрантам. Включенное наблюдение дает возможность предположить, что автохтонное население меньше всего неприятностей ожидает от мигрантов из дальнего зарубежья. Так, например, для РФ это – граждане Китая и Вьетнама. Большая тревожность связана с мигрантами из бывших республик СССР, особенно среднеазиатских и закавказских. Наиболее негативные экспектации связаны с гражданами РФ, внутриграницными мигрантами из республик Северного Кавказа. Закономерно, что с увеличением количества мигрантов негативные экспектации возрастают. В свою очередь, негативные социальные экспектации, иерархически выстраиваясь в зависимости от частоты контактов, особенностей культуры и мигрантского поведения, приводят к распространению и «повышению градуса» языка вражды.

Язык вражды, проявляется ли он в сфере межэтнических или иных отношений, в качестве «экономии мышления» использует и транслирует стереотипные представления. В сфере межэтнических отношений это – этнические стереотипы как упрощенные образы этноса, в других сферах это могут быть гендерные, возрастные и прочие субкультурные стереотипы как упрощенные образы соответствующей группы. При этом негативный смысл несут в себе гетеростереотипы, тогда как автостереотипы преимущественно выступают со знаком плюс. Неверифицируемость,

эмоционально-оценочный характер, невосприимчивость к новому, устойчивость и согласованность превращают социальные стереотипы в пространство распространения языка вражды.

Субкультурные взрывы в обществе постмодерна связаны не только и не столько с географической мобильностью, с многообразием вступающих в контакт этнических культур, но с большим количеством половозрастных, профессиональных, досуговых, потребительских и других, выделенных по значимым группобразующим основаниям. Чем больше социальных групп, тем больше языков, на которых эти группы говорят, тем сложнее находить язык межгруппового общения, тем больше возникает языковых барьеров в коммуникации, для преодоления которых требуются особые усилия со стороны участников коммуникации. В качестве защитного механизма начинает действовать внутригрупповой фаворитизм, предпочтение своей группы, как механизм межгруппового восприятия, который служит для поддержания группой своего позитивного образа и позитивной идентичности. При этом культура своей группы, включающая идеалы, традиции и обычаи, нормы и ценности, прочие феномены культуры признается естественной и правильной, более того, универсальной, то есть в силу своей естественности и правильности распространяемой с необходимостью на иные формы групповых субкультур. В то же время другие групповые субкультуры оцениваются как неестественные, неправильные, требующие исправления вплоть до уничтожения, описываются языком враждебным и воинствующим. Здесь в поле зрения исследователя входит нечто большее, чем язык вражды, а именно – дискурс вражды как способ означивания, интерпретации, репрезентации, порождения смыслов. «Дискурсы – важные агенты политической коммуникационной сети, выступающие в роли ретрансляторов, кодов и континуумов смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований» [4, с. 26]. Дискурс вражды можно определить как специфический, проникнутый неприязнью и ненавистью способ означивания и интерпретации «чужого».

Сложно устроенная коммуникационная сеть, среди прочих, имеет эксклюзивные узлы,

производящие и транслирующие особые смыслы, выраженные в языке. Властный дискурс вражды включает в себя язык вражды. Можно предположить, что одним из дискурсивных атрибутов власти является создание образов врага или врагов, выраженных с помощью языковых средств. Образы врага и их языковой портрет могут ситуативно изменяться в зависимости от стратегических и тактических политических целей. Поддержание образа внешнего и/или внутреннего врага или врагов, как правило, служит средством консолидации нации. Здесь также включается механизм внутригруппового фаворитизма, где в качестве группы выступает часть человеческой популяции, оказавшейся в пределах той или иной государственной границы. Язык вражды воспринимается и распространяется в особых условиях, в которых менее всего развита демократическая политическая культура, где наиболее распространена конфликтная политическая культура. В медийном пространстве воспроизводится и распространяется властный и повседневный дискурсы вражды. Новостные программы, политические ток-шоу, ток-шоу на бытовые темы транслируют проникнутые неприязнью отношения, где максимальное проявление ненависти, выраженное посредством ненормативной, табуированной лексики «запикивается» с помощью звукового сигнала. Особый предмет для изучения распространения и функционирования языка вражды представляет собой общение в социальных сетях, где употребление языка вражды постепенно становится ведущим трендом, отражающим особенности бытия повседневности.

Бытовые трудности, такие как рост цен, обесценивание денежных накоплений, снижение заработной платы, безработица, дефицит товаров, рост различных платежей и тарифов, недоступность социальных благ, плохо развитая инфраструктура, агрессивная окружающая среда, неблагоприятные природно-климатические условия и т. д. провоцируют напряженные социальные отношения и актуализируют использование языка вражды. На языке вражды говорит «общество преодоления, для которого характерно наличие внешних и внутренних угроз, отсталая экономика, дефективная социальная сфера, низкий уровень потребления и бытовое варвар-

ство, а также пренебрежение жизнью индивида, игнорирование повседневности, ориентация на «светлое будущее», «тот свет», отсутствие стремления к успеху и личной перспективе. Это есть *общество всеобщей неприязни*. Этому типу общества присущи особые качества: нетерпимость к иному, непримиримость позиций, стремление не к истине, а к правде, жесткость и жестокость, бескомпромиссность, неспособность к совместным действиям, ксенофобия и ряд других аналогичных» [7, с. 205].

Рассмотрение проблем сущности, функций, особенностей языка вражды не является самоцелью. Самая интересная проблема, требующая особого изучения и ждущая своих исследователей это – проблема перспективы. Что дальше? Как будет развиваться язык вражды? Возможны различные сценарии развития дискурса и языка вражды. Можно предположить, что это – альтернативные сценарии, от реализации любого из них зависит самочувствие каждого члена общества и перспективы общества в целом. Первый сценарий это – тотальный дискурс вражды и распространение языка вражды. Второй сценарий – локализация дискурса вражды, маргинализация языка вражды. Выбор и осуществление сценария – это вопрос сознательного выбора политических акторов. Условиями выбора того, на каком языке говорить могут быть признаны преобладающие социальные предпочтения, изменение бытийных оснований и властная воля.

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. – 224 с.

2. Конституция Российской Федерации. – М.: Известия, 1995. – 64 с.

3. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.

4. Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // ПОЛИС. – 2006. – № 4. – С. 26.

5. Тощенко Ж.Т. Этнокрафия: История и современность. Социологические очерки. – М.: РОССПЭН, 2003. – 432 с.

6. Фадеичева М.А. Мигранты из Таджикистана: образ в зеркале СМИ // Этнопанорама. – 2010. – № 1–2. – С. 49–55.

7. Фадеичева М.А. Человек в этнополитике. Концепция этнонационального бытия. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – 248 с.

1. Alpatov V.M. 150 yazykov i politika: 1917–2000. Sociolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva. – M.: Kraft+, Institut vostokovedeniya RAN, 2000. – 224 s.
2. Konstituciya Rossijskoj Federacii. – M.: Izvestiya, 1995. – 64 s.
3. Ozhegov S.I. i Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskix vyrazhenij / Rossijskaya AN; Rossijskij fond kul'tury. – M.: AZ», 1996. – 928 s.
4. Rusakova O.F., Maksimov D.A. Politicheskaya diskursologiya: predmetnoe pole, teoreticheskie podxody

i strukturnaya model' politicheskogo diskursa // POLIS. – 2006. – № 4. – S. 26.

5. Toshhenko Zh. T. E'tnokratiya: Istoriya i sovremennost'. Sociologicheskie ocherki. – M.: ROSSPE'N, 2003. – 432 s.
6. Fadeicheva M.A. Migranty iz Tadjikistana: obraz v zerkale SMI // E'tnopanorama. – 2010. – № 1–2. – S. 49–55.
7. Fadeicheva M.A. Chelovek v e'tnopolitike. Koncepciya e'tnonacional'nogo bytiya. – Ekaterinburg: UrO RAN, 2003. – 248 s.

UDC 329

EXISTENTIAL FOUNDATIONS OF HATE SPEECH

Fadeicheva Marianna Alfredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Principal researcher,
Doctor of Political Sciences,
Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: fm366@uralmail.com

Annotation

The article is devoted to analysis of the causes for the spread of hate speech in postmodern society. It shows peculiarities of everyday existence and their influence for using hate speech in the interethnic and the others intergroup communications. The author proposes two alternative variants of the development of discourse of enmity and of hate speech.

Key words:

hate speech, discourse of enmity, social stereotypes, social expectations, society of general dislike.

УДК 323.4

ДИСКУРС ВРАЖДЫ: ПОНЯТИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ

Фурсов Кирилл Константинович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: biathlon91@mail.ru

Аннотация

В статье формулируется новое понятие политической науки – категория «дискурс вражды». Оно складывается из двух понятий дискурса и вражды. Понятие вражды выводится через характеристики концепций в истории политической философии. Дискурсом вражды можно будет называть коммуникативные отношения, в рамках которых индивиды или группы находятся в состоянии длительного целенаправленного противостояния, которое несёт разрушительные результаты и соотносится с окружающим социальным и политическим контекстом. К дискурсу вражды можно отнести дискурсы дегуманизации, демонизации, маргинализации, переписывания истории, модель «мы» - «они», модель образа врага.

Ключевые слова:

вражда, дискурс вражды, язык вражды, образ врага.

Понятие «дискурс вражды» является новым для современной науки. Раскрыв понятие, станет более очевидным актуальность подобного исследования. Британский лингвист и дискурсолог Д. Уилсон считает, что дискурс первичен перед теми областями, которые он рассматривает. Также из этого следует, что понятие «дискурса вражды» является составным. Раскрыв категорию вражды, станет более очевидным это составное понятие. Актуальность изучения вражды заключается в появлении новых форм и тенденций в этой области.

Понятие вражды существует продолжительное время. Понятие «вражда» появилось во времена античности. Первый о ней заговорил греческий философ Гераклит. Он сформулировал мысль о бесконечной вражде противоположностей и их тесном единстве. «Расходящееся сходится, и из различных (тонов) образуется

прекраснейшая гармония, и всё образуется через борьбу». Гераклит использует понятие (с греч. *τὸ ἀντιζῶον* – враждебно стремящиеся друг против друга). Гераклит сформулировал бинарные оппозиции такие, как «мир – война», «истина – ложь», «единое – многое». Важным для Гераклита стало то, что противоположности существуют одновременно и борьба между этими противоположностями является постоянной [Маковельский, 1999, с. 147–148]. Ученик Пифагора Эмпедокл определил движущие силы природы – Любовь и Ненависть. Процесс движения природы является циклическим – объединения и разъединения, превращения Любви в Ненависть и Ненависти в Любовь. Любовь соединяет разные стихии, элементы, а вот вражда – это процесс разъединения этого единства. При этом разрушение единства, которое характеризует Эмпедокл вражду, придаёт

ей деструктивный характер – «смертоносная вражда» [Эмпедокл, 1999].

Использует понятие вражда и Платон. Он придаёт вражде политический смысл. Вражда характеризует личные отношения людей. Но при этом Платон использует уже сформулированные Эмпедоклом понятия. Важным качеством вражды является её взаимность. Базисом вражды по Платону являются разногласия, то есть разные сформулированные позиции. Среди своих граждан – эллинов вражда является раздором, а между эллинами и чужими народами (варварами) – войной. Причина внутренней вражды является раскол собственных граждан, отсутствие любви к собственному Отечеству. Стоит добавить, что «вражда» у Платона также вытекает из понятия «враг». Враг у Платона может поработить в наказание, разрушить и сжечь дома, убивать, не пользоваться благожелательными советами с другой стороны. При этом Платон разделял естественную и искусственную вражду. Вражда между эллинами и варварами естественна по природе, между самими эллинами раздор является нелепой случайностью. Эта враждебность обусловлена имущественными различиями разных слоёв общества. Враждебность обуславливает и эмоциональное состояние слоёв, как ненависть, злые умыслы, страх. Очевидное существование враждебности слоёв – разрушение государства. Единство государства основывается на существовании в себе внутренних враждебных социальных групп (бедняки и богачи), при изменении идентичностей бедняков в пользу богатых или при участии в управлении государством подобная враждебность снимается. Касаясь физической природы человека, Платон говорит о враждебности, как отсутствии пользы и следовательно, ведущей к распаду. При этом новизна Платона заключается в том, что он заложил фундамент для проблемы этнической вражды [Платон, 1994].

Аристотель выделяет три смежных категории: ненависть, вражда, гнев. Для Аристотеля гнев – составная часть ненависти. Гнев отличается от ненависти наличием «горестных чувств» (эмоций) и отсутствием разумности в принятии решений. Вражда – это состояние противоположности без горечи и сожаления. Для Аристотеля главной была вражда к несправедли-

вости в отличие вражды к чужим людям. Вражда у Аристотеля имеет также и политический характер. Он выделяет вражду противоположных форм правления, вражду простых граждан к тиранам [Аристотель, 1983].

В период Средневековья вражда вышла из употребления. С точки зрения христианского философа Аврелия Августина любовь и вражда усматривались в представлении Эмпедокла. Они являлись материальными причинами движения тел, а отсутствие в них божественной силы вызывало полное несогласие с данными взглядами. Снова к подобному определению возвращается Н. Макиавелли. У него вражда выступает синонимом раздоров и смуты. Приводя пример, Н. Макиавелли показывает, как можно избежать вражды. Главное для него было сохранение единства государства, будь то Венеция или Спарта. Разделяя государства на правящие и управляемые группы, общественное положение сохраняло порядок. В Венеции основатели города, при возрастающем положении численности населения, отказали прибывающим в участии управлении городом. А в Спарте законы Ликурга запрещали мигрантам стать гражданами, а также уравнили управленцев и управляемых по низкому уровню доходов. Это создало отсутствие желания у низших слоёв полис управлять Спартой. В Риме вражда между Сенатом и плебсом способствовала свободе так, как возникали законы, способствовавшие свободе. Но также вражда вела и к возможному разрушению государства, приводя пример жадности и честолюбия знати [Н. Макиавелли, 1998].

В период Нового времени вражда рассматривается, как с этических, так и с политических позиций. Г.Б. Спиноза в «Этике» указывает, что вражда есть не естественный процесс. Это наложение идей противоположной любви, когда одному человеку присуща идея обладания объекта, а другому – его отсутствие. Подобная любовь к одному объекту обуславливает вражду. Вражда сильнее, чем больше любви существует между людьми. В представлении Т. Гоббса вражда имеет юридические рамки. Вражда должна быть институционализирована. К враждебным действиям английский философ относил – право низлагать правителя, убивать людей, покорять государства. Единственным исключением

из незаконной вражды Т. Гоббс считал защиту Отечества. Он первым выразил отношение вражды и конфликта: «Если воля двух различных людей производит действия, враждебные друг другу, то это называется конфликтом» [Т. Гоббс, 1989, с. 570].

Д. Локк продолжает традицию ассоциации вражды и врага. В представлении английского мыслителя вражда имеет онтологическую основу войны: «Состояние войны есть состояние вражды и разрушения» [Д. Локк, 1988, с. 269] Война определяется через враждебность сторон и через отсутствие высшей, разрешающей споры инстанции. Война в представлении Д. Локка не случайное, а целенаправленное действие по лишению жизни своего врага. В условиях войны сторонам нужна безопасность, поэтому основой нападающей стороны становится сила и насилие, желание подчинить, а ответной стороны – желание разума обозначить ту сторону, как врага и осуществить обратное нападение. Если раньше во вражде выделяли идеальный и материальный компонент, то Д. Локк выделяет лингвистическую и практическую часть – заявление и действие.

Продолжает рассуждение о вражде в контексте войны Г. Гегель. Вражда и враждебность имеет смысл противоположности. Враждебность в рамках одного государства ведёт к разрушению целого на части. Враждебным единству считается использование одной из сторон иностранной силы. Межгосударственная враждебность использует общие права, чтобы на них претендовать и покушаться. Г. Гегель подметил, что каждая сторона стремится оправдать себя путём обвинения другой. Каждая сторона обладает собственной истиной и обе эти истины верны, истинным правом становится право побеждающей стороны [Г. Гегель, 1978].

В XIX веке наиболее существенный вклад в понимание вражды внёс основатель современной конфликтологии Г. Зиммель. В его представлении нельзя отрицать возможность естественной выработки враждебности. Антагонизм становится самостоятельно присущим человеку началом. Первой исторической формой вражды является война. Г. Зиммель обозначает проявления внутригрупповой вражды: «Внутри замкнутого круга вражда, как

правило, означает прерывание взаимосвязей, отстраненность и избегание контактов; эти негативные явления сопровождается даже страстное взаимодействие открытой борьбы». Усугубить антагонизм может наличие тесного единства, которое придаёт ощущение горечи и несправедливости [Г. Зиммель, 1994, с. 114–119].

Русская религиозная философия в конце XIX – начале XX века продолжала сложившиеся тенденции. К. Леонтьев и С. Франк касаются того, что вражда выражает наличие противоположности. Эта противоположность имеет бинарный характер «правый» – «левый» у С. Франка, бинарное противопоставление Британской империи или Германии с Россией. Дополнительной характеристикой стала нравственно-этическая окраска вражды. Вражда стала ассоциироваться со злыми силами и устремлениями в сторону ада. Н. Фёдоров обращаясь к вражде, рассуждает о том, как целое человечество разделилось на мелкие группы и стало враждовать между собой, хотя могло дожидаться прихода Иисуса Христа и воскресить своих предков. В русской религиозной философии вражда ассоциируется с наличием «врага» и присутствием разрушительных последствий. Важным вкладом в понимание вражды становится этическое содержание по дихотомии «добро» – «зло».

Среди представителей политической философии, касающихся вражды, можно определить следующие черты: противоположность, постоянность, одновременность, материалистичность, переменность, распад и разрушение, целенаправленность, идеализм, истинность и этическое выражение. Понятие «вражда» имеет явную отсылку к понятию «враг». Среди концепций вражды противоположными можно считать позиции Гераклита и Эмпедокла, Эмпедокла и Аврелия Августина. Поэтому только постоянность и переменность выступают, как антагонизмы. Материализм в качестве христианской критики не противоречит идеализму Спинозы так, как речь идёт о человеке, только с разных сторон, тела и души. Вражда – это длительное отношение между субъектами, которое имеет целенаправленное противопоставление, ведущее к распаду и разрушению объекта. Подобный распад не может не оцениваться с негативной

этической позиции. Выбор этической оценки вражды является одной из теоретических проблем: оценка участвующего субъекта или оценка стороннего наблюдателя.

Вражда имеет отношение и к другим наукам, кроме политической и философской. Это лингвистическая, юридическая, психологическая наука. Отметим наиболее удачные исследования. Н. Н. Балабас описала результаты значений концептов «дружба» и «вражда» во французском языке путём свободного ассоциативного эксперимента. «Вражда – это негативное чувство, вызванное ненавистью, к которой привело непонимание и возникшие противоречия». В рамках метода анализа Н. Н. Балабас в ядро вражды вошли такие выражения, как вражда, состояние войны, ненависть, антипатия, неприязнь, недоброжелательность. Как видно в обыденной речи видна разнонаправленность используемых понятий: вражда и состояние войны [Н. Н. Балабас, 2009, № 3, с. 205–212].

Лингвистическая наука смогла выработать модель «языка вражды». Одна из причин, по которым была выработана данная модель – это применение в судебных процессах по наказанию за действия, которые основаны на принципе вражды. О. С. Коробкова определяет «язык вражды», как способ языкового конструирования моделей и практик социального неравенства. «Язык вражды» выражает этнические различия. Концепция «свой» – «чужой» является наиболее распространённой в данной модели. Лингвистические средства помогают маркировать «чужого». О. С. Коробкова считает дискурс «другого» исключительно присущим самому себе в то время, как дискурс «своих» использует и другие дискурсы [О. С. Коробкова, 2011, с. 200–205]. Е. П. Соколова под «языком вражды» словесная дискриминация и речевая агрессия по отношению к этническим и социальным группам. «Язык вражды» формирует образ «чужого» [Е. П. Соколова, 2010, № 4, с. 274–280]. Как видно, этот язык использует групповые идентичности, личные идентичности тоже относятся к коллективным идентичностям.

Поэтому, дискурсом вражды можно будет называть коммуникативные отношения, в рамках которых индивиды или группы находятся в состоянии длительного целенаправленного

противостояния, которое несёт разрушительные результаты и соотносится с окружающим социальным и политическим контекстом. В рамках коммуникации языковые и текстовые компоненты являются обязательными. Персональные представители, выражающие коллективные идентичности, вступая в состояние вражды, имеют ценностное и этическое выражение, которое для них является правильным и которое они хотят донести до противоположной стороны.

К данной категории можно будет отнести следующие явления, как дискурс дегуманизации, демонизации, маргинализации, переписывание истории, модель «мы» – «они», образ врага. Модель «образа врага» оказалась наиболее распространённой в зарубежной науке. Из «образа врага» были сделаны определённые выводы. Враг конструируется на негуманистической основе. Он становится объектом неуважения или ненависти из-за несоответствия определённым характеристикам или параметрам. На персональную идентичность накладываются групповые признаки. Вследствие этого, человек, отражающий групповую идентичность, несёт на себе негативные стереотипы, имеет отрицательные черты. Дегуманизация – это процесс, при котором образ человека приближается к биологической, животной сущности. В данном случае насилие, жестокость являются латентным оправданием теории борьбы за существование. Подобный процесс имеет свои политические последствия. Большинство аналитиков сходятся в том, что формируя образ врага, правительства некоторых стран оправдывают своё вмешательство в дела иностранных государств. Меры дискриминации демонизируемых групп являются всегда репрессивными, но отличаются по степени жесткости. Бывают мягкие методы – исключение участия, лишение гражданства, маргинализация, лишение прав и жёсткие методы – физическое насилие, геноцид, терроризм, агрессия. В создании образа врага отражается комплекс психологической проекции – «виновен сам, обвиняешь в этом другого». Образ врага в западной науке относят к искусственным явлениям – процесс конструирования воображаемых образов. Благоприятным условием для формирования образа врага является наличие пропаганды. Она институционализирует процесс воспроизводства вражды.

Современные политические практики дискурса вражды имеют некоторые особенности. Использование электронных ресурсов, страницы интернет-сообществ, виртуальные атаки и взломы сайтов, создание сети «ботов», троллинг, фейки, демотиваторы. В рамках информационных войн провокационные заявления повышают степень напряжённости, события которых не подтверждает ни одна из сторон. Творчество становится одной из черт политических перформансов, как протестные и карикатурные движения. Главной чертой становится принадлежность сторон к разным политическим ценностям, которые ведут к вражде. Процесс демонизации и дегуманизации превращает человека в животного, создаёт ненависть и ведёт к насилию. Переписывание истории относится к дискурсу вражды так, как создаёт разрыв между единым целым пространством. Например, простой перенос понятия «Вторая мировая война» на понятие «Великая Отечественная война» приводит к фактической ошибке, если говорить о дате окончания этих событий. Но перенос имеет смысл тогда, когда он направлен на разрушение единого политического пространства и стремится выделить какую-либо отдельную национальную историю.

Таким образом, разработка понятия вражда имеет начало со времён античности. Можно считать, что отличительными характеристиками вражды её продолжительность, целенаправленность, противоположность, деструктивный результат и этическая оценка. Вражда – это длительное отношение между субъектами, которое имеет целенаправленное противопоставление, ведущее к распаду и разрушению целого объекта. Понятие вражда использовали лингвистическая, юридическая, психологическая науки. Наиболее доминирующими теориями в современной науке стали теория «языка вражды» и «образа врага». Здесь были сделаны основные научные разработки, которые можно использовать для формирования дискурса вражды. Вражда имеет свои причины и формы проявления, соответствующий контекст. Дискурсом вражды можно будет называть коммуникативные отношения, в рамках которых индивиды или группы находятся в состоянии длительного целенаправленного противостояния, которое несёт разрушительные результаты и соотносится с окружающим соци-

альным и политическим контекстом. Наиболее частыми встречаются процессы дегуманизации и демонизации враждебных групп, их маргинализация. Также к дискурсу вражды можно информационные войны, электронные технологии виртуальных атак, троллинг, фейки, протестные и карикатурные движения, переписывание истории. Обязательной чертой вражды выступают ценности субъектов вражды, за которые они борются.

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
2. Балабас Н.Н. Концепты Amitie (дружба) и Hostilite (вражда) во французском языковом сознании по результатам свободного ассоциативного эксперимента // Вестник МГОУ. – 2009. – № 3. – С. 205–212.
3. Г. Гегель. Политические произведения. Сер. Памятники философской мысли. – М.: Наука, 1978. – 439 с.
4. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Пер. с лат. и англ.; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1989. – 622, [2] с, 1 л. портр. – (Филос. наследие; Т. 107).
5. Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 114–119.
6. Коробкова, О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Серия филология. – 2011. – № 111. – С. 200–205.
7. Локк, Д. «Два трактата о правлении» // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 137–405.
8. Макиавелли, Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 278 с.
9. Маковельский А. Досократики. – Мн.: Харвест, 1999. – 789 с.
10. Платон, Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – 654, [2] с. – (Филос. наследие).
11. Соколова, Е.П. Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление особенностей политической культуры // Вестник СПбГУ. – 2010. – Сер. 9. – Вып. 4. – С. 274–280.
12. Эмпедокл, «О природе» / «Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э.». – М.: Ладомир, 1999: [Электронный ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/empedokles/nature.htm> (дата обращения: 18.04.2015).

1. Aristotel'. Sochineniya: v 4-x t. T. 4 / Per. s drevnegrech.; Obshh. red. A.I. Dovatura. – M.: Mysl', 1983. – 830 s.
2. Balabas N.N. Koncepty Amitie (druzhiba) i Hostilite (vrazhda) vo francuzskom yazykovom soznanii po rezul'tatam svobodnogo associativnogo e'ksperimenta // Vestnik MGOU. – 2009. – № 3. – S. 205–212.
3. G. Gegel'. Politicheskie proizvedeniya. Ser. Pamyatniki filosofskoj mysli. – M.: Nauka, 1978. – 439 s.
4. Gobbs T. Sochineniya v 2 t. T. 1 / Per. s lat. i angl.; Sost., red. izd., avt. vstup. st. i primech. V.V. Sokolov. – M.: Mysl', 1989. – 622, [2] s, 1 l. portr. – (Filos. nasledie; T. 107).
5. Zimmel' G. Chelovek kak vrag. // Sociologicheskij zhurnal. – 1994. – № 2. – S. 114–119.
6. Korobkova, O.S. Markery yazyka vrazhdy v nominacijax

e'tnicheskoj prinadlezhnosti: sociolingvisticheskiy aspekt // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. Seriya filologiya. – 2011. – № 111. – S. 200–205.

7. Lokk, D. «Dva traktata o pravlenii» // Lokk Dzh. Sochineniya: v 3 t. – T. 3. – M.: Mysl', 1988. – S. 137–405.

8. Makiavelli, N. Gosudar'. Rassuzhdeniya o pervoy deкаде Tita Liviya. – Rostov n/D: Feniks, 1998. – 278 s.

9. Makovel'skiy A. Dosokratiki. – Mn.: Xarvest, 1999. – 789 c.

10. Platon, Sobranie sochinenij v 4 t. T. Z / Per. s drevnegrech.; Obshh. red. A.F. Loseva, V.F. Asmusa, A.A. Taxo-Godi; Avt. vstup.

st. i st. v primech. A.F. Losev; Primech. A. A. Taxo-Godi. – M.: Mysl', 1994. – 654, [2] s. – (Filos. nasledie).

11. Sokolova, E.P. Agressivnye tendencii v rossijskix SMI kak proyavlenie osobennostej politicheskoy kul'tury // Vestnik SPbGU. – 2010. – Ser. 9. – Vyp. 4. – S. 274–280.

12. E'mpedokl, «O prirode» / «E'llinskie poe'ty VIII–III vv. do n.e'». – M.: Ladomir, 1999: [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/empedokles/nature.htm> (data obrashheniya: 18.04.2015).

UDC 323.4

THE DISCOURSE OF HOSTILITY: THE CONCEPT AND CONTEMPORARY PRACTICES

Fursov Kirill Konstantinovich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: biathlon91@mail.ru

Annotation

In the article is created new definition concept of discourse of hostility. It consists of two concepts of discourse and hostility. The concept of hostility displayed by the characteristics of the concepts in the history of political philosophy. The discourse of hatred can be called communicative relationship in which individuals or groups are able to of prolonged purposeful confrontation, which carries a devastating results and correlated with the surrounding social and political context. The discourse of enmity can be attributed discourses of dehumanization, demonization, marginalization, rewriting history, the model of «we» – «they», the model image of the enemy.

Key words:

hostility, discourse of hostility, language of enmity, image of the enemy.

УДК 321.01

ТЕЛО КАК ПОВЕРХНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПИСЬМА: ОПЫТЫ ПРОТЕСТНОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Скиперских Александр Владимирович,

НИУ Высшая школа экономики,
кафедра гуманитарных дисциплин,
доктор политических наук, профессор,
Пермь, Россия,
E-mail: pisatels@mail.ru

Аннотация

В данной статье речь идёт о том, как тело выступает в качестве поверхности политического письма, становясь частью протестного дискурса.

Выступая поверхностью для протестного текста, тело субъекта протеста концентрирует в себе протест, находясь в состоянии постоянной оппозиции к власти, к официальному дискурсу. Автор приводит ряд примеров, раскрывающих специфику использования тела в протестном политическом дискурсе современной России.

Ключевые слова:

власть, дискурс, поверхность протеста, протестный дискурс, сопротивление.

Наряду с дискурсом власти существует и дискурс сопротивления – протестный дискурс. Власть не может существовать без сопротивления, равно, как и сопротивление не может существовать без власти. Сопротивление вечной, неустанно тенью преследует власть, приучая её к постоянному ощущению собственной конечности и неизбежности обновления. Повсюду власть сообщается со своей диалектической оппозицией – сопротивлением, вокруг которого и образуется протестный дискурс, где и гнездятся протестные тексты.

В своих исследованиях автор периодически обращался к протестному дискурсу, создающемуся с помощью протестного письма,

несмотря на существующие расхождения в понимании и оценки данной категории – «многоголосицу существующих трактовок» дискурса как такового [7, с. 9].

Вместе с тем ежедневно мы сталкиваемся с протестным письмом, появляющимся вопреки официальным ожиданиям и регламентациям, заполняющим пустые поверхности, и заставляющим их говорить на языке протеста. В частности, нам кажется убедительной мысль Ж. Делёза, видевшего задачей сегодняшнего дня заполнение подобного вакуума. Пустое место необходимо заставить «циркулировать», а доиндивидуальные и безличные сингулярности заставить говорить, – короче, чтобы

производить смысл» [4, с. 109]. Таким образом, сама политическая реальность подталкивает исследователя к попыткам определения природы и структуры протестного дискурса.

Политическая и культурная практика показывает, что так и происходит, причём, вне зависимости от исторического времени и спецификаций политических систем и режимов. Политические акторы, так или иначе, представляющие сопротивление (а, вместе с ним, и протестный дискурс), в меру своих возможностей и используют пустые пространства и поверхности, для демонстрации протестных текстов.

В одном из своих исследований мы классифицировали поверхности, на которые накладывается политический протестный текст. На наш взгляд, их можно представить в трёх группах, имеющих характерные особенности и специфику. Это – город с его материальным капиталом, политическая коммуникация и непосредственный субъект протеста, тело которого, будучи погруженное в политический контекст, постоянно производит протестные смыслы [8, с. 110].

В данной статье наш интерес будет также сосредоточен на протестном дискурсе. Мы попытаемся определить, как тело субъекта протеста может фигурировать в качестве протестной поверхности. Мы не ставим задачи охватить все формы использования тела в качестве поверхности для наложения протестного письма. Для этого потребовалось бы изучение всего многообразия сопротивления и его медленной эволюционной метаморфозы. Подобный опыт настолько многообразен, что исследователь оказывается совершенно бессильным «схватить» все практики протестных манифестаций тела. Данная статья – только рассуждение о российской практике, иллюстрированное наиболее яркими примерами.

Власть изначально сильнее тела, практически все практики власти направлены на обуздание и подчинение человеческой активности. Власть заинтересована в полном контроле над обществом, единицей которого как раз и выступает человеческое тело. Ценность челове-

ческой жизни для власти минимальна, потому как ею решаются более стратегические задачи, в рамках которых основным приоритетом является общая цель, но только не сам человек. Власть думает и действует достаточно жёстко, в рамках политической целесообразности и государственной необходимости.

М. Фуко заметит как-то: «тело непосредственно погружено в область политического. Отношения власти держат его мёртвой хваткой. Они захватывают его, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки» [10, с. 39].

Казалось бы, в подобных условиях тело навсегда обречено на вечное подчинение и репрессивные нагрузки, а сам субъект на молчание и бездействие. К слову, английский политический философ И. Берлин однажды как-то выскажется по этому поводу, отмечая характерное для русской культуры «культурное молчание» [2, с. 122–133]. Молчат интеллектуалы, которые должны выступать альтернативными толкователями политического дискурса, поэтому, молчит и сама культура.

Но диагноз, поставленный И. Берлиным, русской культуре как «молчашей», не является абсолютно справедливым. Существование протестного дискурса, кажется, может опровергнуть это зловещее свойство русской культуры.

Отсюда, если существуют субъект, так или иначе, формирующие политический дискурс, альтернативный власти, стало быть, есть смысл говорить о протесте тела как такового. Тело субъекта протеста должно изначально рассматриваться в протестном контексте. Эксперименты с телом всегда эффективны – они всегда привлекают внимание и вызывают общественный резонанс. Не потому ли практики использования тела в протестном дискурсе всегда обладают особой зрелищностью и являются поводом для троллинга. Результативность провокации в полной мере связывается с культурной терпимостью самого государства, его отношения к культурному многообразию, его светскости. Скажем, гораздо более неожиданными и резонансными практики протеста

будут представляться в традиционных обществах, которые обладают высокой чувствительностью к изменению определённого порядка вещей и очень консервативны в ценностях.

Итак, тело оказывается вовлечённым как в дискурс власти, равно, как и в протестный дискурс, где оно старательно высказывает протест против тотального захвата властью.

Демонстрация протеста посредством своего тела предполагает, что протестное сообщение может нести в себе как само тело (всё тело целиком), так и какая-то его часть. Именно части тела начинают передавать сообщение в тот момент, когда нам открывается татуировка. Посвящённый человек по татуировке запросто прочтёт основные этапы биографии субъекта протеста. Какие-то части тела прочно ассоциируются с протестом. В частности, женские груди движения «Femen». Вспомним, что именно с этой же частью тела ассоциировались и воинственные амазонки, отпугивающие мужчин своим неожиданным образом.

Тело структурируется в протесте. Каждая часть тела может использоваться для донесения протестного сообщения. Равно, как в «Левиафане» Т. Гоббса каждая часть тела имеет чёткую связь с государственным органом. Кровь, текущая по Левиафану, означает деньги, но может и означать совершенно иной художественный замысел в духе венского акционизма, красноречиво демонстрируясь в протестном дискурсе [11]. Если следовать его теоретикам, протестная поверхность всегда телесна.

Это могут быть даже внутренние человеческие органы. Так 8 октября 2014 г. на входе в здание Банка России прошла одиночная акция «Пожирание рубля». Участник арт-движения «Синий Всадник» Олег Басов ел сторублевые банкноты и запивал их американской газировкой «Pepsi». На груди акциониста висел плакат, где был указан курс рубля по отношению к доллару и евро. Как объяснил смысл акции сам О. Басов, «акция символизировала унижительное падение российской национальной валюты. «Рубль обесценивается, превращается в дешёвую закуску» [3].

В подобных акциях есть что-то раблезианское. Или в духе путешествия по городу героя «Улисса» Д. Джойса, где каждый городской объект привязывается к определённой части тела, а, стало быть, и переносит на тело политические коннотации. Кстати, именно в процессе путешествия субъект протеста и может маркировать протестным письмом открывающиеся перед ним поверхности. Протестный дискурс требует постоянных экспериментов, что предполагает постоянную проработку пространства для протеста, отвечающего эстетической претензии субъектов протеста может стать результатом достаточно длительных поисков. Поиск может быть и моментальным, стремительным – в этом случае объект подбирается в лучших традициях ситуационизма.

Отчасти именно это имеет в виду и австрийский теоретик арт-протеста Г. Рауниг, говоря о том, что протестный дискурс создает «бесцельные рейды по пригородам, порой в предрассветных сумерках после пьяной ночи могли сменять точно рассчитанное вмешательство в городской центр. Граффити, *détournement* надписей на памятниках, снятие табличек с названиями улиц, психогеографическая картография. Здесь потенциал городского опыта используется как мотор производства желания, а возможность сопротивляется непосредственно, «ситуативно», объективно установленным «ситуациям» капиталистического обобществления. Ситуация и *dérive* позволяют обследовать городской ландшафт для самых различных целей, от студенческой попойки до отыскивания подходящих мест для баррикад» [6, с. 165].

Крайне радикальный пример использования собственного тела как поверхности письма продемонстрировал художник Пётр Павленский, который 3 мая 2013 года разделся догола и завернулся в колючую проволоку напротив здания Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, и в своей известной акции 10.11.2013 г. на Красной площади в Москве. Уже в начале сентября 2014 года Пётр Павленский демонстрирует свой новый перформанс с собственным повешением

на Красной площади, к которой он испытывает неподдельный интерес. В середине октября 2014 года П. Павленского снимают с крыши Института Сербского, где он показательно отрезал себе мочку уха. Ещё раньше была акция Петра Павленского с зашитым ртом – так «красноречиво» художник отозвался на ограничения свободы слова в России. Вообще, практика заклеивания собственного рта довольно часто встречается в политических системах, к которым у субъектов протеста есть «вопросы» по поводу ограничения свободы слова и ущемлениям гражданских свобод.

Говоря об исключительно жестоких попытках эксплуатации собственного тела в качестве протестной поверхности вспоминаются и ранние перформансы О. Кулика, изображавшего собаку, набрасывающуюся на людей и на автомобили. История становления творчества О. Кулика легла в основу документального фильма режиссёра Е. Митты «Олег Кулик: вызов и провокация» (2008) из цикла «Антология современного искусства».

Приведённые примеры подчас радикальной эксплуатации собственного тела в протестном дискурсе не являются такими уж и распространёнными. Есть и более популярные и доступные практики использования собственного тела в демонстрируемом протесте. Такой практикой может быть обычная татуировка, моментально политизирующаяся через содержание надписи. Сложно не увидеть политизации в популярной в СССР практике нанесения изображения Сталина на груди. Со временем, татуировка значительно технологизируется, но стремление соблюсти чёткую политическую обусловленность по-прежнему сохраняется. В частности, в практике движения «антифа» «распространено нанесение татуировок (с антирасистской символикой), пирсинга, а также иных средств изменения внешнего вида» [1, с. 191].

Протестный дискурс нельзя осмысливать как явление, свойственное исключительно столицам и крупным городам – эпицентрам политической жизни, с максимально насыщенной политическими событиями повседневности.

Было бы слишком узко определять протестный дискурс, будучи локализованным в рамках одних только крупных городских агломераций.

Протестный дискурс как продукт политического сопротивления автоматически возникает там, где есть дискурс власти. В современной российской политической науке уже есть примеры исследований, где определяется содержание и структура локальных политических протестов. В репертуаре протеста часто оказываются практики использования собственного тела для выражения несогласия [5, с. 58–65].

В г. Ельце Липецкой области в феврале 2012 года арт-группа «23:59» на снежном склоне одного из городских парков выложила телами 12 человек слово «НАТЕ». После выполнения надписи, на месте лежащих тел появились сотни зажжённых свечей, повторявших надпись, но уже огнём. Так акционисты выразили свой протест против вырубки парка. Достаточно традиционное для российских городов явление, в лучшем случае вызывающее общественную активность в форме сходов и митингов, получила и театральное разрешение.

Политический перформанс представлял собой своеобразный ответ на действия власти не в рамках существующих институтов, не через созданные для этого механизмы «сверху» (электронные и письменные обращения в общественные приёмные, сбор подписей, общественные петиции депутатские запросы, Общественная палата и т. д.). Наоборот, данный ответ стал больше гражданским и самоуправляемым – это была моментальная, электрическая рефлексия на конкретную проблему. В данном перформансе прослеживается и литературная параллель. Наряду, с переводом с англ. «Нате» как ненависть, есть ещё и известный текст «Нате» В. Маяковского.

Необходимо отметить, что ужесточение ответственности за участие в протестных мероприятиях делает протест более замаскированным и потаённым. Российский опыт также показывает, что политический протест всё чаще эксплуатирует некие отвлечённые

темы (в частности, экологические темы, гражданские проекты, связанные с состоянием дорог и т. д.), тем самым, снимая с себя подозрения в излишней политической ангажированности и стремлении зарабатывать политические дивиденды «критикой ради критики».

Непосредственное тело акциониста участвует в выражении протеста и в ряде других акций елецкой арт-группы «23:59». В частности, можно вспомнить и о конфузе, произошедшем во время акции «Ливенский лёд», когда под одним из акционистов провалился лёд на глазах зевак, наблюдавших ледоход на реке [9, с. 156–157].

Протестное письмо может наноситься и на одежду, при этом сам факт использования конкретного цвета или элемента уже будет автоматически рассматриваться в протестном контексте. К протестному дискурсу отсылает и внешний вид субъекта, оказываясь решающим аспектом в настройке механизмов коммуникации. Вспомним, как герой С. Бодрова в самом начале фильма «Брат», в поисках клуба обращается к парням с ирокезами на головах.

На наш взгляд, очевидно, что в условиях всеобщей капитализации и схватывания собственности всеобщим капиталом, единственное, что осталось у человека и принадлежит ему – это его тело. Человеку может не принадлежать квартира, купленная в ипотеку, либо взятый в кредит мобильный телефон. Но своим телом человек пока ещё распоряжается сам, хотя политические практики прямого и опосредованного контроля над человеком могут убеждать нас в обратном. Создавая своё тело как поверхность протеста, и молчаливо согласовывая его присутствие в протестном дискурсе, субъект протеста как бы говорит своё «нет» тотальной капитализации тела в интересах власти. Человек гордо несёт с собой свой протест, свои протестные знаки, будучи ответственным за их содержание, становясь их реальным держателем и распорядителем. Человеческое тело становится своеобразно витриной политической рекламы, принадлежащей субъекту протеста, либо предоставляемой протестному дискурсу в целом.

Таким образом, протест концентрируется в самом человеке, редуцируясь в его теле и жизненном стиле. Тело субъекта протеста становится частью протестного дискурса.

1. Беликов С.В. Антифа. Молодёжный экстремизм в России. – М.: Алгоритм, 2012. – 256 с.

2. Берлин И. Молчание в русской культуре // История свободы. Россия. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 544 с.

3. В Москве возле Центробанка активист съел рубли и запил их Pepsi // <http://glavcom.ua/news/247338.html> (дата обращения: 10.10.2014).

4. Делёз Ж., Фуко М. Логика смысла. *Theatrum philosophicum* (Пер. с фр. Я.И. Свицкого). – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.

5. Лобанова О.Ю., Семёнов А.В. Исследование протестного репертуара на локальном уровне (Тюменский случай) // Методология и теория исследований локальной политики. Сборник научных статей. Материалы международной научно-практической конференции. – Пермь: ООО «Печатный салон «Гармония», 2014. – С. 58–65. – 148 с.

6. Рауниг Г. Искусство и революция: художественный активизм в долгом двадцатом веке. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 266 с.

7. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR–Дискурс: теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург: УрО РАН, ИД «Дискурс-Пи», 2011. – 336 с.

8. Скиперских А.В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России. // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 108–113.

9. Скиперских А.В. Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). – Липецк, 2013. – 204 с.

10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы (пер. с фр. В. Наумова). – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 479.

11. Хлебните украинской крови. // http://www.echo.msk.ru/blog/grani_ru/1442594-echo/ (дата обращения: 10.10.2014).

1. Belikov S.V. Antifa. Molodyozhnyj e'kstreimizm v Rossii. – M.: Algoritm, 2012. – 256 s.

2. Berlin I. Molchanie v russkoj kul'ture // Istoriya svobody. Rossiya. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – 544 s.

3. V Moskve vozle Centrobanka aktivist s'el rubli i zapil ix Pepsi // <http://glavcom.ua/news/247338.html> (data obrashheniya: 10.10.2014).

4. Delyoz Zh., Fuko M. Logika smysla. *Theatrum philosophicum* (Per. s fr. Ya.I. Svirskogo). – M.: Raritet, Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998. – 480 s.

5. Lobanova O.Yu., Semyonov A.V. Issledovanie protestnogo repertuara na lokal'nom urovne (Tyumenskij sluchaj) // Metodologiya i teoriya issledovanij lokal'noj politiki. Sbornik nauchnyx statej. Materialy mezhduнародnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Perm': ООО «Pечатnyj salon «Garmoniya», 2014. – S. 58–65. – 148 s.

6. Raunig G. Iskusstvo i revolyuciya: xudozhestvennyj aktivizm v dolgom dvadcatom veke. – SPb.: Izdatel'stvo

Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012. – 266 s.

7. Rusakova O.F., Rusakov V.M. PR–Diskurs: teoretiko-metodologičeskij analiz. – Ekaterinburg: UrO RAN, ID «Diskurs-Pi», 2011. – 336 s.

8. Skiperskix A.V. Poverxnosti protesta: osobennosti političeskogo pis'ma v sovremennoj Rossii. // Političeskaya lingvistika. – 2014. – № 1. – S. 108–113.

9. Skiperskix A.V. Političeskij protest v rossijskoj

provincii: struktura, dinamika, performansy (na primere Lipeckoj oblasti). – Lipeck, 2013. – 204 s.

10. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my (per. s fr. V. Naumova). – M: Ad Marginem, 1999. – S. 479.

11. Xlebnite ukrainskoj krovi. // http://www.echo.msk.ru/blog/grani_ru/1442594-echo/ (data obrashheniya: 10.10.2014).

UDC 321.01

BODY SURFACE AS A POLITICAL LETTER: EXPERIMENTS OF PROTEST DISCOURSE IN CONTEMPORARY RUSSIA

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich,

National Research University
Higher School of Economics
Doctor of Political Sciences,
Professor of the Department of Humanities,
Perm, Russia,
E-mail: pisatels@mail.ru

Annotation

In this article we are talking about how the body acts as the surface of political text, becoming a part of the protest discourse.

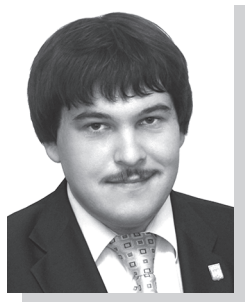
Speaking to the surface of the text of the protest, the body of the subject of the protest concentrates the protest, being in a constant state of opposition to the government, the official discourse. The author cites a number of examples that reveal the specifics of the use of the body in protest political discourse in modern Russia.

Key words:

power, discourse, the surface of protest, the protest discourse resistance.

УДК 327.3

АГОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ИСЛАМЕ: ШИИТЫ ПРОТИВ СУННИТОВ

Исаков Александр Сергеевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

Статья направлена на изучение политического противостояния шиитов и суннитов. Исследование базируется на авторской методологии, предполагающей анализ мазхаба как основы для политических изменений. Результатом исследования стало выделение конфессиональных особенностей конфликтов на ближнем востоке, возникших в ходе Арабской весны; дана оценка их влияние на дальнейшее политическое развитие региона.

Ключевые слова:

шииты, сунниты, мазхаб, Арабская весна, исламизм, война в Сирии, война в Йемене, дискурс.

События так называемой «Арабской весны» актуализировали конфликтогенные латентные социально-политические процессы, лежащие в основе существования исламской уммы. Обострение экономической проблематики, кульминацией которой стали уличные протесты и смена режимов в ряде арабских государств, обострили религиозные противоречия внутри исламского мира.

На сегодняшний день, в исламской умме остаются актуальными два основных направления, институционально объясняющих политический нарратив мусульманской веры: суннизм и шиизм. Именно в рамках данного бинарного измерения выстраивается конфессиональная коммуникация исламского мира. Следовательно, возрастание нестабильности, детерминированное политической, социально и экономической повесткой; приводит к возрастанию дивергенции и поляризации догматических разночтений.

Каждое из направления старается предложить модели и концепции стабилизации политического развития для государств, ставших реципиентами революций, народных волнений или гражданских войн.

На сегодняшний день порядка 85% мусульман во всем мире являются приверженцами суннизма. Шиизм является конфессией лишь 15% мусульман земного шара. Однако политическая роль последних активизируется. Мусульмане-шииты самоактуализируют свое аутентичное участие в рамках мусульманской уммы в качестве инициаторов политических концепций, сопряженных с разработкой проектов политической модернизации, точечных политических изменений или проектов стабилизации постагональных социумов.

Изучению концептуальной и институциональной роли мусульман-шиитов посвящено множество исследований, как в отечественной,

так и в зарубежной науке. К числу российских ученых, подробно рассматривавших активизацию политической роли шиитов относятся А. Малашенко, [3, с. 134–136] Г. Мирский [4], Е. Сатановский [5]. Особо стоит отметить академический сциентистский дискурс, инициированный рядом экспертов МГИМО, ставшим реакцией на события «Арабской весны» в целом, и активизации шиитов в частности [2]. Зарубежное измерение изучения взаимоотношений шиизма и суннизма также имеет стойкие академические позиции. В данном контексте стоит особо отметить доклады корпорации RAND [8; 10] и работы ряда аналитиков, предопределивших антропологический контекст данных событий, к которым можно отнести Д. Эспозито [7], А. Сальваторе и М.Х. Масуда [9].

Социально-политический и культурологический контекст данных работ подчеркивает исторические разногласия, сложившиеся у мусульман шиитского и суннитского вероисповедания. При этом отмечается, что основой этих противоречий является различное понимание процесса инициации политических изменений в обществе. Поскольку революционная активность в странах исламского мира возрастает, то вопрос об инициации политических изменений приобретает особую актуальность.

На основе каждого направления мусульманской веры формулируется определенный набор политических концепций, дающих ответ на глобалистский вызов «Арабской весны». Институциональная основа данных концепций зиждется на канонических постулатах веры и имеет ассоциативно-агональную природу. «Этот процесс происходит на фоне исторически укоренившегося в религии разделения на толки, секты и братства, и прежде всего на две главные ветви: суннизм и шиизм. Они возникли на почве догматических расхождений почти 14 веков назад. Сегодня они все больше несут политическую окраску и проецируются на ткань межгосударственных отношений, что привлекает внимание политиков, экспертного сообщества и ученых» [2].

Любые концепции политических изменений эвристически инициируются нормативно-

правовыми школами – мазхабами, историческая функция которых заключается в интерпретации происходящих изменений в обществе. Со стороны суннитского направления актуальными остаются четыре мазхаба: ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский. Каждая правовая школа, в большей степени, совокупно отличается двумя критериями. Во-первых, ранжируется по степени необходимости исламизации общественной жизни при имплементации политических изменений. Во-вторых, имеет индивидуальное измерение в рамках дихотомии национализм-космополитизм.

Ханафитский мазхаб является наиболее религиозно-умеренным направлением, не предполагающим обязательную исламизацию общественной жизни. Это подразумевает, что политический процесс не имеет значимого сопряжения с теологической мыслью. К ханафитскому течению суннитского ислама относятся: Турция, постсоветская центральная Азия, Афганистан, Пакистан, Бангладеш, Албания, Босния и Герцеговина; частично: Египет, Сирия, Ирак, Ливан, Иордания, Палестина.

Политические детерминанты данного мазхаба основываются на особом понимании традиций как критерия допустимости новаций: в случае если новация соответствует воле большинства, то она приобретает презумпцию приемлемости и становится традицией. Это позволяет легитимировать любые политические изменения в обществе с помощью института выборов, либо неформальной поддержки общественным мнением. Также стоит отметить, что данное направление веры предполагает ориентацию на создание национальной идентичности как универсум разрешения политического кризиса.

Шафиитский мазхаб является умеренным направлением, отдавая приоритет исламизации общих норм поведения, не затрагивающих частную жизнь. Шафиитскому течению суннитского ислама принадлежат страны юго-восточной Азии: Малайзия, Индонезия, Бруней; а также, Мальдивские и Коморские острова, частично Йемен, Эритрея, Джибути, Сомали.

В рамках данной правовой школы популяризировался принцип «цивилизованного ислама», предполагающий использование религии в качестве гаранта соблюдения светских законов. В свою очередь, это оставляет возможным плюрализм концепций политического развития, предполагающих полную свободу действий в частной жизни, если она не противоречит закону светскому. При этом, воля большинства не является критерием установления политических норм и не рассматривается в качестве возможного вектора институционализации политических изменений при возникшем кризисе.

Маликитский мазхаб допускает значимую исламизацию общественной жизни, источником которой является высокий уровень традиционализма исповедующих обществ. Это предполагает всестороннее ограничение политического рационализма при имплементации любых политических изменений. Естественное ограничение рационализма смягчается вариативным идейным пространством социальной справедливости, подразумевающим возможность регулирования любых сфер общественной жизни государством, если это является необходимым и целесообразным для воспроизводства социума. Сторонники данной правовой школы проживают в странах Африки: Марокко, Мавритании, Тунисе, Ливии, Нигерии, Мали, Судане, Буркина-Фасо, Сенегале, Гвинее, Гамбии, Сьерра-Леоне, Чаде, Нигере, а также частично в эмирате ОАЭ Абу-Даби.

Для данной правовой школы также свойственно отрицание демократического выбора как критерия политических изменений. При этом подчеркивается, что детерминация вектора политического развития государством также ограничена нормами ислама и его интернациональным характером, подчеркивающим единство уммы и исключаящим построение национального государства.

Ханбалитский мазхаб является наиболее традиционалистским и ортодоксальным из всех правовых школ в суннитском исламе. На данный момент ханбализм доминирует в Саудовской Аравии, Катаре, ряде эмиратов ОАЭ и как догматическая основа суннитской

элиты Бахрейна. Согласно его постулатам, любые политические изменения соотносятся с принципом Б'ида и имеют негативную презумпцию.

Это означает, что анти-агональный потенциал ханбалитской школы крайне узок. В качестве ориентации исламского общества, находящегося в период нестабильности, данный мазхаб может рассматриваться только с позиции его универсальности, достигаемой за счет крайнего космополитизма и социального капитала. Основой данных ресурсов выступает экономическая мощь и особая ритуальная роль – охранение городов Мекки и Медины Саудовским государством.

Совокупно, суннитское направления в исламе представляет собой обширный концептуальный репертуар для общественного развития любого мусульманского общества, столкнувшегося с кризисом. Конструктивная роль подобного плюрализма осложняется крайней внутренней дивергенцией, характеризующейся поляризацией политических конфликтов среди суннитских стран, принадлежащих к разным мазхабам. Их консолидация возможна только на временной основе, направленной против какого-либо шиитского режима, как это происходило в Сирии и Йемене. «Для господствующих в большинстве мусульманских стран суннитов, власть шиитов, как и алавитов – это вызов практически всем суннитским государствам региона» [1, с. 81].

С другой стороны, возможность подобной временной консолидации нивелирует универсалистский характер исламского космополитизма, исключая возможность совместного существования. «Как одна, так и другая страна столкнулись с неожиданным для них развитием ситуации – началом войны суннитов против шиитов и алавитов... Углубление этого раскола фактически положило конец надеждам на общеисламское единство» [1, с. 83].

На возрастание политической гегемонии суннитских стран и наращивание их агонального потенциала, возникает аксиологическое противодействие со стороны шиитских обществ. Вопреки дивергентным тенденциям суннизма,

в шиизме происходит конвергенция. Статус меньшинства позволяет мусульманам-шиитам отходить от внутренних противоречий, формируя собственное универсалистское видение политического развития таких стран как Иран, Сирия, Ирак, Ливан, Йемен и, как идеология оппозиции, Бахрейн.

Генеральной линией шиизма является институционально закрепленный политический проект, реализованный в ходе исламской революции 1979 года в Иране на базе шафитского мазхаба. Догматические особенности данного направления предполагают, что власть в любом исламском обществе должна принадлежать прямым наследникам Пророка, линия которых угасла. Для разрешения данной задачи был разработан исламский принцип «велеят-е факих» (покровительство учителя), предполагающий, что до проявления потомков Пророка высшая политическая власть в стране должна находиться в руках исламского духовенства, выступающего универсальным медиатором всех социальных противоречий в обществе.

Данная модель экстраполируется и на другие шиитские политии, в частности – Ливан, перспективно – Ирак. Однако в состав так называемого «шиитского» мира также входят Сирия и Йемен, политическая власть в которых принадлежит представителям не джафаритской школы. Правящая элита Сирии – алавиты, власть в Йемене захвачена зейдитами. Оба этих направления имеют значимые теологические различия с официальной религией Исламской Республики Иран, но рассматриваются как дружественные мусульманские страны, в будущем формирующие единую анти-суннитскую ось, реализованную, в частности, на основе отказа от национальной идентичности. «Это обстоятельство, в свою очередь, уже сегодня (в свете, в частности, событий в Сирии и участия в них движения Хизбалла) ставит вопрос о росте противопоставления суннитской (рассматриваемой в качестве арабской национальной матрицы) версии ислама и иранского шиизма» [6, с. 66].

Реакция со стороны суннитского мира на формирование подобной оси крайне нега-

тивная. Видимая консолидация лидеров суннитского мира Египта, Турции и Саудовской Аравии усиливает межконфессиональное противостояние. При этом, абсолютно актуальным остается и конфликтогенный потенциал суннитских мазхабов, имеющих различное представление о политическом развитии стран-реципиентов кризисных явлений Арабской весны.

Подобное противостояние уже имеет ряд крупных политических последствий. Во-первых, происходит полное нивелирование идеи общеисламской интеграции, что провоцирует долгосрочный конфликт. Предлагаемые методики его разрешения зиждутся на призывах к насильственной ликвидации прошитских режимов. «Насильственная же смена власти, к которой призывали внешние акторы, была чревата новым, более масштабным кровопролитием и гражданской войной, которая наверняка может выплеснуться за пределы страны и принять крайне опасный характер затяжного суннитско-шиитского конфликта» [1, с. 10]. Во-вторых, бинарный конфликт суннитов и шиитов порождает третью сторону, являющуюся отражением кризиса и позиционирующую себя как с позиции анти-агонального унионизма.

Подобная сила выступает как крайний экстремум религии, настаивая на полноте собственного универсализма, исключительной роли в политических конфликтах и носителя единственной верной «чистой» религии, лишенной догматически-культурологических противоречий. В актуальных конфликтах такой силой стала группировка Исламское Государство Ирака и Леванта, или просто «Исламское Государство».

Представители группировки, создавшие квазигосударство на территории Сирии и Ирака, а также частично Йемена и Ливии; выступают антагонизмом как к суннитским акторам, так и к шиитским, представляя собой некий агональный экстремум, порождённый Арабской весной. С одной стороны, появление подобной группировки смягчает возникшую дивергенцию в Исламе, так как консолидирует

любые традиционные исламские силы. В частности, это можно проследить в конфликте в Йемене, где захватившие власть зейдиты идут на сотрудничество с суннитами из южной части страны, для того чтобы противостоять присягнувшим ИГИЛ сторонникам Аль-Каиды. С другой стороны, приводит к эскалации и инициации латентных конфликтов, существовавших в исламском мире.

На сегодняшний день в исламе характерно наличие институционально оформившегося политического противостояния между шиизмом и суннизмом. Конфронтация усиливает наличие дивергентного потенциала, заложенного историей в исламском учении. Догматическая стратификация религии на правовые-школы подразумевает, что сторонники единого течения веры имеют разные представления о толковании природы политических событий и политических изменений. Отсюда следует и возникновение различных механизмов влияния на политические процессы и, что более важно, дифференцированные представления о политическом развитии.

Совокупность этих представлений экстраполируется на полосу нестабильности, созданную Арабской весной. Каждое учение предполагает собственный аутентичный подход рассмотрения, локализации и нормализации возникших конфликтов. Учитывая, что большая часть концептуального репертуар данных подходов кристаллизуется в лоне суннизма; это приводит к интенсификации участия шиитов в политических процессах исламской уммы. При этом, вопреки дивергентным процессам в суннизме, шиитское направление веры демонстрирует конвергенцию, синтетически сочетающую и сближающую позиции различных религиозных меньшинств, как алавиты и зейдиты.

Возникший на основе данных политических процессов агональный дискурс ислама провоцирует появление третьих сил, на основе реваншизма пытающихся выработать универсальный институциональный способ адаптации посткризисных обществ к условиям современ-

ного мира. К таким силам принадлежит группировка ИГИЛ, претендующая на реставрацию халифата и ставящая своей целью объединение исламского мира в единое государство.

1. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012.

2. Зинин Ю.Н. Шиитско-суннитские отношения. В чем причина растущего антагонизма? [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1355496360>.

3. Малашенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. – М: Весь Мир, 2006.

4. Мирский Г.И. Шииты в современном мире // Россия в глобальной политике. – 2005. – № 6.

5. Сатановский Е.Я. Революция и демократия в исламском мире [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Revolyuciya-i-demokratiya-v-islamskom-mire-15101#>.

6. Типология конфликтов: «новые войны» и ситуация на ближнем востоке (сборник) / Отв. ред. И.Я. Кобринская – М.: ИМЭМО РАН, 2013.

7. Эспозито Дж. Ислам. Почему мусульмане такие – М.: Эксмо, 2011.

8. Elson S.B., Nader A. What do Iranians think? – Santa Monica: RAND, 2011.

9. Masud M. Kh., Salvatore A., van Bruinessen M. Islam and Modernity – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

10. Nader A., Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica: RAND, 2011.

11. Salmoni B.A., Loidolt B., Wells M. Regime and Periphery in Northern Yemen: The Huthi Phenomenon – Santa Monica: RAND, 2010.

1. Blizhnij Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she? Sbornik statej / Otв. red-ry: V.V. Naumkin, V.V. Popov, V.A. Kuznecov / IV RAN; Fak-t mirovoj politiki i ISAA MGU im. M.V. Lomonosova. – M.: IV RAN, 2012.

2. Zinin Yu.N. Shiitsko-sunnitskie otnosheniya. V chem prichina rastushhego antagonizma? [Elektronnyj resurs] // CentrAzija. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1355496360>.

3. Malashenko A. Islamskaya al'ternativa i islamskij proekt. – M: Ves' Mir, 2006.

4. Mirskij G.I. Shiity v sovremennom mire // Rossiya v global'noj politike. – 2005. – № 6.

5. Satanovskij E.Ya. Revolyuciya i demokratiya v islamskom mire [Elektronnyj resurs] // Rossiya v global'noj politike. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Revolyuciya-i-demokratiya-v-islamskom-mire-15101#>.

6. Tipologiya konfliktov: «novye vojny» i situaciya na blizhnem vostoке (sbornik) / Otв. red. I. Ya. Kobrinskaya – M.: IME'MO RAN, 2013.

7. E'spozito Dzh. Islam. Pochemu musul'mane takie – M.: E'ksmo, 2011.

8. Elson S.B., Nader A. What do Iranians think? – Santa

Monica: RAND, 2011.

9. Masud M. Kh., Salvatore A., van Bruinessen M. Islam and Modernity – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

10. Nader A., Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica: RAND, 2011.

11. Salmoni B.A., Loidolt B., Wells M. Regime and Periphery in Northern Yemen: The Huthi Phenomenon – Santa Monica: RAND, 2010.

UDC 327.3

AGONISTIC DISCOURSE IN ISLAM: SHIITES AGAINST SUNNIS

Isakov Aleksandr Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
Graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The article aims to explore the political conflict between Shiites and Sunnis. Research is based on the author's methodology assuming the analysis madhhab as a basis for political changes. The result of the research is describing of confessional peculiarity of the conflicts in the Middle East that emerged during the Arab spring; also the estimation of their influence on the future of region political development.

Key words:

Shiites, Sunnis; madhhab, Arab spring, Islamism, war in Syria, war in Yemen, discourse.

УДК 82

СЕМИОТИКА КАК ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ И РАЗВИТИЯ ДИСКУРС-АНАЛИЗА*

Ильин Михаил Васильевич,

академический директор аспирантской школы по политическим наукам
Национального исследовательского университета Высшая школа экономики,
руководитель Центра перспективных методологий
социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН,
доктор политических наук, профессор,
Москва, Россия,
E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Аннотация

Существует связь между развитием дискурс-анализа, языка политики и становлением общей семиотики. Общая семиотика должна стать своего рода математикой гуманитарных наук, инструментом оценки смыслов человеческой деятельности. Разделение «чистой семиотики» и ее дисциплинарных вариантов – главная задача исследовательского проекта Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН.

Ключевые слова:

общая семиотика, прикладная семиотика, дискурс-анализ, междисциплинарность, научный органон, методология социально-гуманитарных исследований.

Существуют многообещающие возможности изучения языка политики и развития дискурс-анализа связаны со становлением общей семиотики как универсальной обществоведческой дисциплины, изучающей содержательную сторону информационной составляющей человеческого существования. Общая или, по выражению Чарльза Морриса «чистая» (pure) семиотика [4, с. 45–97] может и должна стать своего рода математикой гуманитарных и общественных наук, способной дать им универсальные инструменты определения меры, прежде всего оценки смыслов человеческой деятельности, подобно тому, как математика создала инструменты определения меры для природных процессов.

Не будет преувеличением заявить, что именно систематическая разработка общей семиотики может дать теоретико-методологическую основу для дискурс-анализа и анализа языка политики, ее понятийной базы и содержательного наполнения.

С сожалением приходится констатировать, что семиотика пока еще не стала подобного рода универсальной основой для гуманитарного знания. Это вполне объяснимо: она молода, ее существование едва ли превышает столетия. К нашему времени первоначальные построения grammatica speculativa Ч. Пирса [2], сигнифики В. Уэлби [5] и семиологии Ф. де Соссюра [3] многократно обогатились. Все, что было сделано

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 13–06–00789 «Разработка интеграционных методов и методик фундаментальных социально-гуманитарных исследований», а также Программы Научного фонда НИУ ВШЭ «Учитель-Ученики» НУГ «Когнитивный анализ научного дискурса отечественной и мировой политической науки».

за этот период, не просто велико, но поистине великолепно. Здесь, конечно, не место оценивать отдельные достижения семиотики. Бесспорно, однако, что накоплен интеллектуальный потенциал, который позволяет рассматривать семиотику отнюдь не как раздел языкознания, логики, психологии, кибернетики, теории информации или философии, а как особую отрасль знания о человеческой действительности, без учета и использования которой любая гуманитарная наука оказывается столь же шаткой и бесплодной, как любая естественная наука без математики.

Что же позволяет делать подобные утверждения? По меньшей мере, два обстоятельства.

Первое связано с онтологией человеческой действительности. Подобно тому, как материальная реальность обретает свою меру в числе, точнее, свои меры в числах и математических отношениях, так и вырастающая из нее более сложная человеческая действительность¹ обретает свою меру в знаке, точнее, свои меры в знаках разного рода и в смысловых отношениях. Математика формирует свое знание независимо от материала, к которому она прилагается. Точно так же семиотика дает понимание смысла и меры вне зависимости от их специфического выявления в сфере человеческого существования. И та и другая, однако, для своего обоснования и самого существования требуют систематического и полного исчерпания своих предпосылок, испытания всех своих возможностей «измерения» как таковых. Только при подобных условиях они могут состояться как фундаментальные науки.

Второе обстоятельство вытекает из первого. Уже создатели первых «протосемиотик» угадывали подобные возможности в своих созданиях. Однако систематическая разработка содержательной стороны человеческой действительности требовала грандиозных усилий. Вполне естественно, что следующим поколениям ученых пришлось сосредоточиться на разработке специфических возможностей приложения принципов семиотики. В результате возникли своего рода частные

семиотики. Это была, прежде всего, лингвистическая семиотика как наиболее разработанная сфера исследований. Однако наряду с ней появились и другие семиотические дисциплины. В результате, как отмечал Ю.С. Степанов, возникла следующая ситуация: «Семиотика черпает свой материал из лингвистики, кибернетики (с теорией информации), биологии, психологии, обществоведения (этнографии и социологии), истории культуры, литературоведения, но также и отдает в свою очередь этим наукам свои обобщения. Она развивается на стыке наук» [4]. В результате возникает такое качество «приватизированной» отдельными дисциплинами семиотики, как срединность. Данное качество, однако, ни в коей мере не сводится к пресловутой «междисциплинарности». Академик Степанов подчеркивает: «Срединное положение семиотики среди ряда наук и то, что семиотика – наиболее оформленная часть современных системно-структурных исследований, составляет ее аналогию с философией» [4].

Как подтверждает данное свидетельство, сорок с лишним лет назад академик Ю.С. Степанов, а также ряд его учеников и сотрудников видели необходимость, неизбежность и внутреннюю оправданность интеграции семиотики в науку особого ранга, в своего рода метанауку.

За последние десятилетия и годы был достигнут существенный прогресс как в развитии семиотики, так и ее приложений к анализу дискурсов и когнитивных схем и моделей. Это позволяет возвратиться к идее Чарльза Морриса о «чистой семиотике», всерьез ставить вопрос о развитии общей семиотики как своего рода трансдисциплинарном интеграторе всего комплекса социально-гуманитарных наук, включая и политологию.

Именно такой подход избран Центром перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН. Более того – семиотика рассматривается как один из специфических трансдисциплинарных научных органов, которые могли бы брать на себя роли интеграторов, лидеров и посредников в осуществлении социально-гуманитарных исследований. Речь, в частности, идет о математике, когнитивной науке, семиотике, морфологии и компаративистике.

¹ О различении *реальности* и *действительности* см.: Ильин М.В. Между словами и смыслами: Основания концепт-анализа // Принципы и направления политических исследований. – М., 2002.

При всех усилиях по выявлению интеграционного потенциала вышеперечисленных научных направлений ни в одном из этих случаев систематически и последовательно не ставилась задача разделения общенаучного ядра и специальных приложений соответствующих научных направлений. Пожалуй, только в семиотике Чарльз Моррис поставил задачу разделения «чистой семиотики» (pure semiotics) и ее специальных дисциплинарных вариантов. Однако решение этой задачи так и не было доведено до конца. Тем более не ставились задачи разделения и консолидации общей компаративистики, морфологии и т. п. на фоне их специальных дисциплинарных версий. Данный пробел и призван заполнить исследовательский проект Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН.

В случае подтверждения выявленных интеграционных способностей можно было бы приступить к разработке соответствующих того, что мы называем органонами-интеграторами. Идея таких органонов не просто апеллирует к аристотелевской и бэконовской традициям, но претендует на рационализацию и систематизацию выявленных интеграционных возможностей. Это по существу общие методологические рамки, которые включают как устойчивый методологический аппарат, так и более гибкие исследовательские практики, подтверждающие свою интегративную общенаучную и общественно-ведческую значимость.

В связи подобной постановкой задачи возникает несколько закономерных вопросов. Давайте предположим, что у нас действительно есть один всеобщий органон семиотики. Что из этого следует? Он становится практически безграничен, охватывает и логику, и когнитивную науку, и математику. У него, в таком случае, должна быть общая структура, обнаруживающаяся также во всех отдельных сферах знания. Иными словами и у математики, и у семиотики, и у логики должна появиться какая-то общая структура. Второе следствие: все наши познавательные способности имеют общую природу. Тогда возникает новый вопрос: в чем эта природа?

Взглянем теперь на альтернативу. Существуют два разных органона. Тогда познавательные способности должны четко противо-

стоять хотя бы в чем-то или даже исключать друг друга. Тогда наша задача в том, чтобы найти те моменты, где они очевидным образом исключают друг друга. Тогда структура и состав органонов должны быть разными. Явно должны выделиться какие-то составные части в математике или семиотике, которые не соотносятся друг с другом. Тогда наши познавательные способности окажутся разнородными. Нам придется искать у каждой свою природу.

Еще одно маленькое пояснение. Пирс считал семиотику универсальной алгеброй отношений. Для него она очевидным образом продолжается в математике. В отличие от него Соссюр считает семиологию «частью социальной, а следовательно, и общей психологии» [3, с. 23]. И эта дисциплина увенчивает все гуманитарное знание – знание о человеке. Тогда получается, что семиотика связана скорее с когнитивной наукой, а Соссюр – предтеча когнитивной революции.

Столь очевидное фундаментальное различие заставляет задуматься, что, вполне возможно, имело бы смысл пользоваться двумя этими различными терминами для обозначения принципиально разных познавательных способностей и проглядывающих за ними органонов. Можно говорить о семиотике в пирсовском смысле, а также о семиологии в соссюровском смысле как о принципиально различных науках и методологических органонах. Насколько оправдана столь радикальная позиция?

Следующий вопрос. Уже Чарльз Моррис четко различил чистую (pure) семиотику и её приложения к различным предметным областям в виде дескриптивной (descriptive) и прикладной (applied) семиотик. Однако удивительным образом такое различие в мейнстриме семиотики – за редкими исключениями² – не поддерживается. Может быть это связано с тем, что очень

2 Единственное, пожалуй, исключение статья о разделении семиотики Ганса-Генриха Либа, который проанализировал подходы Карнапа, Хельмслева и некоторых других коллег и предложил переименовать чистую семиотику в общую, а описательную в специальную (Lieb H.H. On subdividing semiotic // Pragmatics of Natural Languages. – Springer Netherlands, 1975. – С. 94–119). См. Также раздел 1.2.3 о теоретической и прикладной семиотике в авторитетном справочнике (Nöth W. Handbook of semiotics. – Indiana University Press, 1995).

четкое различие, которое проводил Моррис, на самом деле совсем не очевидно, а является абстрактным и предельным, а в жизни мы встречаемся с целой лестницей переходов.

Можно представить себе такую лестницу. Начать с самого верха. Там чистый органон вне времени и пространства. И даже без человека, а с каким-то виртуальным интеллектом, не отягощённым телом, биосферой. Ниже может быть обнаружен органон биосферно-человеческий. В таком случае, туда попадает когнитивная наука. Далее идут дисциплинарные органоны, то есть органон плюс предметная сфера. Например, опускаемся в политику, получается политическая семиология. То же самое с математикой и с ее приложениями к физике, химии и так далее. Наконец, в самом низу лестницы появляются собственно прикладные дисциплинарные органоны, которые ко всему прочему связаны с некими специфически дисциплинарным познавательным возможностям. Только об этом можно говорить как о собственно прикладном органоне. Именно он оказывается вполне ясным, конкретным и прагматическим инструментарием, который можно довести до отчетливого набора методик.

Теперь я позволю себе задать несколько наивных, потому трудных вопросов.

Первый вопрос: можно ли перенести базовую структуру семиотики с её делением на семантику, синтактику и прагматику на логику и математику? Для логики, как мне кажется, это сделать не очень трудно. Не исключаю, что есть какие-то экзотические логики, которые этой системе не поддадутся, но для большей части логик, по-моему, это возможно. А для математики, мне кажется, это выглядит затруднительно. Впрочем, и для формальной логики. Возможно, это связано с редукцией и фактическим отсутствием прагматики.

Ещё более наивный вопрос. Можно ли рассматривать познание и все его аспекты как коммуникативную деятельность? С одной стороны, такое решение напрашивается. Если мы ответим утвердительно, то тогда семиотика вырастает до каких-то грандиозных размеров. Мы должны будем подстраивать всё под семиотику. Но при этой начальной духоподъемной реакции возникает куча сомнений. У всех ли способностей

познания есть субъект? То есть, субъект, конечно, есть, коль скоро мы есть, но не пытаемся ли мы его «уничтожить», когда притворяемся, будто действуем и судим «объективно»? Ведь научная ценность – это объективное познание, как если бы субъекта не было. Вот мы и стремимся удалить субъект с его нетерпимой «субъективностью». Выходит, мы, люди науки стремимся сделать свое познание бессубъектным и очень ценим эту бессубъектность, называя ее объективностью. Настоящее научное познание таким нам и кажется.

Однако если научные исследования, обмен их результатами и признание их в качестве истин оказывается ни чем иным как коммуникативной деятельностью, то установка на объективность и бессубъектность не так уж и бесспорна. Выходит, что существует некий идеал познавательной способности, который предполагает, будто субъект надлежит исключать, куда-то его удалять и допускать его только в случае, когда без него будет совсем уже не обойтись. Может ли существовать такое бессубъектное познание человека и человеческой действительности? Мы все помним веберовскую проблематику ценностно нейтрального познания. Однако это только поверхностный уровень, связанный со снижением предвзятости разного рода. Но можем ли мы отказать не только от субъективности, но и субъектности? Может ли человек быть радикально редуцирован до «объективной» сила познания? Можно ли оставить от человека только некий познавательный обесчеловеченный инструмент? Не знаю. Сильно сомневаюсь.

И ещё один наивный вопрос. Являются ли знаками числа и кванторы? Первый ответ – и совершенно, казалось бы, очевидный – да, являются. Тогда следующий вопрос: а знаками чего они являются? Что они обозначают? Когда начинаешь думать об этом, то появляются новые вопросы. Вроде, это и знаки, но какие-то особые. В какие семантические треугольники мы можем сложить числа и кванторы. Являются ли знаками числовые пространства, матрицы, множества? Даже говоря о натуральных числах, мы не всегда понимаем, что это значит, то что и говорить комплексных числах или о множествах. Чем являются измерения и размерности? Что это с точки зрения семиотики?

Последний вопрос такой: что в математике является аналогом семиозису? Когда я задал себе этот вопрос, то первая реакция была: исчисление. Но чем больше я думал, тем больше было и сомнений. Поэтому вопрос открытый. Чем хорош такой вопрос, так это тем, что он, с моей точки зрения, является настоящим вопросом. Вопросы бывают разные – простые и трудные. Простые и неинтересные – это те, на которые мы знаем ответ заранее. Такое бывает и в науке. А вопрос, здесь поставленный, кажется мне очень интересным, поскольку он трудный. Ответ на него не очевиден. Ответы мы сможем получить, только пройдя серьёзные испытания и ответив на многие трудные вопросы. К этому я приглашаю читателей и авторов «Дискурс-Пи».

1. Моррис Ч.У. Основная теория знаков // Семиотика. Антология / составитель Ю.С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 45–97.

2. Пирс Ч.С. Начала прагматизма. Логические основания теории знаков. В 2 томах. – СПб.: Издательство Алетейя, 2000.

3. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного университета, 1999.

4. Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998.

5. Welby V. Significies and language. London, Publisher: Macmillan and co. limited, 1911.

1. Morris Ch.U. Osnovnaya teoriya znakov // Semiotika. Antologiya / sostavitel' Yu.S. Stepanov. M.: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. – S. 45–97.

2. Pirs Ch.S. Nachala pragmatizma. Logicheskie osnovaniya teorii znakov. V 2 tomax. – SPb.: Izdatel'stvo Aletejya, 2000.

3. Sossyur F. Kurs obshhej lingvistiki. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 1999.

4. Stepanov Yu.S. Yazyk i metod: K sovremennoj filosofii yazyka. – M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998.

5. Welby V. Significies and language. London, Publisher: Macmillan and co. limited, 1911.

UDC 82

SEMIOTICS AS A BASIS FOR THE STUDY OF LANGUAGE POLICY AND DEVELOPMENT OF DISCOURSE ANALYSIS

Ilyin Mikhail Vasilyevich,

Academic Director of the Postgraduate School of Political Science of the Higher School of Economics – National Research University,
Head of the Center for Advanced Methodologies of Social-Humanitarian Research Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Moscow, Russia,
E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Annotation

There is a connection between the development of discourse analysis, language policy and the establishment of General semiotics. General semiotics should be a kind of math, Humanities, assessment tool meanings of human activity. The separation of «pure semiotics» and its disciplinary options – the main task of the research project of the Center for advanced methodologies of social and humanitarian research of the Institute of the RAS.

Key words:

General semiotics, applied semiotics, discourse analysis, interdisciplinarity, scientific Organon, methodology of social and humanitarian studies.

УДК 316.77

ТРИАДА: ЗАКОНЫ ВЛАСТИ – СЦЕНАРИИ PR – ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Синельникова Лара Николаевна,

Гуманитарно-педагогическая академия,
профессор кафедры русской, украинской филологии
и методик преподавания,
Ялта, Россия,
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Аннотация

В статье предпринята попытка обозначить взаимозависимость законов власти, сценариев паблик рилейшнз, направленных на поддержание власти, и ряда признаков политической коммуникации.

Ключевые слова:

законы власти, сценарии PR, политический дискурс, манипуляция, адресант-адресатные отношения.

Выявление координационных отношений в триаде: законы власти – сценарии PR – векторы исследования политического дискурса, как представляется, может способствовать более объёмному представлению о каждом из названных феноменов и пониманию особого вида детерминаций, возникающих в условиях такого рода зависимостей. Компоненты триады составляют парадигму особого рода, свидетельствующую о том, что отдельное выводится из всеобщего и что теория проверяется практикой, в том числе практикой дискурс-анализа, которая, в свою очередь, может инициировать новые повороты теории.

Вряд ли можно говорить об абсолютной степени заданности связей между дисциплинарно разделёнными, но явно соприкасающимися и зависимыми друг от друга областями научного знания (политология, социология, коммуникативистика, дискурсология), но игнорирование таких связей не может способствовать полноте и объективности исследований в любой из названных областей. Признание значимости со-

пряжённости стимулирует размышления о природе корреляций, о влиянии одних факторов на другие. Действует закономерность: свойства одного звена интегрируются в свойства другого, изменения в одном звене синергетически заряженной системы приводят к накоплению изменений в другом. Так, если цель власти – обеспечить объединение или разъединение общества посредством комплекса средств воздействия, то понятно, какую стратегическую цель будет иметь политический PR, который должен привести в движение все резервы для достижения поставленных целей. Выполнение стратегической цели требует определённых тактических шагов, реализующихся в разножанровых и разноформатных коммуникациях, в рекламных действиях и т. д. Всё это объёмное пространство именуется политическим дискурсом, и векторы его изучения естественным образом согласуются как с пониманием природы власти, так и с эмпирическим материалом, в формировании которого участвуют тотально креативные специалисты по связям с общественностью.

К числу объективных оснований для принятого в статье тройственного соположения можно отнести 1) существование исторически подтверждённых инвариантных признаков власти как таковой и обобщённых характеристик языка и моделей поведения власти без жёсткой соотнесённости с определённым временем и с конкретной страной; 2) опыт наблюдений, показывающий, что создатели и исполнители политических PR-сценариев сознательно или подсознательно ориентируются на такого рода инвариантные признаки; 3) зависимость акцентирования проблем и направлений анализа политического дискурса как от понимания природы власти, так и от наблюдений над реальными коммуникативными действиями акторов власти.

Мы сочли возможным воспользоваться формулировками законов власти, представленными в книге американского журналиста Роберта Грина «48 законов власти или руководство для тех, кто стремится к власти, а также для тех, кто желает быть во всеоружии перед лицом власти» [2] как стимулом для «разворота» комментария в сторону современного политического менеджмента и обширных задач политической лингвистики, предметом которой становится всё обширное поле политической коммуникации. В аннотации к «48 законам власти» сказано, что эта блестящая книга давно уже стала мировым бестселлером, эта книга о природе власти; это реальные истории властителей; это руководство всем, кто хочет добиться власти; это законы достижения и использования власти; это советы начинающим руководителям и тем, кто желает быть во всеоружии перед властью; эта книга для каждого. Показательно, что книга вышла в серии «Законы успеха».

Сам факт формулировки законов власти является свидетельством концентрации многонационального, а по сути вненационального, всеобщего исторического опыта, проявления долговременной памяти человечества, результата наблюдений по превращению закономерностей в законы. Очевидна условность цифры 48, точнее было бы применить цифровой показатель в варианте «48+», но суть не меняется: речь идёт об универсальных признаках власти, которые могут модифицироваться, камуфлироваться,

мимикрировать, быть ситуативно обусловленными и т. д., но всегда оказываются в той или иной степени проявленными в дискурсивных манифестациях власти.

Власть – это арена постоянной борьбы за ресурсы (природные, человеческие, финансовые, имиджевые и т. д.). То, что принадлежало другим, нужно превратить в своё, тех, кто был «чужим», надо попытаться сделать «своим» или, при необходимости, переместить в пространство «чужого» и идеологически обосновать такое перемещение.

Власть всегда нуждается в поддержке общества. Политическая деятельность – это и информационная борьба за сознание тех социальных групп общества, которые при необходимости могут стать «группами поддержки» – исполнителями необходимого политикам сценария.

Политика представляет собой броуновское движение, в ней восхождение сменяется падением, восторг – разочарованием, надежда – неверием. Исторический и в значительной степени современный опыт показывает, что политика – это цепь интриг, скрытых или явных, это поиск пороков в конкурентах и возвышение собственных достоинств. Не случайно единодушные современных исследователей в выделении таких констант политического дискурса, как театрализация и манипулятивный креатив. Сценарные перформансы, основывающиеся на этих доминантных признаках, организуют политические коммуникации предвыборного характера и особенно заметны в сюжетах политического форс-мажора в любых его номинациях: цветная революция, переворот, майдан и т. д.

Современный политический пиар опережает по креативности все другие действия, связанные с властью [7]. Политики проявляют неуёмную страсть к пиару, в пространстве которого формируются разножанровые и разноформатные тексты влияния. Хотя стилистически власть мало меняется (в этом можно усмотреть действие законов власти как таковой), идёт процесс формирования новых типов текстов, в которых PR-цель политического характера маскируется под очерк о личности, несущей благо обществу. Это подтверждается признаками

имиджевых текстов, синтезирующих признаки PR-текста, рекламы и масс-медийного текста [4]. В имиджевом тексте филигранно переплетается прямое и косвенное говорение, перлокутивный эффект тщательно планируется и реализуется в особом наборе имплицатур и риторических приёмов убеждения и влияния.

«Без коммуникации – текста и речи – власть в обществе вряд ли может быть реальна и легитимна» [3, с. 87]. Политические PR-технологии осваивают новые виды и сценарии коммуникации, манипулятивный характер которых прячется за риторической техникой определённого свойства. Специалист по связям с общественностью по нормам профессиональной деонтологии должен ориентироваться на этические принципы, декларируемые в мировом пиаре: соблюдать правдивость, точность, справедливость и ответственность перед обществом. Но такого рода установки нередко перекрываются агрессивной и неконструктивной энергией «чёрного пиара».

Лингвосемиотика власти [1] – та область интегрированного знания, которая эксплицирует связи законов власти и особенностей политической коммуникации – как в пространстве PR, так и в политической лингвистике.

Из 48 законов власти, описанных в книге Роберта Грина, мы выбрали половину, что вполне достаточно для подтверждения идеи корреляции законов власти, культивируемых на их основе PR-действий, и возможностей политической лингвистики эксплицировать такого рода корреляцию, в тех или иных формах проявленную в политическом дискурсе (см. таблицу 1). При этом сочли оправданным сокращение ряда формулировок и их адаптацию к современным построениям высказывания. Каждая позиция может быть дополнена другими признаками, снабжена ссылками на имеющиеся исследования, углублена информацией, накапливающейся в процессе соответствующих исследовательских действий.

Таблица 1 – Законы власти (по Роберту Грину)

Законы власти (по Роберту Грину)	Сценарии PR	Векторы исследования политического дискурса
1. Никогда не затмевай «господина», не забывай восхвалять его (закон № 1).	Создание PR-проекта по формированию и закреплению имиджа политического лидера. Создание бэкграунда лидера. Использование возможностей СМИ для паблисити и промоушна. Мониторинг восприятия имиджа общественностью (оперативность реакции на имиджевые «проколы», оперативное восполнение потерь новыми действиями по «возвышению» имиджа).	Дискурсивные модели имиджа политиков. Политическая элита в речеповеденческих характеристиках. Речевые портреты политиков. Устройство имиджевых текстов. Речевые структуры самопозиционирования. Президентский дискурс как проявитель языковой личности лидера. Семиотико-языковой и прагматический анализ интернет-ресурсов политической тематики.
2. Не доверяй друзьям безгранично и научись использовать врагов. Если врагов нет, – ими лучше обзавестись. Не всё открывай тем, кого на данный момент считаешь своим другом (закон № 2).	PR-сценарии, направленные на использование оппонентов и конкурентов для продвижения своих интересов.	Информационное противоборство в политической сфере. Информационные войны. Дискурс политического скандала.
3. Скрывай свои намерения. Самая большая хитрость – не показывать хитрость. Люди должны услышать не то, что вы думаете, а то, что они хотят услышать (закон № 3).	Менеджмент манипуляций. Социологические опросы, их использование в блоке аргументов текстов влияния. Манипулирование результатами мониторинга СМИ, данными контент- и интент-анализа.	Приемы косвенного говорения, риторика «уклонения». Дискурс демагогии как проявитель манипулятивных установок. Коммуникативный типаж «манипулятор», «демагог» и под. Характер адресант-адресатных отношений в разных жанрах и видах политической коммуникации.

Законы власти (по Роберту Грину)	Сценарии PR	Векторы исследования политического дискурса
<p>4. Всегда говорите меньше, чем кажется необходимым. Даже произнося банальности, вы будете выглядеть оригинальным, если ваши речи будут неясными, незавершенными и загадочными, как речи сфинкса. Влиятельные люди производят впечатление тем, что не договаривают. Чем больше вы говорите, тем выше вероятность того, что вы скажете глупость (закон № 4).</p>	<p>Неясные и неопределённые PR-месседжи, создающие политическую интригу и дающие возможность вариативно интерпретировать события. Организация сценариев публичных презентаций, не предполагающих спонтанного диалога (искусственная перформативность).</p>	<p>Проблемы политической референции. Анализ фактов смысловой неопределенности. Симулякры как образы отсутствующей действительности, знаки трансформированной реальности. Размывание смыслового содержания слова в эвфемизмах. Дискурсивная маркированность дисфемизмов. Политический блендинг.</p>
<p>5. Репутация – краеугольный камень власти. Учитесь выводить из строя врагов, находя бреши в их репутации. Затем отойдите в сторону и предоставьте общественному мнению расправляться с ними (закон № 5).</p>	<p>Репутационный менеджмент, репутационный аудит. Слухмейкерство.</p>	<p>Политические концепты «репутация», «имидж», «харизма»; их дискурсивная реализация и игровая природа. Структуры «отстройки» от конкурентов. Стратегии и тактики дискредитации и угрозы.</p>
<p>6. Завоёвывайте внимание любой ценой. Никогда не позволяйте затеряться в толпе. Выделяйтесь. Бросайтесь в глаза, притягивайте к себе, чего бы это ни стоило. Кажитесь крупнее, красочнее, загадочнее (закон № 6).</p>	<p>Использовать все PR-средства, чтобы «луч» внимания общественности остановился на позиционируемой партии, политике, политическом действии (СМИ-риллейшнз, политическая реклама, теле-шоу и др.). Бренд-менеджмент.</p>	<p>Политическая лингвоперсонология. Нарратив биографии-легенды. Дискурс мифотворчества. Театрализованность презентаций и самопрезентаций.</p>
<p>7. Вынуждайте другого человека действовать, отвечать на ваши ходы, но всегда стремитесь удерживать инициативу. Удержание инициативы – основа власти (закон № 8).</p>	<p>Планирование способов удержания инициативы (соблазнение выгодами, популистские обещания, согласованная с ожиданиями адресата аргументация и т. д.). Постоянная деятельность в системе СМИ-риллейшнз. Создание информационного поля, заставляющего оппонента реагировать на PR-ходы.</p>	<p>Анализ полемических жанров политического дискурса. Типология аргументов в полемических жанрах. Аргумент как поиск мотивации для «своего» адресата. Практика обратной связи в интернете (блогерство, пики блогерской активности и др.). Политическая риторика (анализ приёмов влияния).</p>
<p>8. Добивайся победы действиями, а не доводами. Одни слова ничего не стоят. Смысл – в поступках (закон № 9).</p>	<p>Формирование бэкграунда как банка реальных действий, общественно полезных поступков. Активизация обратной связи, поиск новых форматов включения адресата в PR-процесс. Постоянная информация об откликах общественности на PR-действия.</p>	<p>Политические программы, листовки и др.: совмещение идеологических установок и прагматических ожиданий. Выбор стиля общения с адресатом (повествовательный, диалогический, эмоциональный и т. д.). Анализ публицистических и PR-текстов информативно-оценочного плана.</p>
<p>9. Проявляй иногда честность и щедрость, чтобы обезоружить свою жертву. Один искренний честный поступок побьёт дюжину бесчестных (закон № 12).</p>	<p>Планирование PR-акций, подтверждающих искренность и честность политика (пресс-релизы, кейс-истории, рекламные ролики и др.). Тщательная организация предвыборного пиара.</p>	<p>Концепт честности (ответственности, долга) в политическом дискурсе. Риторика предвыборного и поствыборного политического дискурса.</p>

Законы власти (по Роберту Грину)	Сценарии PR	Векторы исследования политического дискурса
<p>10. Прося о помощи, взывай к своекорыстию людей и никогда – к их милости и великодушию. Конкурент поддержит только то предложение, которое сулит ему выгоду. Любовь и сострадание в политике исключаются (закон № 13).</p>	<p>Планирование PR-акций с учётом ожиданий и мотиваций целевого адресата. Работа с группами финансовой поддержки. Лоббирование.</p>	<p>Концептуарий политического дискурса. Этические концепты (любовь, долг, сострадание, милосердие, толерантность и др.), их наполнение и трансформации в разных жанрах. Психология и семиотика лжи (правда, правдивость, правдоподобность). Риторика популизма. Дискурс лоббирования как искусство просить помощь.</p>
<p>11. Разбей врага полностью. Остановившись на полпути, можно потерять больше, чем при условии полного уничтожения: враг оправится и будет искать отмщения. Оставив искру – огонь разгорится вновь. Назначение власти в том, чтобы полностью подчинить себе противника, заставить его повиноваться (закон № 15).</p>	<p>PR-цель как стратегия, её реализация в системных PR-акциях тактического характера. Прогнозирование развития политических событий. Превентивные PR-акции.</p>	<p>Коммуникативные стратегии и тактики политического дискурса. Дискурс-анализ политических медиа-текстов. Политические жанры оценочно-резюмирующего характера (обращения к народу, программные документы консолидирующего или, напротив, разъединяющего характера и под.).</p>
<p>12. Создавай незабываемые зрелища. Яркость и зрелищность – аура власти. Ослеплённые зрелищем с трудом отличают реальное от выдуманного (закон № 37).</p>	<p>PR-акции в формате шоу. Технологии копирайтинга. Бренд-менеджмент (символы, слоганы и т. д.). Ребрендинг, его цель, этапы осуществления.</p>	<p>Лингвoseмиотические механизмы ритуализации политических событий. Семиотика символов. Слоган, листовка, буклет, электронные послания и т. д. как социолингвистический комплекс. Копирайтер как скрытая языковая личность. Дискурс интерпретации политического события. Оппозиционные СМИ.</p>
<p>13. Держи других в подвешенном состоянии: поддерживай атмосферу непредсказуемости. Человек власти вселяет некоторый страх, намеренно выводя окружающих из равновесия, чтобы держать инициативу в своих руках (закон № 17).</p>	<p>PR-креатив в варианте «Сенсации на потоке». Моделирование PR-событий в формате интриги, утверждение их значимости через интерпретацию в СМИ.</p>	<p>Новостные СМИ политического характера. Анализ пресс-релизов. Тенденция к сращиванию маркетингового и политического дискурсов. Отражение этой тенденции в разных видах политической коммуникации.</p>
<p>14. Не строй крепостей, чтобы защитить себя: изоляция лишает важной информации, делает нас заметной и уязвимой мишенью. Прикройтесь от врагов толпой. Власть зависит от социальных контактов и взаимодействия. Чтобы добиться власти, нужно находиться в центре событий. Подвижность и легкость в общении защищает от недоброжелателей (закон № 18).</p>	<p>Сбор информации из разных источников, использование полученных сведений в PR-акциях, фиксирующих активность социальных контактов. Манипулирование информацией. Поиск союзников для борьбы с конкурентами. Учёт психологии толпы. Планирование резонансных PR-акций (тематических митингов, флэш-мобов и под.).</p>	<p>Структуры солидаризации с адресатом. Митинговые жанры (как политики говорят с массами). Типология и оценка адресант-адресатных отношений в политическом дискурсе. Формирование образа целевого адресата. Понятие «свой круг», его противопоставленность другому (чужому). «Мы» и «они» в политическом дискурсе.</p>

Законы власти (по Роберту Грину)	Сценарии PR	Векторы исследования политического дискурса
<p>15. Знай, с кем имеешь дело: не наноси обиду, кому не следует. В мире есть разные типы людей, и нельзя ожидать, что все они будут одинаково реагировать на одни и те же приёмы. Правильно выбирайте жертву и не обижайте возможных единомышленников. Для лисицы и волка расставляются разные ловушки. Исключите из общения тех, кто напрасно отнимает ваше время и энергию (закон № 19).</p>	<p>Системное планирование PR-действий. Учёт психологического фактора в работе с целевыми аудиториями (внимание к проблемам и рекомендациям социальной и политической психологии): знание такого рода может обеспечить успех без насилия.</p>	<p>Уровни интерпретации ментальности. Проблемы социальной и политической психологии в проекции на цели и методы исследования политической коммуникации. Политическая эматология. Дискурсы угрозы, упрека, дискредитации, ненависти. Модели толерантного и эмпатического общения. Политические фреймы. Процессы рефреймирования.</p>
<p>16. Ни с кем не объединяйся. Только глупец торопится примкнуть к одной из сторон. Не связывайте себя ненужными обязательствами. Сохраняя независимость, вы получите возможность властвовать, сталкивая людей между собой (закон № 20).</p>	<p>Действовать в условиях полной информированности, понимания положения дел и тем самым определять необходимую стратегию взаимодействия с другими партиями и объединениями. Связывать стратегию с тактическим ходами в виде системы PR-акций.</p>	<p>Дискурс солидаризации с другими политическими силами и «отстройкой» от недоброжелателей. Особенности дискурса «быть над схваткой» (занять позицию между теми, кто ведет борьбу за власть, не принимать ничью сторону).</p>
<p>17. Прикинься простаком, чтобы надуть простака: кажись глупее своей мишени. Никому не нравится чувствовать себя глупее другого. Хитрость в том, чтобы дать жертве почувствовать себя умным, и он никогда не заподозрит, что у вас могут быть скрытые мотивы. Легкость победы рождает самонадеянность, и инверсия ролей оказывается незаметной (закон № 21).</p>	<p>Гибкость и маневренность ролевого поведения PR-команды в выборе мишени PR-воздействия. Вариативность PR-действий и PR-акций при сохранении стратегического стержня.</p>	<p>Анализ приёмов манипуляции. Соотношение текста и подтекста в разных видах политических коммуникаций. Сравнение предвыборного и поствыборного политического дискурса (аргументы, обещания, оценка положения дел и поведения конкурентов, стилистические регистры, риторические уловки и др.).</p>
<p>18. Используй тактику капитуляции: обрати слабость в силу. Сделай капитуляцию инструментом власти (закон № 22).</p>	<p>Кризисный PR. Риск-менеджмент. «Капитуляция» как часть PR-сценария, старт и инструмент будущей победы.</p>	<p>Провокационный дискурс, анализ агональных языковых средств. Дискурс реванша.</p>
<p>19. Концентрируй свои силы. Сконцентрированные силы могут быть брошены на слабое звено противника (закон № 23).</p>	<p>Перевес интенсивных PR-действий над экстенсивными. Главная идея, повторяемая во всех сценариях, должна стать источником воздействия на общественное мнение.</p>	<p>Дискурсивное проявление закона концентрации усилий (риторические приёмы, метафорические модели, фреймы и др.). Дискурсы влияния. Политическая суггестия.</p>
<p>20. Поступай как истинный придворный, который льстит, уступает и утверждает свою власть над другими в самой изящной и уклончивой манере. Изучайте и применяйте законы двора – и вашему росту не будет предела (закон № 24).</p>	<p>Организация таких видов коммуникаций, которые позволят выделиться и быть замеченными. Тщательная подготовка публичных выступлений политиков (идеал – достижение лёгкости и естественности, стилистическая гибкость, владение приёмами и аргументацией, соответствующими ожиданиям аудитории).</p>	<p>Управленческая риторика (риторические психотехники, ролевые характеристики участников общения, типология коммуникативных актов и др.). Дискурс косвенного говорения. Речевые тактики уклонения, лести, уступки, одобрения, угрозы, возражения под знаком согласия и т. д. Стилистические регистры политического дискурса.</p>

Законы власти (по Роберту Грину)	Сценарии PR	Векторы исследования политического дискурса
21. Сотвори себя заново. Не уставайте являть миру индивидуальность. Добавьте театральности своим общественным делам и выступлениям – ваша власть возрастет, а ваш образ обретет масштаб и достоверность. Демонстрируйте эмоции в форме, понятной окружающим (закон № 25).	Профессиональный имиджмейкинг. Сценарии «возвышения» имиджа. Планирование PR-акций, проявляющих индивидуальность политика в разных коммуникативных ситуациях.	Устные и письменные формы (жанры) политической коммуникации. Языковая (дискурсивная) личность политика, проявленная в разных жанрах и ситуациях общения. Классификация речевых девиаций («выпадение» из имиджа).
22. Играй роль друга, действуй, как шпион; умей использовать добытую правду против врагов (закон № 14).	Сбор информации всеми возможными путями. Объем информации прямо пропорционален эффективности PR-акций и возможностям их безошибочного планирования.	Слухи как канал коммуникации. Аргументативный дискурс (виды аргументов, их иерархия). Концепты правды и лжи, их языковая реализация в разных видах политической коммуникации. Приемы переключения внимания адресата.
23. Держи руки чистыми. Старайся выглядеть образцом порядочности. Скрывай своё участие в неблагоприятных делах (закон № 26).	PR-сценарии, отвлекающие общественность от политических просчетов и ошибок.	Дискурс обещаний, структуры влияния и внушения; типология аргументов в дискурсе этого типа. Способы и средства «отстройки» от конкурента в борьбе за электорат.
24. Играй на нуждах людей, создавая армию фанатичных приверженцев. Старайся дать обиженным надежду (закон № 27).	Акцент на обещании защиты и справедливости; «отстройка» от тех, кто не даёт такого рода обещаний, и далее реализация установки: кто не с нами, тот против нас.	Поствыборный дискурс: способы «снятия» предвыборного популистского пафоса, переход к новым формам взаимодействия с общественностью.

Послесловие

Современная наука всё активнее переходит от дуальных объединений к триадным [6]. Примером увеличения концептуальной сетки описания PR-дискурса, безусловно, является монография О.Ф. Русаковой и В.М. Русакова «PR-Дискурс: теоретико-методологический анализ», в которой дан обзор лингвистических подходов к анализу дискурса, социально-коммуникативных, социокультурных и социо-когнитивных его трактовок [5]. Многомерная методология описания социальных процессов и объектов, с одной стороны, соответствует высоким темпам развития научного знания, с другой – даёт возможность перейти от межпредметных связей (традиционно включаемых в вузовские программы) к действенному междисциплинарному диалогу.

1. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст: монография. – Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2008. – 244 с.

2. Грин Роберт. 48 законов власти: Новая краткая редакция / Пер. с англ. Е.Я. Мигуновой. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 288 с.

3. Дейк Тён ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 344 с.

4. Егорова Л.Г. Имиджевый текст: лингвопрагматический и лингвокультурологический аспекты: (на материале русскоязычной публицистики): дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2009.

5. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-Дискурс: теоретико-методологический анализ. 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: УрО РАН, ИД «Дискурс-Пи», 2011. – 336 с.

6. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. Проф. В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Переме́на», 2013. – 450 с.

7. Юдина Е.Н. Креативное мышление в PR (в системе формирования социокультурных связей и отношений). – М.: РИП-Холдинг, 2005. – 272 с.

1. Astafurova T.N., Olyanich A.V. Lingvosemiotika vlasti: znak, slovo, tekst: monografiya. – Volgograd: IPK FGOU VPO VGSXA «Niva», 2008. – 244 s.

2. Grin Robert. 48 zakonov vlasti: Novaya kratkaya redakciya / Per. s angl. E.Ya. Migunovoj. – M.: RIPOL klassik, 2005. – 288 s.

3. Dejk Tyon van. Diskurs i vlast'. Reprezentaciya

dominirovaniya v yazyke i kommunikacii / Per. s angl. – M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2013. – 344 s.

4. Egorova L.G. Imidzhevyy tekst: lingvopragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty: (na materiale russkoyazychnoj publicistiki): dis. ... kand. filol. nauk. Simferopol', 2009.

5. Rusakova O.F., Rusakov V.M. PR-Diskurs: teoretiko-metodologicheskij analiz. 2-e izd., ispr. i dop. – Ekaterinburg: UrO RAN, ID «Diskurs-Pi», 2011. – 336 s.

6. E'motivnaya lingvov'kologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kol. monogr. / nauch. red. Prof. V.I. Shaxovskij. – Volgograd: Izd-vo VGSPU «Perpomena», 2013. – 450 s.

7. Yudina E.N. Kreativnoe myshlenie v PR (v sisteme formirovaniya sociokul'turnyx svyazey i otnoshenij). – M.: RIP-Xolding, 2005. – 272 s.

UDC 316.77

TRINITY: POWER LAWS – PR SCENARIOS – POLITICAL DISCOURSE

Lara Sinelnikova,

Humanitarian-Pedagogical Academy,
Professor of Department of Russian and Ukrainian Philology and Teaching Methods,
Yalta, Russia,
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Annotation

The article outlines the interdependence of the laws of power, public relations scenarios, aimed at supporting the authorities, and some signs of political communication.

Key words:

power laws, PR scenarios, political discourse, manipulation, addresser-addressee relationships.

УДК 316.77

PR-ДИСКУРС В РАМКАХ ТАКСОНОМИИ ДИСКУРСОВ

Лариса Васильевна Селезнева,

Российский государственный социальный университет,
доцент кафедры русского языка и литературы,
кандидат филологических наук,
Москва, Россия,
E-mail: loramuz@yandex.ru

Аннотация

В статье представлена современная таксономия дискурсов и определены системообразующие параметры PR-дискурса. Автор выделяет три уровня системообразующих параметров, к которым относит сферы общественной жизни и социальные институты, предметную прикрепленность и тематический репертуар, каналы коммуникации и технические параметры. Они составляют пресуппозиционный каркас, который играет важную роль при формировании PR-дискурса.

Ключевые слова:

профессиональный дискурс, PR-дискурс, пресуппозиционный каркас.

Одной из основных задач дискурсивного анализа является определение параметров классификации дискурсов. Это имеет важное значение для идентификации объекта, определения его границ, понимания того, каким образом пространство разных типов дискурса соотносится друг с другом.

Для М. Фуко вопрос о разновидностях дискурса был одним из важнейших вопросов, посредством ответа на который он хотел определить процесс формирования дискурса и выделил внешние и внутренние процедуры. К внешним он отнес «процедуру исключения», т.е. «табу на объект, ритуал обстоятельств, привилегированное или исключительное право говорящего субъекта» [Фуко, 1996, с. 51] и процедуру «разделения и отбрасывания», которая вводит в дискурс оппозицию истинного-ложного. В качестве внутренних процедур он рассматривал следующие принципы: 1) принцип забвения, выделяющий «дискурсы, которые

исчезают вместе с тем актом, в котором они были высказаны» [Фуко, 1996, с. 60], 2) принцип комментариев, которые «сказываются, являются уже сказанными и должны быть еще сказанными» [Фуко, 1996, с. 60], 3) принцип дисциплины, которая «определяется областью объектов, совокупностью методов и корпусом положений, которые признаются истинными, равно как и действием правил и определений, техник и инструментов» [Фуко 1996: 65], 4) принцип «прореживания», который гласит, что «в порядок дискурса никогда не вступит тот, кто не удовлетворяет определенным требованиям или же с самого начала не имеет на это права» [Фуко, 1996, с. 69], 5) принцип доктрины, которая «связывает индивидов с некоторыми вполне определенными типами высказываний и тем самым накладывает запрет на все остальные... она пользуется некоторыми типами высказываний, чтобы связывать индивидов между собой и тем самым отличать

их от всех остальных» [Фуко, 1996, с. 74]. Определенные М. Фуко процедуры помогают понять моменты формирования дискурса, однако они не стали основой таксономии дискурсов. Сам ученый рассматривал такие дискурсы, как клинический, экономический, психиатрический дискурсы, дискурсы безумия и сексуальности, естественной истории и отмечал, что дискурс ставит проблему «своих собственных границ, купюр, преобразований, специфических модусов своей темпоральности» [Фуко, 2004, с. 227].

В современных исследованиях по типологии дискурса наблюдается многообразие взглядов, которые с трудом поддаются синтезу. Тем не менее, в современной лингвистике сформировалось представление об основных критериях, посредством которых происходит дифференциация типов дискурсов и на основании которых определяются дискурсообразующие признаки. В качестве основных таксономических параметров предлагают тематический репертуар, контекстная модель [Дейк, 1989]; модус, жанр, функциональные стили, формальность, основанная на характере социальных отношений между субъектами [Кибрик, 2009]; функции (информационная, кооперативная, императивная, оценочно-контрольная) [Данюшина, 2009]; интенция (для диалогических дискурсов) [Сухих, 1990], целевая установка [Гуляр, 1993], текстовая модальность [Селезнева, 2009], социальная сфера [Карасик, 2002] и др.. Н. И. Клушина предприняла попытку некоего обобщения существующих типологий дискурсов и выделила такие параметры, как тема, жанр, социально значимая сфера бытования, или стиль, коммуникативное событие, интенции, идеология, технические средства производства и презентации текстов, эмоции [Клушина, 2012, с. 338].

В последнее десятилетие, по наблюдениям Е. Г. Малышевой, «основания, по которым выделяются конкретные типы дискурсов, множатся, а следовательно, всё возрастает количество описываемых дискурсов и дискурсивных разновидностей» [Малышева, 2011, с. 37]. Анализ последних работ по разным типам дискурсов подтверждает это и показывает, что на фоне ставших уже традиционными типами дискурсов, появляются новые объекты исследования,

более конкретные, с меньшим по охвату дискурсивным полем. Например, русский спортивный дискурс, дискурс качественной прессы США, литературно-критический дискурс в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского, политический дискурс Барака Х. Обамы, дискурс социально активных молодежных сообществ г. Тюмени и т. п. Можно предположить, что такая конкретизация дискурса свидетельствует, во-первых, о сужении объекта исследования, во-вторых, об увеличении параметров выделения разных видов дискурса, а также об использовании в дискурсологии разных научных подходов и направлений.

Разнонаправленность дискурсивных исследований попыталась классифицировать О. Ф. Русакова, которая выделила шесть основных подходов: 1) лингвистический, рассматривающий языковую сторону дискурса; 2) кратологический, связанный с именем М. Фуко и анализирующий дискурс как мощный ресурс, обладающий властно-принудительной силой; 3) семиотический, определяющий дискурс как знаково-символическое образование; 4) социально-коммуникативный, выделяющий коммуникативные цели и социальные функции дискурса; 5) постмодернистский, рассматривающий дискурс как сетевое коммуникативное пространство, в котором происходит переформатирование реальности и конструирование новой; 6) комбинированный, соединяющий различные трактовки дискурса [Русакова, 2006].

Если исходить из постулатов науки, в чей терминологический аппарат входит понятие дискурс, то, безусловно, можно выделить и большее количество направлений. В отличие от О. Ф. Русаковой, Л. С. Бейлинсон выделяет четыре подхода к изучению дискурса: 1) с позиции социологии и социолингвистики, который определяет, кто организует общение и участвует в нем; 2) с позиций прагматики и коммуникативной теории следует установить, как осуществляется общение; 3) с позиций семантической теории следует установить, о чем идет речь; 4) с позиций структурной лингвистики требуется охарактеризовать языковые способы выражения смысла в высказываниях, составляющих дискурс (формально-языковой параметр) [Бейлинсон, 2009].

В рамках социолингвистического подхода выделяют такой тип дискурса, как институциональный, или статусно-ориентированный [Карасик, 2002]. В.И. Карасик отмечает, что институциональный дискурс детерминирован общественным институтом и представляет собой целостный тип общения людей определенной социальной группы. В социологии общественные институты определяют как «специфические образования, обеспечивающие относительную устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества, некоторые исторически обусловленные формы организации и регулирования общественной жизни» [Гавра]. При этом на основании предметного критерия, т.е. содержания социальной сферы и задач, которые выполняет институт, выделяются: политические институты (государство, партии, армия); экономические институты (разделение труда, собственность, налоги и т.п.); институты родства, брака и семьи; институты, действующие в духовной сфере (образование, культура, массовые коммуникации и т.п.) и др. Система общественных институтов, в свою очередь, является основанием для определения соответствующих институциональных дискурсов, таких, как политический, административный, религиозный, медицинский, юридический, военный, деловой, научный, спортивный, массово-информационный и др. Онтологическим основанием дифференциации дискурсов можно считать многообразие сфер человеческой деятельности актуальных в данное время. Однако с изменением социальной сферы происходят изменения и в таксономии дискурса. Так, с появлением и активизацией такой профессиональной сферы, как *public relations*, стали выделять PR-дискурс.

Образование PR-дискурса обычно связывают с институционализацией профессиональной сферы *public relations*. Социальная сфера является важным, но не единственным системообразующим параметром. О.Г. Ревзина отмечает важность выявления данных параметров для исследования дискурса [Ревзина, 2005, с. 67].

Ученые по-разному выделяют элементы и этапы образования дискурса. Так, рас-

сматривая дискурс как систему рассеивания элементов, М. Фуко искал дискурсивные закономерности (*régularité*) и в качестве единицы дискурса рассматривал высказывание как атом дискурса, как элементарное единство дискурса, которое, с одной стороны, связано с речью, с другой – «открывает для самого себя остаточное существование в поле памяти или в материальности рукописей, книг и в любой другой форме регистрации» [Фуко, 2004, с. 75]. М. Фуко формулирует правила формирования дискурса, т.е. «условия существования (но также и сосуществования, сохранения, видоизменения и исчезновения) в том или ином данном распределении» [Фуко, 2004, с. 93]. Первым является правило формирования объектов, для определения которого нужно рассмотреть поверхности возникновения объектов, т.е. социальную среду, инстанции разграничения (социальные институты) и проанализировать решетки спецификации, т.е. систему, в соответствии с которой «мы разделяем, противопоставляем, сближаем, перегруппировываем, квалифицируем, выводим друг из друга» различные виды объектов [Фуко, 2004, с. 99]. Вторым является правило формирования модальностей высказывания, которые связаны с ролью субъекта, его местонахождением и позицией. Третьим правилом является формирование понятий. Фуко считает, что систему формирования понятий образует «пучок отношений», который реализуется только в высказываниях, в связи с этим он описывает организацию поля высказываний (формы последовательности, формы сосуществования, процедуры вмешательства и др.). Четвертым правилом является правило формирования стратегий. Стратегиями в его понимании являются те темы и теории, которые формируются под воздействием определенной организации понятий, определенной перегруппировки объектов, определенных типов актов высказывания в том или ином дискурсе. Таким образом, в понимании М. Фуко к базовым элементам дискурса относятся объекты, модальности акта высказывания, понятия, тематические выборы (стратегии). Теория М. Фуко дала важное направление в исследовании дискурса, особенно в области новых, формирующихся систем.

О.Г. Ревзина, развивая теорию М. Фуко, относит к системообразующим параметрам: 1) пространство и потребление дискурса: «Каждый член языкового социума вносит вклад в материальную субстанцию дискурса своим языковым опытом и каждый член языкового социума является потребителем дискурса» [Ревзина, 2004, с. 67]. Здесь, скорее всего, речь идет о человеке вообще, который в качестве языковой личности участвует в дискурсе; 2) коммуникативное обеспечение, т.е. каналы коммуникации, 3) дискурсивные формации (в терминологии М. Фуко), 4) интертекстуальное взаимодействие, которое обеспечивает устойчивость и взаимопроницаемость дискурсивных формаций.

Несколько иные параметры институционального дискурса выделяет В.И. Карасик. Он определяет конститутивные параметры, которые лежат в основе любого дискурса и составляют его структуру. К ним относятся: участники коммуникации с точки зрения их статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных амплуа; сфера общения и коммуникативная среда; мотивы, цели, стратегии общения; канал, режим, тональность, стиль и жанр общения; знаковое тело общения, т.е. сообщения в устной или письменной форме (тексты). Общение статусно неравных участников, так называемой «базовой пары участников коммуникации» [Карасик, 2002, с. 195] – это общение представителя социального института, которого условно называют агентом, и клиента. Их общение составляет ядро институционального дискурса, а на периферии размещается общение с маргиналами (термин В.И. Карасика), т.е. теми, кто не относится к данному социальному институту. Эта упрощенная схема позволяет говорить о поле дискурса, которое состоит из ядра и периферии. Ядро представлено основными языковыми жанрами, которые можно выделить на основе частотности использования в данном дискурсе, стилистического единообразия. На периферии находятся жанры, которые испытывают воздействие других дискурсов, поэтому редко используются для общения базовой пары и не обладают стилистическим единообразием.

В зарубежной дискурсологии активно используется термин профессиональный

дискурс. Параметры структурообразования профессионального дискурса подробно рассматривает В. Бхатия и выделяет в реализации профессионального дискурса такие четыре уровня, как текст, жанр, профессиональная практика и профессиональная культура [Bhatia, 2010] (см. схему 1).

Схема 1 – Четыре уровня в реализации профессионального дискурса

В. Бхатия отмечает: «Discursive practices, on the one hand, are essentially the outcome of specific professional procedures, and on the other hand, are embedded in specific professional cultures» [Bhatia, 2010, с. 35]¹. Другими словами, профессиональный дискурс формирует объекты как элементы профессиональной культуры.

В основе нашего подхода к исследованию PR-дискурса лежит представление о нем как совокупности дискурсивных практик, т.е. правил, «которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» [Фуко, 2004, с. 228]. К таким условиям мы прежде всего относим условия внешние, которые называем пресуппозиционным каркасом. За исходную точку исследования мы принимаем «принцип внешнего», выдвинутый М. Фуко. Данный принцип состоит в следующем: «Man muß nicht vom Diskurs in seinen inneren und verborgenen Kern eindringen, indie Mitte eines Denkens oder einer Bedeutung, die sich in ihm manifestieren. Sondern vom Diskurs aus, von seiner Erscheinung und seiner Regelmäßigkeit aus, muß man auf seine

¹ Дискурсивные практики, с одной стороны, по существу, представляют собой результат характерных профессиональных действий, а с другой стороны, встроены в конкретную профессиональную культуру (перевод мой – Л.С.).

äußeren Möglichkeitsbedingungen zugehen; auf das, was der Zufallsreihe dieser Ereignisse Raum gibt und ihre Grenzen fixiert»² [Foucault, 1998, p. 34]. Другими словами, мы оцениваем внешнее окружение дискурса как необходимые для порождения дискурса условия, которые представляют собой основу для формирования пресуппозиционного каркаса дискурса (термин В.А. Звегинцева). Само понятие «пресуппозиция» обычно относят к выражению и используют для определения смыслового значения данного выражения, поскольку в пресуппозициях в неявном виде содержится информация об объекте речи. Пресуппозиционный каркас содержит информацию о дискурсе, т. е. о том, что предшествует речевой деятельности, это информация о субъектно-объектном пространстве дискурса.

В пресуппозиционном каркасе дискурса мы выделяем информацию трех уровней. К первому уровню мы относим информацию о сферах общественной жизни – социальном институте – профессиональной культуре; ко второму уровню – предметную прикрепленность – тематический репертуар – жанровое многообразие; к третьему уровню – каналы коммуникации и технические параметры. Данную информацию можно рассматривать как необходимые для образования дискурса параметры, т. е. системообразующие параметры, которые, на наш взгляд, создают пресуппозиционный каркас любого дискурса. Это можно представить в виде схемы 2.

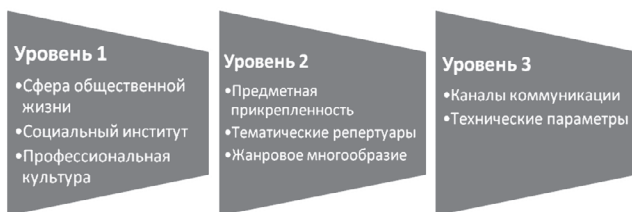

Схема 2 – Системообразующие параметры дискурса: пресуппозиционный каркас

2 Не нужно проникать внутрь дискурса, в его скрытое ядро, в центр той мысли или значения, которые в нем содержатся. Но, от дискурса, от его появления и регулярности, нужно идти к его внешним возможным условиям, к тому, что дает место случайному ряду этих событий и фиксирует их границы (перевод мой – Л.С.).

Традиционно выделяют четыре основные сферы общественной жизни: социальную, экономическую, политическую, духовную. В соответствии со сферами общественной жизни можно выделить четыре основные группы институтов: 1) экономические институты – разделение труда, собственность, рынок, торговля, заработная плата, банковская система, биржа, менеджмент, маркетинг т. д.; 2) политические институты – государство, армия, милиция, полиция, парламентаризм, президентство, монархия, суд, партии, гражданское общество; 3) институты стратификации и родства – класс, сословие, каста, половая дискриминация, расовая сегрегация, дворянство, социальное обеспечение, семья; 4) институты культуры – школа, высшая школа, среднее профессиональное образование, театры, музеи, клубы, библиотеки, церковь, монашество, исповедь. Количество институтов в разную эпоху может быть разным: одни институты могут исчезать, а другие – появляются. Формирование социального института происходит в процессе институционализации, т. е. упорядочения общественных отношений, формирования стабильных образцов социального взаимодействия, основанного на четких правилах, законах, образцах и ритуалах. Профессиональные практики представляют профессиональную среду того или иного социального института. Например, в научном дискурсе можно выделить такие области знания, как медицина, филология, юриспруденция и в соответствии с этими профессиональными практиками выделяют медицинский, филологический, юридический и др. дискурсы. В каждой области знания складывается своя профессиональная культура, происходит отбор тех или иных объектов, действий, процессов.

Второй уровень представляет предметная прикрепленность – тематический репертуар – жанровое многообразие. Так, например, разные типы научного дискурса имеют разную предметную прикрепленность: медицинская профессиональная практика связана со здоровьем человека, филологическая профессиональная практика – с языком и речью, юридическая профессиональная практика – с законами. Соответственно, в каждом типе дискурса разный тематический репертуар (по терминологии

В. Дейка). Под тематическим репертуаром понимается ограничение диапазона возможных тем [Дейк, 1989, с. 52]. Следующим системообразующим параметром является жанровое многообразие, которое связано с ограничением использования в том или ином дискурсе речевых жанров. Так, в научном дискурсе отсутствуют такие жанры, как, например, финансовый отчет, проповедь, поздравление, для него характерны статьи, диссертации, монографии и т. д.

К параметрам третьего уровня относятся каналы коммуникации – технические средства. Использование каналов коммуникации и технических средств практически не имеет ограничений. Однако существует, например, в деловом дискурсе запрет на передачу важных документов в электронном виде, он осуществляется только в печатном и т. д. Политический дискурс преимущественно реализуется через СМИ [Шейгал 2004].

Таким образом, анализ системообразующих параметров дискурса позволяет нам понять те внешние условия, тот пресуппозиционный каркас, который способствует образованию того или иного типа дискурса и дает возможность анализировать совокупность текстов данного дискурса.

1. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: монография / Л.С. Бейлинсон. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 266 с.
2. Гавра Д.П. Социальные институты // URL: <http://www.xserver.ru/user/sozin/>.
3. Гуляр Т.Б. Побудительный дискурс // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. Сборник научных трудов / Отв. ред. Л.П. Рыжова. – Тверь: Тверской государственный университет, 1993. – с. 37–43.
4. Данюшина Ю.В. Бизнес-дискурс [Текст]: монография / Ю.В. Данюшина. – М.: ГУУ, 2009. – 167 с.
5. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009 – № 2 – с. 3–21.
8. Клущина Н.И. Интенциональный метод в современной медиастилистике // Лингвистика речи. Медиастилистика: колл. монография, посвященная 80-летию профессора Г.Я. Солганика. – М.: Флинта: Наука, 2012. – с. 334–343.
9. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование: монография. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2011. – 323 с.
10. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. – 2005 – Вып. 8 – с. 66–78.

11. Русакова О.Ф. Лингвистические и кратологические трактовки дискурса / О.Ф. Русакова // Без темы. – 2006. – № 2 (2). – С. 59–65. – URL: [http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0002\(02_2006\)&xsl=tableOfContents.xslt&doc=../content.jsp](http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0002(02_2006)&xsl=tableOfContents.xslt&doc=../content.jsp).
12. Селезнева Л.В. Текстовая модальность в разных типах дискурса // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 6. – С. 199–203.
13. Сухих С.А. Типология языкового общения // Язык, дискурс и личность / Под ред. И.П. Сусова. – Тверь: ТГУ, 1990. – с. 45–50.
14. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
15. Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Колледж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – с. 49–96.
16. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
17. Bhatia V.K. Interdiscursivity in professional communication // Discourse & Communication. – Vol. 4 – № 1 – February 2010. – p. 32–50.
18. Foucault M. Die Ordnung des Diskurses. – Frankfurt am Main: Fischer, 1998. – 93 p.

1. Bejlinson L.S. Professional'nyj diskurs: priznaki, funkcii, normy: monografiya / L.S. Bejlinson. – Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2009. – 266 s.
2. Gavra D.P. Social'nye instituty // URL: <http://www.xserver.ru/user/sozin/>.
3. Gulyar T.B. Pobuditel'nyj diskurs // Kommunikativno-funktional'nyj aspekt yazykovyx edinic. Sbornik nauchnyx trudov / Отв. ред. Л.П. Рыжова. – Твр': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 1993. – с. 37–43.
4. Danyushina Yu.V. Biznes-diskurs [Tekst]: monografiya / Yu.V. Danyushina. – М.: GUU, 2009. – 167 s.
5. Dejk, van T.A. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya. – М.: Progress, 1989. – 312 s.
6. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 s.
7. Kibrik A.A. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikacii diskursov // Voprosy yazykoznanija. – 2009 – № 2 – с. 3–21.
8. Klushina N.I. Intencional'nyj metod v sovremennoj mediastilistike // Lingvistika rechi. Mediastilistika: koll. monografiya, posvyashhennaya 80-letiyu professora G.Ya. Solganika. – М.: Flinta: Nauka, 2012. – с. 334–343.
9. Malysheva E.G. Russkij sportivnyj diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie: monografiya. – Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 2011. – 323 s.
10. Revzina O.G. Diskurs i diskursivnye formacii // Kritika i semiotika. – 2005 – Вып. 8 – с. 66–78.
11. Rusakova O.F. Lingvisticheskie i kratologicheskie traktovki diskursa / O.F. Rusakova // Bez темы. – 2006. – № 2 (2). – С. 59–65. – URL: [http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0002\(02_2006\)&xsl=tableOfContents.xslt&doc=../content.jsp](http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0002(02_2006)&xsl=tableOfContents.xslt&doc=../content.jsp).
12. Selezneva L.V. Tekstovaya modal'nost' v raznyx tipax diskursa // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. – 2009. – № 6. – С. 199–203.
13. Suxix S.A. Tipologiya yazykovogo obshheniya // Yazyk, diskurs i lichnost' / Pod red. I.P. Susova. – Tvr': TGU, 1990. – с. 45–50.
14. Fuko M. Arxeologiya znaniya / Per. s fr. M.B. Rakovoj,

A. Yu. Serebryannikovej. – Spb.: IC «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga, 2004. – 416 s.

15. Fuko M. Poryadok diskursa. Inauguraciennaya lekcija v Kollidzh de Frans, pročitannaya 2 dekabrya 1970 goda // Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyx let. – M.: Kastal', 1996. – s. 49–96.

16. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. – M.: ITDGG «Gnozis», 2004. – 326 s.

17. Bhatia V.K. Interdiscursivity in professional communication // Discourse & Communication. – Vol. 4 – № 1 – February 2010. – p. 32–50.

18. Foucault M. Die Ordnung des Diskurses. – Frankfurt am Main: Fischer, 1998. – 93 p.

UDC 316.77

PR-DISCOURSE WITHIN THE TAXONOMY OF DISCOURSES

Larisa V. Selezneva,

Russian State Social University,
Associate Professor in the Department Chair of Russian Language and Literature,
Candidate of Philological Sciences,
Moscow, Russia,
E-mail: loramuz@yandex.ru

Annotation

The article presents a modern taxonomy of discourses and identified strategic options PR-discourse. The author distinguishes three levels of strategic options, which classifies areas of public life and social institutions, subject attachment and thematic repertoire, communication channels and technical parameters. They are presuppositional frame, which plays an important role in the formation of PR-discourse.

Key words:

professional discourse, PR-discourse, presuppositional frame.

УДК 81

ПРЕЗЕНТЕМА В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛА КАК СПОСОБ ДИСКУРСООБРАЗОВАНИЯ И ДИСКУРСИВНОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ

(на материале глагольных лексем
из российского молодежного сленга)

Олянич Андрей Владимирович,

заведующий кафедрой иностранных языков,
Волгоградский государственный аграрный университет,
доктор филологических наук, профессор,
Волгоград, Россия,
E-mail: aolyanitch@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается лексико-семантический феномен информативной насыщенности языковой единицы (глагола) в аспекте его участия в процессах дискурсообразования и дискурсоразвертывания, причем в той их части, где дискурс демонстрирует свои презентационные возможности применительно к кумуляции информации через формирование особых дискурсивных единиц – презентем. Обсуждается двоякая концептуальная ориентированность презентемы как знака, денотативно вводящего концепт в дискурсивный оборот, и как сущности, оценивающей этот концепт, тем самым программирующей сам ход дискурса.

Ключевые слова:

глагол, дискурс, знак, информативная насыщенность, концепт, кумулятивность, презентема.

Пожалуй, одним из самых плодотворных подходов к лексическому значению слова на рубеже веков стало понимание этого феномена как концентрата фоновых знаний и экспликатора когнитивных / культурологических концептов, передатчика знаний о культурном своеобразии народа, обусловленном историческими, географическими, психологическими факторами, состоящим в нюансах обозначения и понимания объективного и субъективного мира и отражающим не универсальные, а специфические характеристики материальной и духовной жизни народа [Воркачев, 1996; Воробьев, 1997; Гачев,

1988; Карасик, 2002; Степанов, 1997; Стернин, 1996; Wierzbicka, 1991 и др.].

Подобный подход плодотворен прежде всего потому, что он базируется на положении о существовании в сознании человека картины мира, концентрированно отражающей знания о мире, полученные Homo Sapiens в результате его жизнедеятельности. Человек же, выступающий в ипостаси Homo Loquens (говорящий), пользуется языком для экспликации базовой категории при построении картины мира – *ценностей*, которые в разных конфигурациях определяют культурный тип той или

иной общности и специфику национальных картин мира [Гуревич, 1984; Сиротинина, Кормилицына 1995].

Для хранения этих ценностей, коллективного опыта и культуры народа в языке заложена одна из важнейших его функций (наряду с *информативной и воздействующей*) – *кумулятивная*, которая реализуется, прежде всего, благодаря лексическому значению слова, обусловленному объективной действительностью: человек находится в центре объективной действительности, познает ее при помощи органов чувств, закрепляет представления о ней за языковым знаком. Эта деятельность протекает в его второй сигнальной системе и завершается фиксацией в назывных (номинативных) элементах, связываемых в цепочку элементами, обеспечивающими прочность этой цепочки (предикативные единицы) [Верещагин, Костомаров, 1980; Караулов, 1987; Комлев, 1981; Байбурич, 1988; Баранов, 1989].

Кумулятивность, информативность и суггестивность / манипулятивность (способность воздействовать / побуждать к действию) лексического значения слова – понятия, релевантные для настоящего исследования. Их объяснительная сила заключается в том, что они позволяют заявить о реализации в языке целой семантической категории – *информативной насыщенности лексических единиц*¹.

Информативная насыщенность – сложная семантическая категория, содержащая целый ряд характеристик, способствующих порождению и развертыванию дискурса. Предлагаемая научной общественности статья посвящена изучению этих характеристик через анализ семантики русских информативно-насыщенных глаголов из специфической сферы номинации – молодежного сленга.

Понятие информативной насыщенности появилось в лингвистических исследованиях в связи с целым рядом обстоятельств.

Вместе с понятием языковой номинации и в связи с поисками закономерностей между количественными (глубина семантического объема лексем) и качественными (смысловая

уникальность) различиями в семантическом содержании лексических единиц, разработкой теории лексико-семантического варьирования на передний план исследований выдвинулось предположение о способности лексических единиц к варьированию как результате усложнения содержательной стороны единицы [Литвин, 1988, с. 84], затрагивающего структурно-смысловые изменения в означаемом, в том, что стоит за звуковой оболочкой слова (формативом). Изучение процессов языковой номинации в русле теории лексико-семантического варьирования вызвало к жизни такие понятия, как «динамизм лексического значения» [Miller, 1951], «глубина семантического объема лексем» [Олянич, 1988], «степень неоднородности семантики лексем», «точность – приближенность номинации» [Гак, 1980; Сахно, 1983; Морева, 1988; Пристинская, 1988; Gove, 1957; Вайнрайх, 1970], «шкала неоднозначности» [Апресян, 1974].

В ряде психологических исследований, связанных с когнитивными особенностями, спецификой человеческого мышления и проекцией его на лексический уровень, отмечаются следующие обстоятельства.

Во-первых, мышление характеризуется селективностью запоминания фактов и событий, налагающей ограничения на объем памяти. Как отмечает Д. И. Слобин, запоминание подвергается изменениям, вызванным словесной формой кодирования: хранящаяся в памяти информация подвергается уравниванию и приобретает короткий и схематичный вид. Одновременно происходит уточнение деталей информации и ее ассимиляция в соответствии с некоторой схемой, стереотипом, экспектациями [Слобин, 1976, с. 175]. Дж. Миллер называет это явление схематизации запоминаемого «перекодированием информации в непосредственной памяти» и считает, что оно предельно: по мнению исследователя, количество «сгустков» информации может быть не более 7 ± 2 ; в противном случае мышление теряет свойство экономности и информация большего объема, уходящего за пределы этого «магического числа», забывается [Miller, 1951].

Исследователи обратили внимание на то, что данное свойство памяти – «глубина» – со-

¹ Понятия «информативная насыщенность» и «информативно-насыщенный глагол» введены Е. И. Шейгал и А. В. Оляничем [Шейгал, Олянич, 1988].

относится со словарем языка. Действительно, человек является творцом словаря и одновременно пользователем той информации, которая в нем сконцентрирована. Словарь в целом есть своего рода модель памяти; продолжая аналогию, можно представить лексическую единицу во всей совокупности ее вариантов как единицу запоминаемой информации с предельным числом «сгустков» – ЛСВ. Анализ словарей достаточно большого объема показывает, что наибольшее количество слов имеет как раз такое количество ЛСВ – от одного до 7 ± 2 [Олянич, 1988, с. 9–10].

Указанными выше особенностями мышления объясняется и такой факт: самые объемные по значению лексические единицы (мы имеем в виду не диапазон значения, а количество входящих в семантическую структуру слова лексико-семантических вариантов – ЛСВ) удерживаются в памяти носителей языка не полностью, а только в пределах «магического числа» Дж. Миллера, что убедительно доказывается результатами исследований частотности (см., например, данные частотного словаря-справочника, составленного Майклом Уэстом: наиболее частотны слова, количество ЛСВ у которых меньше или равно 7 ± 2).

Во-вторых, характерной чертой мышления является оперирование фактами и событиями в двух плоскостях.

Первая плоскость мыслительных операций своим существованием обязана многообразию явлений объективной действительности, которые в полном виде человек не в состоянии уместить в рамках его когнитивных возможностей. Как пишет В. Г. Гак, это явления «с расплывчатыми границами, хотя и с четким ядром. Наличие четкого ядра позволяет словесно обозначать любой объект, даже такой, для которого в языке нет особого наименования» [Гак, 1980, с. 50]. Речь идет, таким образом, о мыслительной категории **приблизительности**, которая обуславливает выбор говорящим соответствующей единицы – слова, лишь очерчивающего границы номинируемого понятия, но не конкретизирующего данное понятие, поскольку такая конкретизация была бы избыточной в ситуации общения, не требующей точности (говорящие «понимают», о чем идет речь).

Вторая плоскость – противочлен мыслительной категории приблизительности в оппозиции «точность :: приблизительность». Мыслительные операции в этой плоскости вызваны как раз необходимостью **точности** – «портретирования» явления, которую задает ситуация общения. Номинативные единицы, задействованные говорящим для словесного обозначения таких ситуаций, требующих точности, не могут быть приблизительными.

Оппозиция «точность :: приблизительность» была обнаружена У. Вайнрайхом при исследовании им стандартного и нестандартного использования языковых возможностей. Он обратил внимание на изменение «семантической речи»: в том случае, когда речь «...служит только для того, чтобы сигнализировать о наличии сочувствующего собеседника, язык «десемантизируется» в очень большой степени» [Вайнрайх, 1970, с. 169]. При этом говорящие задействуют такие лексические единицы, семантическое содержание которых подверглось «смысловому выветриванию» – слова-«почти-пустоты» (в терминологии самого У. Вайнрайха), или в современной терминологии – эврисеманты (широкозначные слова). Кроме того, в таких случаях используются и полисемантические лексемы. Стандартное использование языка предполагает извлечение коммуникантами из своего лексикона слов приблизительной номинации. При нестандартном языковом использовании задействуются слова точной номинации понятий. У. Вайнрайх называет их «шифрованными словами», относя их к плану речи. Такие «шифрованные» – «гиперсемантизированные» – слова встречаются и в плане языка. В качестве иллюстрации к сказанному приведем пример Д. Лича: если ситуация общения требует от коммуникантов некоторой информации, не нуждающейся в каком-либо уточнении, в ней реализуется ЛСВ многозначного слова или широкозначная лексема – *He cast a stone at the policemen.* – Он **бросил** камень в полицейских. В ситуации, требующей конкретизации характера действия либо описываемой говорящим в ином стилистическом регистре (разговорный, а не официальный стиль), используется ЛСВ узкозначного слова или моносемантическая лексема: *He chucked a*

stone at the cops. – Он запустил камнем в фараонов. [Лич, 1983, с. 123].

Оппозиция «точность :: приближительность» не имеет четкой демаркационной линии между своими противочленами. Исследователи отмечают разнообразные факторы, вызывающие к реализации в речи единицы с разной степенью точности / приближительности. Т.М. Пристинская указывает на существование объективных и субъективных факторов. К объективным она относит ряд событий и свойств действительности, которые могут проявляться с разной мерой, иметь усиленную / ослабленную степень интенсивности и могут поддаваться или не поддаваться точной номинации. Субъективный фактор складывается из коммуникативной компетенции говорящих (точность / неточность знаний, уверенность / неуверенность в достоверности передаваемой информации, стремление скрыть точную информацию и, наоборот, «выложить» ее целиком из эмоционального фона ситуации общения [Пристинская, 1988, с. 159].

Таким образом, может быть выстроена некоторая шкала, градуировка которой зависит от степени точности / приближительности номинации. Заметим, что эта степень коррелирует с глубиной смыслового объема лексем и *широтой / узостью* десигната языкового знака (в нашем случае – глагольного слова). Два последних параметра предполагают 1) наличие в смысловом содержании лексических единиц только обобщенных номинаций процесса, субъекта и/или объекта действия / состояния (и тогда речь идет о *широте* десигната); 2) присутствие или значимое отсутствие в семантике лексической глагольной единицы конкретизованных семантических компонентов образа действия или состояния, манеры, инструмента, эмотивных сем, сем различных типов оценки, имплицитно выраженное указание на наличие / отсутствие регистра применения того или иного лексико-семантического варианта лексемы (в этом случае говорят об *узости* десигната).

Корреляция глубины семантического объема лексем, точности / приближительности номинации и широты / узости десигната лексических единиц позволяет утверждать, что лексическая единица способна обладать

разной *степенью информативной насыщенности*. В этой связи важно обратить внимание на тот факт, что лингвистическим основанием для реализации информативной насыщенности является, прежде всего, глагольная номинация. Лексическое значение глагола оказалось смысловой сущностью, которая обладает уникальной способностью к накоплению, хранению и изменению семантических элементов, номинирующих действия, состояния, события и процессы.

На большую, по сравнению с другими частями речи, номинативную и синтагматическую ценность глагола указывал еще Вильгельм фон Гумбольдт: «Все остальные слова предложения подобны мертвому материалу, ждущему своего соединения, и лишь глагол является связующим звеном, содержащим в себе и распространяющим жизнь» [Гумбольдт, 1982, с. 199]. Эта метафорически выраженная идея поддержана всеми последующими поколениями языковедов: глагол признается «единственно возможным центром предложения» («ядром предложения») [Сильницкий, 1966; Чейф, 1975], коммуникативным центром высказывания – «вербальным узлом», держащим всю структуру [Tesnière, 1982], «макетом будущего предложения» [Кацнельсон, 1972, с. 83].

Номинативно-синтагматическая ценность глагола заключается в том, что его категориальное значение как части речи «отображает темпорально-динамический аспект объективной действительности, проявляющейся в различных последовательностях изменений, происходящих в той или иной сфере реального мира» [Сильницкий, 1986, с. 6].

И.В. Сентенберг отмечает ряд свойств, заложенных в значение глагола и способствующих успешному отображению темпорально-динамической картины мира: во-первых, это потенция к обобщенному обозначению ситуации и хранению сложного понятия о процессуальном признаке в его отношении к субстанции и другим признакам; во-вторых, – способность к сочетанию со словами, обозначающими субстанцию и признаки [Сентенберг, 1984, с. 16].

Лексическое значение глагола обладает высокой степенью вариативности при передаче информации о протекании, характере и направлении процесса. Оно может вбирать в себя как

самые абстрактные сведения о процессе (глаголы бытия и обладания), так и гиперконкретные признаки процесса. Последним свойством как раз обладают информативно-насыщенные глаголы-ситуации, являющиеся объектом нашего анализа. Дальнейшие исследования категорий точности – приблизительности, степени информативной насыщенности и их корреляции со шкалой неоднозначности, постулированной Ю. Д. Апресяном, позволили выявить базовый корпус глагольных лексем, отвечающих за точность портретирования процесса (действия или состояния). Такими лексическими единицами оказались олигосеманты – глаголы, относящиеся к категории малозначности (олигосемии), глубина семантического объема которых практически совпадает с магическим числом Миллера, а семантическая структура отличается четкой картинной фокусировкой номинируемого действия / состояния [Олянич, 1988].

Точное / приблизительное портретирование действия или состояния (процесса) на смысловом уровне приводит нас к предположению о реализации в языке весьма важной его функции – **презентационной**, сводящейся к когнитивному освоению той информации, которая стала доступной индивиду, и которую он собирается использовать в ответственных (коммуникативных) целях. В научный оборот, таким образом, вовлекается новое понятие – понятие **презентемы** – особой дискурсивной единицы.

Под презентемой предлагается понимать *мельчайшую информационную единицу воздействия, представляющую собой сложный лингвосемиотический (знаковый) комплекс, состоящий из когнитивно освоенных субъектом образов окружающего мира и переданный другому субъекту в ходе коммуникации с данным субъектом с целью воздействия на него. Процесс коммуникации может быть представлен в виде разворачивающейся во времени и в пространстве последовательности презентем как сугубо семиотически (тактильно – визуально), так и дискурсивно (преимущественно вербально).* В рамках предлагаемой презентационной теории речи (дискурса) презентема занимает центральное место и может быть обнаружена в любом виде и типе дискурса. Разумеется,

выделяемую единицу прежде всего следует считать эпистемологической единицей – инструментом лингвистического описания.

Естественным образом встает вопрос о предельности / непредельности и о воспроизводимости / невозможности выделяемой единицы дискурса. Поскольку под презентемой понимается единица воздействия, ее законченность может измеряться самим результатом воздействия – реакцией возбудимого – и убежденностью воздействующего в том, что цель его воздействия достигнута (удовлетворение интенции воздействия). Специфика презентемы как комплексного знака состоит в его триадном характере: с одной стороны, это лингвистический знак или совокупность лингвистических знаков; с другой же – это коммуникативная единица, реализующая в речи (дискурсе) заложенную в нее информацию, когнитивно освоенную коммуникантом, ее передающим; третья сторона этого лингвосемиотического и коммуникативно-информационного образования – интенция воздействующего коммуниканта. Цельность презентемы как предельного и воспроизводимого в дискурсе сложного комплекса знаков разного качества определяется как раз наличием этой, онтологически важной для его существования, природы.

Полагая, что презентема – это прежде всего комплексный знак, базовым принципом ее выделения нам представляется именно *лингвосемиотический принцип*. Лингвосемиотический подход к выделению презентемы как эпистемологической единицы позволяет выявить группы образов, знаков и символов, находящихся между собой в определенных отношениях и соположенных друг с другом. Разные конфигурации самих знаков и разные связи между ними дают возможность типологизации.

Презентема представляется нам тем образованием, которое оказывается в центре пересечения сфер существования Homo Sapiens – концептосфере, культурно-ценностном пространстве и пространстве информационно-коммуникативном. Она является своеобразным результатом фильтрации когнитивной системой человека окружающей его среды, причем на выходе этого процесса возникает собственно коммуникация. Иначе говоря, пре-

зентема – это концепт плюс его знаковая экспликация, когнитивно освоенные говорящим и коммуникативно-апробируемые в дискурсе.

Человек сначала формирует представление о том, что его окружает, а затем формулирует это представление в вербально-визуальном образе, используя при этом свои языковые (фонологические, семантические, морфологические, синтаксические и прочие) средства. Действуя главным образом подсознательно, он отбирает при этом такие средства, которые максимально могут принести ему выгоду в коммуникации, т.е. способные произвести воздействие. Различные комбинации средств определяют различные типы презентем, и соответственно – разные по силе воздействия коммуникативные типы и жанры дискурса.

Лингвосемиотическая структура презентемы зиждется на концептуальном образе, упакованном в семантике ключевой лексемы, которая, в свою очередь, оказывается базой для процесса дискурсивного развертывания. Так, образ отличника-зубрилы является ядерным в смысловом содержании лексемы из школьного сленга *ботанеть* = *шутл.-ирон.* прилежно учиться, зубрить. – *Во мужик ботанеет – всего Пушкина прочитал!* [Никитина, 2003]. Презентема «интенсивное получение знания» точно портретирует коммуникативную ситуацию ироничной оценки субъекта этой ситуации и дает импульс для ее возможного дальнейшего развития: зубрилы никогда не вызывали одобрения школьного сообщества, поэтому возможно прогнозирование последующих ироничных и неодобренных высказываний, поддерживающих тон дискурса, заданный словоупотреблением, тем более, что другая презентема – презентема «ирония» – также побуждает это словоупотребление к дискурсообразованию.

Целая серия глагольных лексем из молодежного сленга² обладает презентационным потенциалом, определяемым совокупностью (иерархией) следующих презентем:

«знание» → «знание для посвященных» → «знание из иноязычной культуры» → «свой» → «чужой».

К таким лексемам относятся глагольные единицы молодежного компьютерного жаргона:

ангрейдить – обновить что-л., особ. программное обеспечение;

аржить – использовать архиватор в компьютерном деле;

вбануть – проверить программу на вирусы при помощи антивирусной программы;

глючить – работать со сбоями (о компьютере);

гамить – играть в компьютерные игры;

делать – удалять файл командой delete;

думать – играть в компьютерную игру Doom;

хакнуть – взломать компьютерную систему защиты файлов;

кликнуть – нажать на клавишу компьютерной мыши.

Презентационный потенциал семантики этих лексем конструирует для развертываемого на их основе дискурса коммуникативные ситуации погружения в мир, отличный от мира обыденного, мир «посвященных». В основе семантики данных лексем – образ кода, доступного только для посвященного. Это знаки идентификации оппозиции «свои – чужие», при этом сама оппозиция для русскоязычного дискурса оказывается перевернутой: «чужие» – представители русскоязычного социума, «свои» – те, кто понимает англоязычный базовый код.

Концептуальные образы действий, состояний, субъектов состояний и субъектов / объектов действий, упакованные в семантике сленгизмов, расставляемых в дискурсе, реализуют в нем свой презентационный потенциал и точно портретируют его динамику. Потребитель дискурса получает своеобразную сценическую картину, разыгрываемую перед его взором. Эта картина есть не что иное, как совокупность презентем. Молодежный сленг дает прекрасную возможность яркого восприятия этой театрализованной ситуации коммуникации. Так, в сленге сообщества молодых наркоманов широко употребляются следующие глаголы:

балбесить – оказывать наркотическое влияние на кого-л.;

балдеть – принимать наркотики и испытывать их воздействие;

² Глагольные лексемы для анализа отбирались из корпуса толкового словаря молодежного сленга [Никитина, 2003].

бодриться – находиться под воздействием наркотика, возбуждающего нервную систему;

бодяжить – 1) готовить, разводить жидкий наркотик; 2) смешивать анашу с табаком;

втюхать – выгодно продать наркотик; сделать инъекцию наркотика;

дербанить – собирать мак, коноплю;

концентрировать – испытывать дискомфорт, депрессию вследствие отсутствия наркотика, испытывать ломку.

В речи наркоманов получают дискурсивное развертывание такие презентемы, как «оценка состояния» («ощущение наслаждения», «ощущение дискомфорта»), «возбуждение», «изготовление наркотика», «видения в результате приема наркотика». Расставленные в дискурсе лексемы позволяют наблюдателю (клиенту дискурса) наглядно представить себе весь «наркотический театр» – от добычи наркотика (*дербанить*), его приготовления к употреблению (*бодяжить*), продажи (*втюхать*), картины потребления (*балбесить*, *балдеть*, *бодриться*) и картины последствий потребления (*концентрировать*).

Перечисленные презентемы, способствуя развитию специфического дискурса наркоманов, в то же время, оказываются базой для реализации «инодискурса» – дискурса наблюдателя-ненаркомана, негативно оценивающего весь процесс. Код «романтизации» приема наркотиков, обеспечиваемый все той же презентемой «посвященного», легко вскрывается «непосвященным», вследствие чего обнажается негативная оценка приема наркотиков и его последствий, также коннотативно присутствующая в семантике дискурсообразующих глагольных лексем и ощущаемая наблюдателем-ненаркоманом в связи со сниженным характером перечисленных словоупотреблений.

Таким образом, важной дискурсивной характеристикой презентемы следует признать ее двоякую концептуальную ориентированность: с одной стороны, презентема денотативно вводит концепт в дискурсивный оборот, а с другой – оценивает этот концепт, способствуя тем самым программированию самого хода дискурса. Иными словами, образ, погруженный в дискурс, вслед за его оценкой клиентами дискурса, провоцирует развитие коммуникативной

ситуации, порождая коммуникативные реакции, которые, в свою очередь, способствуют дискурсопорождению, а оценочный тип презентемы оказывается своеобразным «движителем» процесса дискурсообразования.

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.

2. Байбурин А.К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Национальные стереотипы поведения. – М.: Наука, 1988. – С. 7–21.

3. Баранов А.Н. Аксиологическая стратегия в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 74–91.

4. Вайнрайх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1970. – Вып. V. – С. 163–249.

5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990. – 269 с.

6. Воркачев С.Г. Этносемантика паремий: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и английском языках // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С. 16–25.

7. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и метод). Монография. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

8. Гак В.Г. Об использовании идеи асимметрии и симметрии в языкознании // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. Материалы IV Всесоюзной конференции по романскому языкознанию. – Калинин. – Калининский гос. ун-т. – 1980. – С. 4–51.

9. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М.: Сов. Писатель, 1988. – 448 с.

10. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию (Серия «Языковеды мира»). – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.

11. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.

12. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: «Перемена», 2002. – 476 с.

13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

14. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение // Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, 1986. – С. 9–86

15. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М.: Изд-во Московского университета, 1969. – 192 с.

16. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. – М.: Высшая школа, 1984. – 119 с.

17. Лич Дж. К теории и практике семантического эксперимента // новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIV: Проблемы и методы лексикографии. – М.: Прогресс, 1983. – С. 108–132.

18. Морева Г.Г. Некоторые закономерности функционирования приблизительных номинаций во французском языке // Единство системного и функционального анализа языковых единиц (из опыта изучения и преподавания иностранных языков). – Материалы межвузовской конференции. – Белгородский пединститут им. М.С. Ольминского. – Белгород, 1988. – С. 128–129.

19. Пристинская Т.М. Выражение значения приблизительности в современном немецком языке // Единство систем-

ного и функционального анализа языковых единиц (из опыта изучения и преподавания иностранных языков). Материалы межвузовской конференции Белгородского пединститута. – Белгород, 1988. – С. 159–162.

20. Никитина Т.Г. Молодежный сленг. Толковый словарь. – М.: Астрель – АСТ, 2003. – 912 с.

21. Олянич А.В. Глагольная олигосемия в современном английском языке (лингвистический статус и семантические характеристики). – Дисс. ... канд. филол. наук. – Орел, 1988. – 280 с.

22. Сахно С.Л. Приблизительное именование в естественном языке // вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 29–36.

23. Сентенберг И.В. Лексическая семантика английского глагола. – Учебное пособие к спецкурсу. – Волгоград, 1984.

24. Сильницкий Г.Г. Семантические классы глаголов в английском языке // Учебное пособие к спецкурсу. – Смоленск, 1986. – 112 с.

25. Сиротинина О.Б., Кормилицына М.А. Национальные языковые и индивидуальные речевые картины мира // Дом бытия. Альманах по антропологической лингвистике / Под ред. Борухова Б.Л. и Седова К.Ф. Вып. 2 – Саратов: Изд-во СГПИ, 1995. – С. 15–18.

26. Слобин Д. Психолингвистика // Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. – Общественные науки за рубежом. Философия и социология. – М.: Прогресс, 1976. – С. 19–215.

27. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

28. Стернин И.А. Общение и культура // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Арго, 1996. – С. 13–21.

29. Чейф У.Л. Значение и структура языка (серия «Языковеды мира»). – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.

30. Шейгал Е.И., Олянич А.В. Типы семантических перегруппировок при переводе информативно-насыщенных глаголов // Переводческие аспекты сопоставительных исследований. – Пермь, 1988. С. 45–55.

31. Gove P.B. Problems of Defining. – In: Shera J.H. et al. Information Systems in Documentation. – 1987. – N.Y. – P. 3–14.

32. Miller G.A. Language and Communication. – N.Y., 1951.

33. Tesnière L. Elements de Syntaxe Structurale. – Paris, 1982.

34. Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. – Berlin – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

1. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika: sinonimicheskie sredstva yazyka. – М.: Nauka, 1974. – 367 s.

2. Bajburin A.K. Nekotorye voprosy e'tnograficheskogo izucheniya povedeniya // Nacional'nye stereotipy povedeniya. – М.: Nauka, 1988. – С. 7–21.

3. Baranov A.N. Aksiologicheskaya strategiya v strukture yazyka (paremiologiya i leksika) // Voprosy yazykoznanija. – 1989. – № 3. – С. 74–91.

4. Vajnrax U. O semanticheskoy strukture yazyka // Novoe v lingvistike. – М.: Progress, 1970. – Vyp. V. – С. 163–249.

5. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Yazyk i kul'tura. М.: Russkij yazyk, 1990. – 269 s.

6. Vorkachev S.G. E'tnosemantika paremij: сопоставитель'nyj analiz metaforizirovannyx pokazatelej

bezrazlichiya v russkom i anglijskom yazykax // Yazykovaya lichnost': kul'turnye koncepty. – Volgograd-Arxangel'sk: Peremena, 1996. – С. 16–25.

7. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya (teoriya i metod). Monografiya. – М.: Izd-vo RUDN, 1997. – 331 s.

8. Gak V.G. Ob ispol'zovanii idei asimmetrii i simmetrii v yazykoznanii // Leksicheskaya i grammaticeskaya semantiki romanskix yazykov. Materialy IV Vsesoyuznoj konferencii po romanskomu yazykoznaniju. – Kalinin. – Kalininskij gos. un-t. – 1980. – С. 4–51.

9. Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira. – М.: Sov. Pisatel', 1988. – 448 s.

10. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniju (Seriya «Yazykovedy mira»). – М.: Progress, 1984. – 398 s.

11. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoj kul'tury. – М.: Progress, 1985. – 450 s.

12. Karasik V.I. Yazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd: «Peremena», 2002. – 476 s.

13. Karaulov N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. – М.: Nauka, 1987. – 262 s.

14. Kacnel'son S.D. Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie // Kacnel'son S.D. Obshhee i tipologicheskoe yazykoznanie. – L.: Nauka, 1986. – С. 9–86

15. Komlev N.G. Komponenty soderzhatel'noj struktury slova. – М.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1969. – 192 s.

16. Litvin F.A. Mnogoznachnost' slova v yazyke i rechi. – М.: Vysshaya shkola, 1984. – 119 s.

17. Lich Dzh. K teorii i praktike semanticheskogo e'ksperimenta // novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Vyp. XIV: Problemy i metody leksikografii. – М.: Progress, 1983. – С. 108–132.

18. Moreva G.G. Nekotorye zakonomernosti funkcionirovaniya priblizitel'nyx nominacij vo francuzskom yazyke // Edinstvo sistemnogo i funkcional'nogo analiza yazykovyx edinic (iz opyta izucheniya i prepodavaniya inostrannyx yazykov). – Materialy mezhvuzovskoj konferencii. – Belgorodskij pedinstitut im. M.S. Ol'minskogo. – Belgorod, 1988. – С. 128–129.

19. Pristin'skaya T.M. Vyrazhenie znacheniya priblizitel'nosti v sovremennom nemeckom yazyke // Edinstvo sistemnogo i funkcional'nogo analiza yazykovyx edinic (iz opyta izucheniya i prepodavaniya inostrannyx yazykov). Materialy mezhvuzovskoj konferencii Belgorodskogo pedinstitut. – Belgorod, 1988. – С. 159–162.

20. Nikitina T.G. Molodezhnyj sleng. Tolkovij slovar'. – М.: Astrel' – АСТ, 2003. – 912 с.

21. Olyanich A.V. Glagol'naya oligosemiya v sovremennom anglijskom yazyke (lingvisticheskij status i semanticheskie karakteristiki). – Diss. ... kand. filol. nauk. – Орел, 1988. – 280 с.

22. Saxno S.L. Priblizitel'noe imenovanie v estestvennom yazyke // voprosy yazykoznanija. – 1983. – № 6. – С. 29–36.

23. Sentenberg I.V. Leksicheskaya semantika anglijskogo glagola. – Учебное пособие к спецкурсу. – Волгоград, 1984.

24. Sil'nickij G.G. Semanticheskie klassy glagolov v anglijskom yazyke // Учебное пособие к спецкурсу. – Смоленск, 1986. – 112 с.

25. Sirotnina O.B., Kormilicyna M.A. Nacional'nye yazykovye i individual'nye rechevye kartiny mira // Dom bytiya. Al'manax po antropologicheskoy lingvistike / Pod red. Boruxova B.L. i Sedova K.F. Vyp. 2 – Saratov: Izd-vo SGPI, 1995. – С. 15–18.

26. Slobin D. Psixolingvistika // Slobin D., Grin Dzh. Psixolingvistika. – Obshhestvennye nauki zav rubezhom. Filosofiya i sociologiya. – M.: Progress, 1976. – S. 19–215.
27. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya. – M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. – 824 s.
28. Stermin I.A. Obshhenie i kul'tura // Russkaya razgovornaya rech' kak yavlenie gorodskoj kul'tury. – Ekaterinburg: Argo, 1996. – S. 13–21.
29. Chejf U.L. Znachenie i struktura yazyka (seriya «Yazykovedy mira»). – M.: Progress, 1975. – 432 s.
30. Shejgal E.I., Olyanich A.V. Tipy semanticheskix peregrupirovok pri perevode informativno-nasyshhennyx glagolov // Perevodcheskie aspekty сопоставitel'nyx issledovanij. – Perm', 1988. S. 45–55.
31. Gove P.B. Problems of Defining. – In: Shera J.H. et al. Information Systems in Documentation. – 1987. – N.Y. – P. 3–14.
32. Miller G.A. Language and Communication. – N.Y., 1951.
33. Tesniere L. Elements de Syntaxe Structurale. – Paris, 1982.
34. Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. – Berlin – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

UDC 81

PRESENTEM IN THE LEXICAL-SEMANTIC STRUCTURE OF A VERB AS A WAY TO DISCOURSE FORMATION AND DISCOURSE UNFOLDING

**(On The Basis Of Verbal Signs
in Russian Youth Slang)**

Olyanich Andrey Vladimirovich,

Head of Foreign Languages Department,
Volgograd State Agricultural University,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd, Russia,
E-mail: aolyanitch@mail.ru

Annotation

The article discusses the lexical-semantic phenomenon of informative linguistic lexical units (verb) in terms of their participation in the processes of discourse formation and discourse unfolding, especially in part where the discourse demonstrates its presentation abilities in relation to the accumulation of information through the discursive formation of special units – presentems. Discussed is the conceptual twofold focus which is, that presentem as a sign denotatively introducing the concept of a discursive turn, and as an entity, to evaluate this concept, thereby programming the very course of discourse.

Key words:

verb, discourse, sign, informative saturation, concept, cumulative, presentem.

УДК 316.6

СИНХРОННЫЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭПИСТЕМ М. ФУКО

Мелешина Светлана Николаевна,

Уральский Финансово-Юридический Институт,
кафедра философии,
кандидат философских наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

В статье анализируется эвристический смысл предложенной М. Фуко концепции эпистем, которые автор именует синхронные мыслительные программы, исторически сменявших друг друга в истории западноевропейской философии познания Нового времени.

Ключевые слова:

эпистемология, мыслительные программы, археология знания, философия познания.

Процесс постепенной «децентрализации» человека в мире, уходящий своими корнями в XVI век, получил сегодня новый импульс: поиск универсальных критериев точности, строгости, научности гуманитарного и социального знания. Острота поиска метода для гуманитарных наук ничуть не меньше, чем во времена Р. Декарта и И. Канта [1].

Переосмысление традиционных проблем, таких как смысл жизни, переплетение отдельной человеческой судьбы с социальной историей, возможность определения границ, критериев познания действительности, как природной, так и социальной является «меткой» современной эпохи. М. Фуко исследует те исторически изменяющиеся структуры (по его выражению, «исторические априори»), которые определяют условия возможности теорий или даже наук

в каждый исторический период, и называет их «эпистемами».

М. Фуко противопоставляет «археологию», которая вычленяет эти структуры, эти эпистемы, историческому знанию кумулятивистского типа, которое описывает те или иные мнения, не учитывая условий их возможности. Речь идет о двух мыслительных программах – рефлексии и понимании, которым присуща одна и та же трудность.

Дело в том, что они абстрагируются, как бы полностью отбрасывают историческое видение проблем мышления. Для них способность относиться к миру (отражая или творя, производя его) всегда одна и та же (по крайней мере, в принципе), она не зависит от определенного состояния культуры. Для рефлексивной традиции это утверждение совершенно оче-

видно: ведь субъект всегда видит и исследует один и тот же объект – природу, которая, будучи реальностью, независимой от него, по сути одна и та же. Если объектом анализа становится само мышление, то историзм в его анализе присутствует, но какой историзм? Мышление может различаться только по своей способности правильно отражать мир, следовательно, оно со временем может только накапливать эту способность, отбрасывать ложное в сознании, все более приближаться к правильному восприятию мира, к абсолютной истине. Разница лишь в количестве, в степени. Для традиции понимания историзм вроде бы ближе. Человек строит свою концепцию мира в контексте определенных социальных связей, включаясь в определенные коммуникативные процессы (исторические по существу). Но идя по пути такого рассмотрения, мы тоже не ставим перед собой специальной задачи – обнаружить эпистемологические отложения, онтологические основания, самой культурой не принятые и не понятые, в рамках которых она живет, познает, вообще относится к миру. Мы можем двигаться лишь вслед за культурой прошлого, воспроизводя её смыслы, цели, ценности, установки, сравнивая их со своими, но не исследуя их, не определяя их научным образом.

И вот та мыслительная программа, которую мы назвали синхронной, а М. Фуко определяет как археологию знания или археологию гуманитарных наук, как раз и пытается заполнить эту брешь. Она в определенном смысле снимает противоположность рефлексии и понимания в обращении к истории мыслительных структур.

Цель его исследования – «выяснить, исходя из чего стали возможными познания и теории, в соответствии с каким пространством порядка конституировалось знание; на основе какого исторического аргумента и в стихии какой позитивности идеи могли появиться, науки – сложиться, опыт – получить отражение в философских системах, рациональности – сформироваться, а затем, возможно, вскоре распасться и исчезнуть» [2, с. 39]. Говоря иначе, в таком исследовании рассматриваются не критерии

рациональной ценности или объективности форм знания, а только условия их возможности, те мыслительные структуры, которые являются незримыми условиями существования всяких теорий, всякого отношения к миру.

Уже исходя из этих соображений можно утверждать, что археология знания должна выявить в истории общества определенные и относительно замкнутые периоды, в рамках которых существовало то или иное видение мира, тот или иной тип рациональности. М. Фуко, исследуя отрезок западной культуры с XVI по XX век, видит в её эпистеме два разрыва – около середины XVII в. – начало классической эпохи, и в начале XIX в. – порог нашей современности. Таким образом, он выделяет три этапа: XVI – середина XVII в.; середина XVII – начало XIX в.; начало XIX в. – наши дни. Некоторые исследователи нашего времени указывают на тот факт, что в наше время, начинается новый разрыв, складывается следующий этап, который будет определять своеобразие западной культуры в ближайшем будущем.

Попробуем проанализировать, с одной стороны, синхронную мыслительную программу, как логическую программу реконструкции форм и особенностей мышления, а, с другой, исследовать логическую структуру определённых мыслительных форм (в рамках указанных периодов) в том виде, в каком она представлена эпистемологией.

Но сразу возникает вопрос: какие условия, предпосылки анализа реальности на каждом историческом этапе необходимо рассматривать? Речь должна идти о природе связывания или об истории сходства, тождества, отношения, а именно о том, как человек (каждый человек) мыслит себе координацию обнаруживаемых явлений, представленность одного в другом, соотносимость и соподчиненность явлений мира. Мы должны обнаружить, исходя из какой исторической обусловленности удалось определить главное поле различных тождеств, которое устанавливается на запутанном фоне различий.

Конструктивную роль в знании в рамках западной культуры вплоть до конца XVI века

играла категория сходства. Существуют 4 основные фигуры сходства в XVI веке.

Пригнанность – здесь больше подчёркивается не подобие вещей, а их сходство. Но в этом соседстве всё же обнаруживается именно сходство, причём двояким образом: а) как сходство в пространстве; б) как образование новых общих свойств из контакта между вещами (даже взаимовлияние души и тела воспринималось как результат их пространственной близости).

Соперничество – это соответствие свободно от ограничений, налагаемых местом, оно неподвижно и существует на удалении. Соперничество есть сравнение одного с другим, естественное удвоение вещей, зеркальное отражение одной вещи в другой.

Аналогия – здесь совмещаются пригнанность и соперничество, более тонкие сходства отношений вещей.

Действие симпатий, которое обладает опасным свойством уподобления вещей, их отождествления, лишения индивидуальности. Симпатия не существует без антипатии, иначе мир был бы унылым абсолютным тождеством. Действия симпатии и антипатии как бы оживляют мир, делают его подвижным, но в то же время и загадочным.

Три первые типа сходства разъясняются четвертым: «Весь объем мира, все соседства пригнанности, все переключки соперничества, все сцепления аналогии поддерживаются, сохраняются и удваиваются этим пространством симпатии и антипатии, которое неустанно сближает вещи и вместе с тем удерживает их на определённом расстоянии друг от друга. Посредством этой игры мир существует в тождестве с самим собою; сходные вещи продолжают быть тем, чем они являются, а вместе с тем и похожими друг на друга. То же самое остаётся тем же самым и замкнутым на себе» [2, с. 71].

Здесь образуется нечто вроде круга: одно отношение подобия требует своего разъяснения в другом или других. Но этот круг не замкнут. Сходства требуют приметы, без неё они просто не были бы замеченными. Эта примета или метка есть знак сходства (подобия). Весь мир оказывается как бы замкнутым внутри себя и связанным, но эта связь всё время оказывается

связью в другом: метка только что-то говорит нам о мире, но она сама всё время ускользает от нас, требуя метки и для себя самой. Вопрос познания вставал следующим образом: как узнать, что знак и вправду указывает на то, что он означает? Ответ на этот вопрос уходил в бесконечность.

Для XVI в. особенность знания состоит, таким образом, не в том, чтобы наблюдать, описывать и доказывать, а в том, чтобы истолковывать. Это фундаментальное представление определяет все стороны отношения человека к миру и к самому себе. Если учёный намерен написать историю какого-либо растения или животного, то он должен рассказать не только о его элементах или органах, но и о сходствах, которые можно у него найти; достоинствах, которые ему приписывают; легендах и историях, в которых оно участвовало; гербах, в которых оно фигурирует; лекарствах, которые изготовляют с примесью его компонентов; пище, которую оно доставляет; о том, что сообщают о нём древние авторы; о том, что могут о нём сказать путешественники и т. д. Чем более исчерпывающим будет такой список, тем добротнее и полнее будет труд автора (хотя уже приведённое перечисление показывает нам, что полное знание невозможно, знание это бесконечно и неисчерпаемо). История какого-то живого существа или растения для XVI в. – это само существо, взятое внутри всей семантической сети (то есть сети смыслов), которая связывает его с миром.

И здесь не случайно речь идёт именно об истории. История, а не какое-нибудь другое позитивное знание призвано расшифровать смысл бытия, обнаружить в текстах, рассказах ту метку, которая указывала бы на смысл. «До середины XVII века задачей историка было установление обширного собрания документов и знаков – всего того, что могло оставить в мире как бы метку. Именно историк обязан был заставить заговорить все заброшенные слова» [2, с. 191]. Отсюда такой интерес к древним книгам, отсюда бесконечное составление однообразных реестров.

Простое сложение – единственно возможная форма связи элементов знания в XVI в., там

ещё нет представления о структурах, системах, внутренних закономерностях, принципах и проч. Обнаружение метки, фиксация сходства или подобия и каталогизация всех возможных меток, сходств и подобий – вот, что такое знание XVI века. На постулате общего и универсального подобия (везде есть метка подобия) основаны гадание (как вполне приемлемая и имеющая право на существование форма знания), магия, медицина (изготовление лекарств из всяких нелепых на наш взгляд составов, прodelьвание «диких» манипуляций над больным – всё это результат наблюдения аналогий и веры в подобия), алхимия и астрология. Все явления и отношения, входящие в круг знания и понимания, представляются как вещи. Наблюдая за вещами мира, человек как раз и обнаруживает всё многообразие сходств, подобий и примет.

Даже язык в XVI веке изучался как вещь, принадлежащая природе. Вещи сами по себе есть язык мира, скрывающий и обнаруживающий свою загадочность. Историк расшифровывает этот язык. Смысл слов живого языка не значим для этого историка, его интересуют качества, заложенные в самих словах и буквах и сходные с признаками вещей в мире.

Итак, это и есть фундаментальные основания мышления XVI – начала XVII вв., условия знания и понимания того времени. Эти основания заключаются в определении сходств и меток (знаков), вере в необходимость разгадывания тайн мира на основе бесконечно игры подобий, расшифровке языка аналогий, симпатий и антипатий.

К середине XVII века формируются новые фундаментальные основания мышления в рамках западной культуры. «Подобное, долгое время бывшее фундаментальной категорией знания – одновременно и формой, и содержанием познания, – распадается в ходе анализа, осуществляемого в понятиях тождества и различия; кроме того либо косвенно через посредство измерения, либо прямо и как бы непосредственно сравнение соотносится с порядком; наконец, сравнение больше не предназначено выявлять упорядоченность мира; отныне оно осуществляется согласно порядку мышления, двигаясь естественным образом

от простого к сложному. Благодаря этому вся эпистема западной культуры изменяется в своих существенных характеристиках» [2, с. 103]. Сравнение теперь, изменяясь, осуществляется двояким образом: 1) как измерение, через соотнесение с третьим, мерой; 2) как порядок – выявление подобия, простейших элементов.. Вся деятельность ума «... теперь состоит не в том, чтобы сближать вещи между собой, занимаясь поиском всего того, что может быть в них обнаружено в плане родства, взаимного притяжения или же скрытым образом разделённой природы, а, напротив, в том, чтобы различать: то есть устанавливать тождества, затем необходимость перехода ко всем степеням удаления от них» [2, с. 105]. Вместо прежней всеохватывающей системы соответствий (земля и небо, микрокосм и макрокосм), бесконечной игры подобий, возникает анализирующее знание, становится возможным полное перечисление – это точное познание тождеств и различий. Отношение к порядку в такой же мере существенно для новой эпохи, как для старой – отношение к истолкованию. Этот переход от старого к новому есть переход от Возрождения к Классицизму или, другими словами, к Новому времени.

Здесь у исследователя возникает естественный вопрос: каковы обстоятельства и причины этого перехода? Он будет искать эти обстоятельства и причины в возникновении нового способа производства, важнейших политических событиях того времени, смене культурных (эстетических, религиозных) ориентации, влиянии других культур. Обнаружение этих причин не входит в задачи описываемой нами логической программы, не является делом археологии знания, но здесь нам важно уяснить следующее: гипотезы и теоретические концепции, не учитывающие тип или форму сознания человека прошлых эпох или, проще говоря, его отношения к миру, сами построены на весьма непрочных основаниях, обречены всё время искажать деятельность людей прошлого своим отношением к ней, своей, а не их интерпретацией целей, мотивов и причин этой деятельности.

Изменения в эпистеме западной культуры мы рассмотрим в трёх важных отношениях – отношении к языку, естественной истории (то есть

к природе) и теории богатства (важнейшему обстоятельству отношения человека к самому себе через отношение к своему хозяйству).

Но прежде, чем начать последовательный разбор этих отношений, ещё несколько слов об основах мышления классической эпохи. Мы уже отмечали, что истолкование заменяется порядком. Но само отношение к порядку предстаёт здесь как система знаков. Знак, обозначение предмета – важный элемент мышления и прошлой, и новой эпох. Но разница между этими двумя пониманиями знака весьма существенна. «В классическую эпоху использование знаков означает не попытку, как в предшествующие века, найти за ними некий изначальный текст раз произнесённой и постоянно повторяемой речи, а попытку раскрыть произвольный знак, который санкционировал бы развёртывание природы в её пространстве, опорные термины её анализа и законы её построения. Знание не должно больше заниматься раскопками древнего Слова в тех неизвестных местах, где оно может скрываться; теперь оно должно изготавливать язык, который, чтобы быть добротным, то есть анализирующим и комбинирующим, должен быть действительно языком исчислений» [2, с. 113].

Главные изменения в понимании природы языка, происшедшие в XVII–XVIII вв., связаны с упразднением понимания слова как некоей метки мира, которую нужно разгадывать. Слово становится простым знаком, обозначением предмета. Поэтому язык оказывается анализом мысли. Мысль сама представлялась как бы неупорядоченной, произвольно располагающейся в логическом пространстве. Язык уже потому анализирует представления, что он с необходимостью предполагает строго последовательный порядок: звуки могут артикулироваться лишь поодиночке, а язык не может представлять мысль сразу в её целостности, он представляет её согласно определённым правилам самого языка. Именно поэтому наука о языке того времени – Всеобщая грамматика приобрела такое значение для философии: она была формой науки, логикой, не контролируемой умом, первым рациональным анализом мышления, первым разрывом с непосредственным.

Предметом Всеобщей грамматики были, прежде всего, 4 формы критики: 1) критика слов – цель её, – создание полностью аналитического языка, всем однозначно понятного и чётко обозначающего то, что имеется в представлении; 2) критика грамматики, т.е. выявление правильного строя языка, порядка слов, склонения, времён; 3) риторики – фигур и тропов, части и целого, существенного и несущественного, самой вещи и её аналогов; 4) собственно критика языка.

Найти подходящее слово, такое, чтобы, будучи результатом соглашения, было понято всеми, причём понято однозначно – вот идеал XVII–XVIII вв. Классицизм снимает проблему истолкования, он не видит, что многосмысленность слов, невозможность их одинакового толкования всеми соответствует природе самого мышления. Поэтому классицизм занят очищением естественных языков от присущей им двусмысленности и созданием искусственных языков, которые были бы лишены недостатков, присущих естественным языкам.

Такое понимание языка как знака, обозначающего представление, располагающего их в определённой последовательности согласно логике самого языка, а значит и мышления, приводит к ещё одному важному обстоятельству – существенному изменению в понимании природы времени. Время для языка является его внутренним способом анализа, а не местом его рождения. Связи между языками и внутри отдельных языков устанавливаются только согласно тождеству структур, но не согласно общности происхождения. Исторические ряды, которые существовали в XVI веке и вновь возникнут в XIX, замещены типологиями порядка. Ищется тождество в порядке слов в предложении, в составе времён, склонений, т.е. в структуре или порядке самого языка. На основе такого сравнительного анализа признана связь французского, английского и испанского языков, а вот связь французского и итальянского с латынью отрицается. По мнению грамматистов XVII–XVIII вв., языки развиваются под действием миграций, военных побед и поражений, мод, обменов, но отнюдь не в силу историчности, которую они

несут в себе. Они не подчиняются никакому внутреннему принципу развёртывания. Если для языков и признаётся какое-то достоверное время, то его надо искать не в истории, а в расположении слов, опять же в самих структурах языка. Поэтому Всеобщая грамматика не стремится определить законы всех языков, понять какую-то внутреннюю природу языка вообще, она рассматривает поочерёдно каждый особый язык как определённый и индивидуализированный способ сочленения мысли с самой собой. Языки могут сравниваться, но не для того, чтобы лучше понять, что такое язык вообще, а для того, чтобы определить, какой язык лучше справляется с функцией языка – приписывать имя вещам и именовать этим именем их бытие.

По нашим предположениям, те обстоятельства, которые определяют функционирование языка в культуре XVII–XVIII вв. и отношение к нему, должны проявиться и в других областях, в частности, в способе «видения» человеком природы.

Для XVI в. история живого существа есть совокупность всех тех смыслов, которые связаны со словом, обозначающим это живое существо. Но в XVII–XVIII вв. игра смыслами уходит в прошлое. Начинают рассматриваться, исследоваться сами наблюдаемые тела, а не аналогии или аллегории.

Обычно природные тела делились на три класса: минералы, у которых признавали рост, но не признавали ни движения, ни способности к ощущениям; растения, которые могут расти и способны к ощущению; животные, которые самопроизвольно перемещаются.

Что означало для того времени – исследовать, понять и изучить представителей этих классов естественной истории? Это означало одно: определить порядок или осязаемую структуру, форму связывания представителей этих классов как вещей, имеющих свои размеры, форму. Объектом естественной истории является протяжённость, благодаря которой и образованы природные существа. Эта протяжённость может быть определена 4 переменными и только ими: формой элементов; количеством этих элементов; способом, посредством которого они распределяются в пространстве

по отношению друг к другу и относительной величиной каждого элемента. Цель естественной истории, таким образом, различить все видимые элементы и их связи и назвать их, т. е. именовать видимое. В этом пункте анализ природы смыкается с анализом языка: наблюдать и называть – вот, что надо делать, чтобы быть исследователем, чтобы понимать. И классицизм создаёт возможность такого понимания в учениях о методе и системе. Метод и система различаются. Метод может быть только один. Он возникает на основе определения тождеств внутри одной относительно малой группы. Эта группа описывается полностью. Затем полностью описывается вторая группа (или класс), но без тех признаков, которые есть у первого и т. д. Правда, в силу огромного числа видов, пройти последовательно весь ряд невозможно. Поэтому сходства больших групп (семейств), которые определены заранее, устанавливаются позитивным образом, а на их фоне с помощью метода проводятся различия. Метод, таким образом, выводит признаки посредством исключения; это движение от самых общих тождеств и различий к менее общим.

Систем же может быть много. Система может быть произвольной на всём протяжении своего развёртывания. В ней определяется заданный (интересующий нас и поэтому привилегированный) набор признаков, и относительно этого набора классифицируются все интересующие нас предметы.

Система основана на тождестве признаков, метод же, исходя из тождественного исходного набора, дальше осуществляется через различия. Поэтому он в отличие от системы не замкнут и открыт для самокорректировки.

«Несмотря на эти различия, система и метод построены на одном и том же эпистемологическом основании. Его можно кратко определить, сказав, что познание эмпирических индивидов может быть достигнуто в классическом знании лишь в непрерывной, упорядоченной и обобщающей все возможные различия таблице» [2, с. 208]. Табличная структура, упорядочивание видимых признаков или классификация – вот принцип отношения к миру, принцип понимания, присущий классическому

знанию. Метод и система – это способы определения тождеств через общую сетку различий.

Ещё один важный вопрос, который является следствием из предыдущего изложения – это вопрос об отношении к истории. На языке анализа природы – возможность эволюционизма или трансформизма.

«В классическом мышлении не было и не могло быть даже намёка на эволюционизм и трансформизм, так как время никогда не понималось как принцип развития живых существ в их внутреннем строении, а воспринималось лишь как возможный переворот во внешнем пространстве их обитания» [2, с. 216]. Поэтому развитие природных существ, их история в XVIII веке есть квазиэволюционизм. Последовательность времени для такого мышления есть лишь некая линия, вдоль которой следуют все возможные значения заранее представленных переменных. Эти переменные – живые существа или природные тела, которые не развиваются сами по себе из своих внутренних потенций, а переходят одно в другое. Природа исторична в той степени, в какой она непрерывна и последовательно принимает на себя разные видимые формы. Не случайно поэтому, что и само понятие жизни для классического мышления не существовало (сама проблема жизни не ставилась), существовали только живые существа.

Другой стороной отношения человека к миру является отношение людей друг к другу в процессе их совместного проживания и совместной деятельности. Эта область формирует сферу хозяйственной деятельности человека, сферу его потребностей и его богатств.

XVI в. находился под властью веры в то, что нужность, полезность или ценность для человека той или иной вещи определяется её собственным содержанием, её смыслом. Так ценность золота (как украшения и как денег) заключена в драгоценном веществе, которое оно содержит. Драгоценный металл был драгоценностью как таковой, его затаенный блеск был меткой, указывающей как на его скрытое присутствие, так и на его видимую подпись всех богатств мира. Поэтому золото имело цену, поэтому оно измеряло все цены и, наконец, само было обмениваемо на всё, имевшее цену.

Но вот уже в XVII веке это прочно зафиксированное отношение перевертывается, и, причем, перевертывается в том же самом смысле и в том же самом отношении, что и представление о языке и о природе. Деньги (вплоть до металла, из которого они изготовлены – золота) получают свою ценность благодаря чистой функции знака. Ценность вещей не проистекает больше от металла, она устанавливается сама собой, без соотнесения с деньгами, согласно критериям полезности, удовольствия или редкости. Вещи обретают стоимость благодаря их взаимным отношениям. Деньги лишь представляют богатства, точно так же как признаки представляют живые существа в классификационной таблице.

Но где возникает само богатство, как оно происходит и присваивается человеком? В этом вопросе возникает разногласие между двумя классическими традициями XVII–XVIII вв. – физиократами и меркантилистами. Но за их спорами прослеживается общая мыслительная основа, рассматривающая деньги как условный знак, значение которого изменяются (увеличивается или уменьшается) в процессе обмена.

Из всего сказанного нами о мышлении Нового времени можно сделать вывод о том, что анализ естественной истории, всеобщей грамматики и богатств подчиняются в классической эпистеме единым закономерностям. «Сцепление представлений, непрерывная череда существ, плодородие природы всегда необходимы для того, чтобы имелись язык, естественная история, а также богатства и их практическое движение. Континуум представления и бытия, онтология, негативно определенная как отсутствие небытия, всеобщая представимость бытия, обнаруживающееся в присутствии представления бытие – все это входит в полную конфигурацию классической эпистемы» [1, с. 280].

«Филология, биология и политическая экономия образуются на месте *Всеобщей грамматики, Естественной истории и Анализом богатства*, а там, где эти знания не существовали, в том пространстве, которое они оставляли нетронутым, в глубине той впадины, которая разделяла их основные теоретические сегменты и которую заполнял гул онтологической непре-

рывности. Новое пространство для философии будет освобождаться там, где распадаются объ-екты классического знания» [21, с. 281].

1. Философия Канта и современность. М.: Наука, 1974.

2. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб, 1994. – 486 с.

1. Filosofiya Kanta i sovremennost'. M.: Nauka, 1974.

2. Fuko M. Slova i veshhi. Arxeologiya gumanitarnyx nauk. SPb, 1994. – 486 s.

UDC 316.6

SYNCHRONOUS THINKING PROGRAMS: HISTORICAL RECONSTRUCTION OF EPISTEMES OF M. FOUCAULT

Meleshina Svetlana Nikolaevna,

Ural Finance and Law Institute,
Department of Philosophy,
Ph.D., Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

The article analyzes the heuristic sense Michel Foucault proposed the concept of episteme, which the author calls the synchronous mental programs historically successive in the history of Western philosophy of knowledge in modern times.

Key words:

epistemology, mental programs, archeology of knowledge, philosophy of knowledge.

УДК 316.6

СОЦИОСЕМИОТИКА М. ФУКО: ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА СОЦИО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Шуталева Анна Владимировна,

кандидат философских наук,
доцент кафедры теории и истории политической науки,
Институт социально-политических наук,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: ashutaleva@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена анализу социо семиотической теории Мишеля Фуко, которая позволяет прояснить феноменальный горизонт в социо-политическом пространстве. Социальная семиотика рассматривается как грамматика отдельной знаковой системы, описывающая область конкретного коммуникативного феномена, управляемого системой значений.

В концепции М. Фуко Власть, используя семиотические техники, маркируя пространство, создает дисциплинированное тело, дисциплинированного человека, дисциплинированное сознание. Средства принуждения выявляют тех, на кого они воздействуют, но проявляют и само место Власти. При этом Власть, функционируя как призывной механизм, притягивает и извлекает как норму, так и отклонения, за которыми неустанно следит. Определенные способы говорения, проговаривания, определенные конструкции знаков и символов, оформляющие социальное пространство, выявляют пространство проявления Власти.

Посредством использования техники знаков, пронизывающей все социальное пространство, Власть экономично и эффективно распространяется по всему телу общества, кодифицирует все возможное поведение, а значит, уменьшает неопределенную область всех возможных поступков. Все человеческие жесты и действия могут быть интерпретированы в качестве смысловых единиц, которые возможно рационально объяснить и систематизировать.

Ключевые слова:

социосемиотика, власть, социо-политическое пространство, средства массовых коммуникаций, языковая игра, технология, стратегия власти.

Для современной российской действительности характерно то, что все социально-политическое пространство рассматривается как постоянно производимое и воспроизводимое совмещение «мест», задающее контекст восприятия и принятия социальных норм в контексте дискурса норма-желание, того «желаемого», которое оформляет саму плоть человека, оставляя на нем свои метки, тем самым,

отводит определенное место в социуме каждому человеку. Поэтому в исследовании общества и его составляющих в качестве семиотических объектов (знаковых систем) предпочтительнее в множестве определений семиотики оказываются те, которые фиксируют ее способность обнаруживать присутствие идеологии в тексте, наличие в нем знаков Власти. Ибо «игра в значения» – это игра с Властью, она пронизывают

все «клеточки» социальной реальности, ставит вопросы и оформляет дискурсы болезни, смерти, сумасшествия, наказания, сексуальности, обретая доступ к телу индивида через обращение к его «душе» оформляет телесность и задает норму самопроявления и самопрезентации индивида в данном социальном контексте. В силу этого, актуальным является исследование социального пространства как результата реализации властных стратегий, которые возможно обнаружить посредством семиотического анализа механизмов и форм манипуляции сознанием, посредством вербальных и визуальных репрезентаций через выявление социального бессознательного в феноменах означивания.

В ряде работ, посвященных М. Фуко, обращается внимание на то, что в его «политической анатомии» социокультурные феномены рассматриваются сквозь призму властных отношений, что позволяет увидеть целостность организации общественно-политической жизни [Зекрист Р.И., 2012; Ильин А.Н., 2011; Меньшиков В.В., 2004]. Согласно М. Фуко, Власть пронизывает все «клеточки» социальной реальности, именно она ставит вопросы и оформляет дискурсы болезни, смерти, сумасшествия, наказания, сексуальности, обретая доступ не только к телу индивида, но к его «душе», оформляя саму плоть человека, оставляя на нем свои метки, тем самым, отводя определенное место в социуме каждому человеку. Это дает возможность осуществления дискурса «знания-власти» в познании тела, особого знания тела, особой технологии захвата, через которую Власть порождает Реальность – Реальность, подчиненную логике Нормы-Желания, проявляющуюся прежде всего через Язык, через оформление особых дискурсивных практик не только говорения, но и самого тела. Поэтому социальное пространство рассматривается прежде всего как результат реализации властных стратегий, кодификации визуальных и вербальных практик, механизмов обозначения социального бессознательного.

М. Фуко под словом «Власть» понимает «прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации... стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действенно-

сти» [Фуко М., 1996, с. 192]. Власть предстает как политическая экономия, формирующая решетку наблюдения – наблюдения за всеми состояниями индивида, она же и предписывает ему правильные действия и места нахождения. М. Фуко отмечает, что при этом Власть функционирует как призывной механизм, притягивая и извлекая те странности, за которыми неустанно следит. Власть преследует удовольствие, но удовольствие распространяется на преследующую его Власть.

Власть, используя семиотические техники, маркируя пространство, создает дисциплинированное тело, дисциплинированное человека, дисциплинированное сознание. Разнообразные средства принуждения, выявляя тех, на кого они воздействуют, проявляют и само место Власти. Власть «закрепляет удовольствие, которое она только что выгнала из его логава» [Фуко М., 1996 с. 144]. Тем самым она, производя норму, оформляет ее за счет не-нормы, поскольку Власть нуждается в ином по отношению к норме. Власть положительно разрешает проблему сосуществования различных способов жизни и мироинтерпретаций, она допускает существование иного – и в этом смысле она толерантна. С латинского языка термин «*tolerantia*» означает «терпение», «терпимость» и является связанным с глаголом «*tolerare*» – «нести», «держатъ», «терпеть». В Античности подчеркивался тот момент, что *tolerantia* – это активное действие, выдержка, и относится более к силам души, нежели тела. Поэтому вопрос о толерантности, начиная с Античности, ставится как тема терпимости – терпимости по отношению к *другому*, принятие *другого*, его инаковости по отношению к себе.

В современном понимании «толерантность» является созвучным термину «плюрализм», который основывается на уважении автономии другого и допущении множества способов его легитимации. В основании «плюрализма» лежит установка, согласно которой на каждый вопрос существует несколько взаимоисключающих и противоборствующих ответов. Из этого положения выводятся правила и способы разумного разрешения теоретико-познавательных конфликтов между различными интерпретациями мира и пути решения практических споров в сферах политики, экономики и религии, ибо термин

толерантность «означает деятельное допущение существования другого даже при наличии возможности оказать то или иное воздействие на это существование» [Хомяков М. Б., 2000 с. 105].

Феномен толерантности как юридическое явление получает нормативное измерение и является признанием существования множества познавательных подходов и множества символических систем в структуре общества, закрепленным на государственном уровне. Но, формируя места, саму пространственность, Власть оформляет «здесь» и «сейчас» повседневной жизни, образуя фокус внимания и видения сознания человека. В языке повседневности, массовой культуры, быта («энкратическом» языке Ролана Барта) мы не замечаем власти в его способности классифицировать и подавлять за счет его расплывчатости и нечеткости, «природности» и всепроникаемости – всему тому, что дает возможность воплощения полей Власть не только в государственных институтах, в формировании закона, но и в формах *социального господства* над той реальностью, которая для каждого человека существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность – реальностью *par excellence, повседневной реальностью*, которая по своей структуре может быть определена как *текстовая*. С латинского языка слово *textum* – переводится как «связь», «ткань», «сплетение». Текст может быть представлен как дискурсивное единство, множественность смысловой структуры которого способствует порождению различных смыслов.

Толкование понятия «текст» предполагает его рассмотрение не только как письменного источника, но как особой знаковой системы, определяющей контекст совместности между людьми, «место», а, значит, оформляющей человека, задавая определенную практику восприятия себя самого в социальном пространстве, – оформляющая социокультурную идентичность. «Место» предстает не только в рамках пространственных характеристик, обладающих определенной метрикой, но как то, что может быть интерпретировано как открытый горизонт, полагающий удвоение, где наблюдатель помещается одновременно и внутри, и вне поля наблюдения, выступая как совместность, собиравание *я-другой*.

Представая как intersубъективный мир, мир, который я разделяю с другими людьми, Власть в повседневности задает определенную практику восприятия другого как тип и такую ситуацию взаимодействия с ним, в которой прочтение меток и следов, оставленных Властью, задает логику со-в-местности, то есть логику некоторого пространства, которое понимается особым образом: Власть вводит человека в однородное, прозрачное пространство, в силу того, что оно наполнено определенными смыслами, символическими по своему характеру проявления, отсылающими к самой Власть. Власть вездесуща, «потому что она производит себя в каждое мгновение в любой точке или, скорее, – в любом отношении от одной точки к другой» [Фуко М., 1996, с. 193]. Она повсюду и отовсюду исходит.

Осознание «внешней реальности» требует от человека убедиться в собственной замкнутости, в том, чтобы эта замкнутость длилась, несмотря на то, что узнается замкнутость уже разрушенная. Фигура *другого* предстает как способ присутствия в мире *я*, как горизонт и его желаний, и его тела. Рефлексия относительно себя вызывается, в первую очередь тем или иным отношением другого человека, и является «зеркальной» реакцией по отношению ко мне этого другого, диалогом, процессом со-творчества – совместного творения самих себя в мире общения. Субъекты диалога находятся в ситуации взаимопроникновения, но через *другого я* проникает в себя – это ситуация двух наведенных друг на друга зеркал (М. М. Бахтин): познание другого ведет за собой познание себя и, наоборот, в себе мы видим другого. *Я* выступает как *я-другой*, как диалог себя и другого. Само творение может быть только творением *другого*, письмом, которое не определено системой общественных отношений как судьба, анатомия, как застывший текст с неизменяемыми смыслами: *я* само является как воплощение *другого*, текстов, мнимая субъективность и недостижимая завершенность.

Феноменальный горизонт структуры *я-другой* предполагает его рассмотрение в контексте раскрытия понятия субъектность, которое, не отсылая к субъект-объектному отношению классических интерпретаций, но предполагает выявление «субъективности» в контексте гносеологических оценок: субъектность интерпре-

тируется как особое отношение индивида к самому себе, представляющее как единство личности и индивидуальности, как результат интеграции ценностно-смысловой сферы человека.

Нет ничего существующего вне текста (Р. Барт), сам *мир* предстает как текст. Власть аккумулируется в наитончайших механизмах социального обмена, подчиненных языковой деятельности, ибо сама языковая деятельность, являясь объектом, в котором от начала времен осуществляется Власть, как отмечает Р. Барт, подобна законодательной деятельности, где язык является ее кодом [Барт Р., 1994, с. 548]. Язык проявляется как топос Власти, ибо как только «переходит в акт говорения, он немедленно оказывается на службе у власти. В нем с неотвратимостью возникают два полюса: полюс авторитарного утверждения и полюс стадной тяги к повторению» [Барт Р., 1994, с. 549]. Господствует состояние «лицом-к-лицу», ситуация близости, единство взаимодействия, где каждый участник рассматривается в контексте «считываемой» позиции, где «действия, как и книги, являются произведениями, открытыми множеству читателей» [Рикёр П., 1995, с. 18]. Осуществляя универсальный контроль, Власть постоянно разделяет индивидов по принципу «нормальное и ненормальное». Существенным в определении социальной нормы является то, что они представляют собой повторяющиеся и устойчивые общественные связи, в которых фиксируется потребность социальных систем в саморегуляции процесса деятельности людей по обмену материальными и духовными благами.

Норма относится не только к проявлению в сфере общественного, она контролирует и сферу интимного, она не только отмечает, она же и диктует, задавая контекст проявления и говорения, тем самым она определяет онтологические основания структуры *я-другой*, возможность осуществления человека в обществе. Захватывая сознание человека на уровне семантики, на уровне языка, Власть определяет границы его мира ибо «Границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн Л., 1994, с. 56]. Знаки Власти надписываются на теле человека, на теле его сознания, на теле его Желания, задавая норму через простроенный определенным образом дискурс, скрывая свою власть, но, вместе с тем,

входя в глубинный слой человеческой психики. Через конфигурации и позиции тел, подчиняющихся технологии размещения, удваивающей пространство, создается мир Симуляции, прозрачный мир, который полностью выражает властные тактики и стратегии.

Человек, подчиненный власти желания, теряет само реальное. Гиперреальность – это мир абсолютной, идеальной подделки, мир, в котором технология делает «реальность» лучше, чем природа и история, ибо реальность повседневности не так привлекательна и безукоризненна. Фантазмы, образы, симуляции – это мир удвоения, который не произведен от Бытия. Мегаметафора Диснейленда (как и миры виртуальной реальности) предстает как аллегория всего общества потребления, место тотального наблюдения, пассивного подчинения желанию, где активность посетителей переплетается с действиями роботов, «живущих» в этом парке.

Власть закрепляет желание. Желание, как и болезнь, которая прояснялась, проявлялась в теле под взглядом врача, становилось желанием, обретало свое лицо, под взглядом Власти, ибо «Лицо является лицом, только встречаясь с другим лицом к лицу» [Деррида Ж., 2000, с. 152]. Желание не могла стать желанием без этого взгляда. Поэтому, церемонии, знаки и ритуалы, через которые происходило «удвоение тела» суверена, проявление избытка его тела, становятся бесполезны. Меняется семиотика механики Власти – она уже не то, что «удваивает» тело, является через конкретного носителя, и не то, что наказывает, контролирует и определяет место человека через клеймение его тела, но то, что проникает в самого человека, присутствует в нем повсюду, становится его внутренним и активным принципом, его особой природой. М. Фуко показывает, как Власть создает новую душу. Если человек не кодифицируется в соответствии с социальной нормой как желающий, то он попадает в место забвения, как и действующий не в соответствии с нормой для осуществления «своего» желания, или тот, кто не подходит под определение нормы – безумный.

Слово, присутствующее в сознании, – это след *другого*, поскольку неведомо, кто говорит, оно является бессознательным, в котором слышит *других* и подчиняюсь особому говоре-

нию. Человек оказывается втянут в языковую игру, которая Л. Витгенштейном определена как «единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» [Витгенштейн Л., 1994, с. 83]. На этом основании «говорить на языке» означает принятие особой формы жизни, в данном контексте существующей в логике желания и забвения.

М. Фуко описывая историю Безумия, не историю психиатрии, а жизненность самого Безумия до захвата его знанием, при этом он удерживается на пределе – пределе уничтожения и обличения традиции, живущей в различении и отчуждении, и, одновременно, выражения собственных текстов в законе сознательного различия, в письме, в трансляции смыслов на языке объективации.

Весь европейский язык определяется М. Фуко в виде захвата и объективации Безумия. Психиатрия – это лишь один из посланцев Порядка, один среди многих. У Разума и Безумия классической эпохи некогда был единый корень, они сосуществовали в диалоге, который был прерван в конце XVIII века. Разделение Логоса на Разум и Безумие М. Фуко обозначает как начало истории – необходимость Безумия связана с возможностью истории, ибо Разум всегда являлся историей фигур, но никогда не историей начала. Безумие – это Другое Разума, Другое самого Cogito, это «отсутствие произведения». До произведения Cogito является Безумием, поэтому он стремится весь Мир превратить в Произведение, в Текст, ибо Смысл, Норма Разума получает гарантии на существование только в том случае, если становится Произведением, если начинает царствовать как конечная мысль, как история, отрицающая возможность перемещения Разума и Безумия, отвергающая Логос их свободного обмена. В Археологии Молчания воссоздается юридическое пространство запрета, которое не могло стать таким, какое мы наблюдаем, без своего Другого – состояния Безумия. Разуму необходимо Безумие, чтобы определить себя, но в сам этот момент происходит выделение Разума в сферу Нормы. Поэтому написание Археологии Молчания возможно через следование Безумию в его особом молчании или по дороге его изгнания.

Молчание Безумия не может быть вне произведения: оно не просто не занятое место

в отношении к языку и смыслу, оно – основа их становления, основа-в-подавлении. Норма проговаривания определяет то, как Желание пишется, вписывается в тела и души людей, тем самым проявляя процесс движения властной стратегии от Имени к Имени – от одной складки к другой – «сворачивает» текст социальности до размеров одного Имени, но вновь разворачивает его, создавая новые складки, укрывая саму Власть покровом тайны. Язык Власти создает особый Дискурс, тем самым оформляет сам предмет обговариваемого, то есть в процессе комментирования признается «избыток означаемых над означающими, неизбежно несформулированный остаток мысли, который язык оставляет во тьме, остаток, оставляющий саму суть, выталкивающий наружу свой секрет» [Фуко М., 1998, с. 18]. Властное начало разумного языка, подавляющее другие дискурсивные практики, а вместе с этим и выражающееся на этих языках желания, возводит себя в ранг Нормы и Закона: Язык формирует «Истину» Желания.

Власть создает Норму Желания и налагает определенные ограничения на его осуществление, искусственно создает состояние нехватки: Желание оказывается повсюду, но не в реальности человеческой жизни, оно становится обобщенной симуляцией, призраком самого Желания. Как отмечает Ж. Бодрийяр, дискурсивные практики создают связь индивида с тем местом, создают само место, предлагая взамен принципа реальности симуляцию, отработанные копии, модели: «Труп, зверь, машина и манекен – таковы те негативные идеальные типы тела, те формы его фантастической редукции, которые вырабатываются и запечатлеваются в сменяющих друг друга системах» [Бодрийяр Ж., Символический обмен ... , 2000, с. 218].

Посредством дискурсивного участия Власть получает доступ к телу, формирует тела не просто как рабочую силу, но как модели значения, где фигурируют не просто сексуальные модели исполнения желаний, но сама сексуальность как модель. М. Фуко отмечает, что сексуальность является конструкцией, созданной Властью, а не природной данностью, конструкцией, сложившейся в результате услужливого и внимательного дискурса, который «должен следовать всем изгибам линии соединения души

и тела: под поверхностью грехов он выявляет непрерывные прожилки плоти» [Фуко М., 1996, с. 115]. Власть не уничтожает сексуальность, она ее производит как способ оформления плоти индивидов для своего эффективного функционирования в более прозрачном пространстве.

Желание должно поддаваться управлению, поэтому язык, на котором проговаривают Желание, формируется общей силой – Властью. Человек, его тело, его сексуальность, его болезнь, его поведение – это то, о чем следует говорить, говорить публично, постепенно направляя, включая в систему оптимального функционирования: «Секс – это не то, о чем судят, но то, чем руководят» [Фуко М., 1996, с. 120]. М. Фуко отмечает, что именно секс находится в сердцевине экономической и политической проблемы населения: для «обладающих Властью» действенным является управление не просто отдельными подданными или «народами», но населением, с его характерными проявлениями – рождаемостью, смертностью, продолжительностью жизни, состоянием здоровья, заболеваниями, питанием, жилищными условиями и т. д. – всем тем, что, так или иначе, вращается вокруг секса [Фуко М., 1996, с. 121].

На уровне дискурсивных практик отслеживается связь индивида с тем местом, которое ему отвела Власть. Именно через дискурсивное участие Власть получает доступ к телу. М. Фуко отмечает, что сексуальность предстает как конструкция, созданная Властью, а не природная данность, конструкция, сложившаяся как результат услужливого и внимательного дискурса, который «должен следовать всем изгибам линии соединения души и тела: под поверхностью грехов он выявляет непрерывные прожилки плоти» [Фуко М., 1996, с. 115]. Власть не уничтожает сексуальность, она ее производит как способ оформления плоти индивидов для своего эффективного функционирования в более прозрачном пространстве.

Все пространство – общественное и интимное – пронизано властным взглядом. Создается прозрачная аналитическая реальность – человек, не видя смотрящего за ним, становится полностью видим – это принцип «Паноптикона» Бентама, который выявляет саму механику Власти: автоматизация Власти, лишение ее

индивидуальности основано «в определенном продуманном распределении тел, поверхностей, света и взглядов; в расстановке, внутренние механизмы которой производят отношения, вовлекающие индивидов» [Фуко М., 1999, с. 295].

Посредством использования техники знаков Власть экономично и эффективно распространяется по всему телу общества, кодифицирует все возможное поведение, а значит, уменьшает неопределенную область всех возможных поступков. Дисциплина тела возможна через построение анатомо-политики человеческого тела: политическая технология тела рождается на грани биологического и экономического. Дисциплина рассматривается М. Фуко как принцип контроля над производством дискурсов, ибо дискурс – это власть, которой стремятся завладеть. Создание аналитического пространства, в котором тело подробно изучается во всех состояниях, со всех сторон, задает само направления проявления тела. Это предполагает ту особую манеру захвата тела: если не тело, то душа, через которую Власть ставит тело, душу, индивидуальность и историю под знак – знак логики Вождения и Желания. Власть берет тело «в охапку», тело производящее, наказывающее, казнимое, обучающееся, желающее и вожделеющее...

Становится возможным обозначить место тела. Власть выводит на свет, делает видимыми подчиняемые тела, она выводит то, что необходимо ей для своего функционирования, создавая места насыщения – некие точки и метки в пространстве, на которые реагирует человек, его тело, ибо Власть подчиняет тело, действуя на «душу», ставит его на определенное место в огромной машине.

Контролируя действия, тщательно скрывая свое присутствие, Власть создает тайну, ибо она необходима для ее функционирования. М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» акцентирует внимание на изменении проявления Власти. Власть суверенна – это власть отдельного человека, который карает за преступление как за действие против Короны. Но право наказывать из мести суверена превращается в право защиты общества. Властная сила отдельного человека трансформируется в силу всех, силу, берущую основание в Законах, в Праве, в Норме и имеющая дело с человеком

как выражением общего типа, а не с конкретной личностью. Человек теряет свое Лицо, выбирая действие в рамках социальной роли, но это воспринимается им как результат собственного воления, ибо ему необходимо принадлежать миру, обрести точки опоры для того чтобы жить без проблемы собственной инаковости по отношению к Другим, которая предполагает ответственность за самого себя, и без ощущения собственной необязательности для Других. Человек признает, что он такой, каким его хочет видеть общество, он теряет Себя, свое Лицо, но это плата за тот социальный комфорт, который ему предоставляется.

Власть обретает анонимность. Можно сказать, что она является выражением мнения всего общества (тип которого она и создала), что она терпима к меньшинству (так как она нуждается в не-Нормы для определения себя самой) и является выражением толерантного отношения, повлиявшего на изменение в самой процедуре наказания, которое постепенно становится наиболее скрытой частью уголовной процедуры. М. Фуко подробно рассматривает новую взаимосвязь между наказанием и телом, которая уже не такая, какой она была в век публичной казни, где пытка рассматривалась как церемония, в котором Власть показывала себя. Казнимое тело было призвано вывести на всеобщее обозрение истину преступления: «Допрашиваемое под пытками тело являлось и точкой приложения наказания, и местом вырывания истины» [Фуко М., 1999, с. 64]. Теперь точкой приложения становится «душа»: «Душа в ее исторической реальности, в отличие от души в представлении христианской теологии, не рождается греховной и требующей наказания, но порождается процедурами наказания, надзора и принуждения» [Фуко М., 1999, с. 45].

Смена точки приложения власти – наказывать – с тела на душу приводит к тому, что наказание, покидая область повседневного восприятия, входит в область абстрактного сознания, где представление об эффективности наказания связывается с идеей его неотвратимости, а не зрелищным воздействием. Тем самым М. Фуко делает вывод, что правосудие больше не берет на себя груз публичной ответственности за насилие, связанное с его исполнением.

Наказание перестает быть искусством причинения невыносимых страданий и переходит в форму экономии «приостановленных» прав, власть становится «гуманной». В связи с гуманизацией права в системе наказания и фигурирует не тело, но представление, не боль, но идея боли, что приводит к тому, что система надзора становится «бдительнее». Отбросив карательные анатомии XVII века, Власть вступила в эру нетелесных наказаний, но при этом, захват тела становится еще более тщательным, поскольку теперь душа становится точкой захвата, тюрьмой тела.

М. Фуко рассматривает Власть как производящую знание анатомию политического тела, «как совокупности материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношения власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела, превращая их в объекты познания» [Фуко М., 1999, с. 43]. Познание человека ведется во все моменты его жизни, захватывая тело и «душу», «механика власти» проникает в самые интимные переживания и потаенные уголки сознания, тщательно «обрабатывая» человеческое тело: разрушает его порядок и собирает заново.

Искусство владения человеком, его телом формирует механизм такого отношения, в котором тело становится «послушным» настолько, насколько является полезным, и наоборот. Политика принуждений выстраивается на уровне захвата самой механики – движений, жестов, положений тела и т. д., на том уровне, где принятие Властью происходит само собой, естественно. Никакими внешними принуждениями невозможно объяснить то, каким образом люди начинают воплощать тип дисциплинированного, «послушного» тела. Только тонкое манипулирование бессознательными стереотипами позволяет «воспитать» человека. М. Фуко отмечает, что в пространстве власти-наказывать использование именно семиотической техники вызвало смещение точки приложения – более не тело, а душа. Знаки Властью надписываются в сознании, подчиняют тело через контроль над мыслями. Тем самым становится возможной дисциплина, формирование тела как «послушного». М. Фуко отмечает, что открытие тела как объекта и мишени произошло в классический XVIII век.

Это выразилось в масштабе контроля: тело рассматривалось не в массе, а прорабатывалось в деталях, что и дало возможность такого тонкого принуждения – принуждения на уровне телесной механики. Политическое завоевание тела развивается как «микрофизика» власти, рассматривающая дисциплину в качестве политической анатомии, поэтому Власть формирует некоторую индивидуальность, для которой характерным является то, что «она клеточная (в игре пространственного распределения), органическая (кодирование деятельности), генетическая (суммирование времени) и комбинированная (сложение сил)» [Фуко М., 1999, с. 244].

Власть создает «послушное» тело, определенным образом распределенное через кодирование пространства, через корреляцию тела и жеста и т. д. Тем самым оформляется полезное пространство, в котором тело предстает как тело-оружие, тело-инструмент, тело-машина, создается дисциплина как искусство распределения тел, извлечения из них энергии и времени, и, самое главное, как искусство наиболее эффективного сложения сил в процессе экономического использования, так как тело захватывается отношениями Власти в первую очередь как производительная сила.

Индивид включен в отношения Власти таким образом, что состояние «Норма» воспринимается как «Благо». Норма быть «послушным» – «послушным» Суверену, Закону, Обществу и т. д. превращается в Норму «защищать», но и в Норму «наказывать». Право защиты общества – это право всех – проявляется как обязательная Норма не только в век «гуманного» Права, но и в век функционирования Власти как церемониала Казни. Главным персонажем процесса публичной казни, по М. Фуко, является народ: именно его непосредственное присутствие является условием ее проведения, так как люди должны знать, а значит – видеть собственными глазами: свидетельствуя и наблюдая казнь, они гарантируют ее свершение и сам участвует в казни. Месть монарха должна включать в себя и месть народа – только тогда Власть воспроизводит Норму, задает такое отношение, когда не-Норма становится репрессированной самими людьми. Народ призван оказывать содействие королю в воплощении мести его врагам – тогда

он становится причастным к самой Власти. Народ становится телом Власти, телом ее исполнения и проявления в жизни: подчиненные люди становятся носителями властных полномочий, они принимают властные отношения за нечто глубоко им причастное, за что они несут ответственность.

После отмены публичных казней Власть подчиняет тело, действуя на «душу», ставит его на определенное место огромной машины, поэтому наказание становится тайной, главное, на что оно направлено – это сознание с его способностью представлять, с воображением, которое рисует картины самого ужасного для человека – картины небытия, того состояния, которое не связано с Нормой говорения и проживания. Но о Норме можно говорить только по отношению к ее Другому – к не-Норме. В сознании человека Норма и не-Норма предстают как функционирующие неразрывно друг от друга: Норма прописывает все возможные состояния этого мира, не-Норма действует через отрицание самой жизни, внушая ужас перед неизвестностью. Норма и не-Норма – это то, что обозначается Властью, она включает в себя обе стороны, она задает эту противоположность для своего функционирования.

Власть является тоталитарной и толерантной одновременно. Великая задача Ж. Руссо: «Найти форму устройства, в которой каждый, соединяясь с другими, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы столь же свободным, как и прежде» [Новгородцев П. И., 2000, с. 28] – становится отправной точкой в создании величайшей Иллюзии нашего времени – «воспитании» человека как свободного существа, живущего в столь же свободном обществе, в котором индивид делает то, что хочет, но возникает вопрос – хочет ли он того, что не требуется? Человек стремится быть обнаруженным, спрятаться от бездны в собственной душе, сбегать от Себя, от Ничто, обрести комфортное существование, где все ясно, понятно, распланировано и подчинено стратегиям Власти, где анатомия – это судьба, которая задает социальные роли и позиции. Делая видимыми подчиняемые тела, Власть выводит то, что необходимо ей для своего функционирования – создает места насыщения – точки и метки в пространстве, на ко-

торые реагирует человек, его тело и сознание. Власть стремится весь мир превратить в свое Произведение, в Текст, в конечную мысль, как историю, в которой только и может произойти загадочное «похищение» тела, души человека – его плоти. Это начало и смысл изначального властного контроля Буквы над Дыханием – Власти над Жизнью.

Пространство Власти – это всегда пространство ускользающей тайны, она изменчива и всегда функционирует через иррациональное, на «разломе» сознания человека, живущего в Мире не только Повседневности, но Реальности иллюзорного Желания, Нормы, заданной самой Властью. Быть нормальным, то есть осуществлять «свои» желания, – это значит быть включенным в историю, говорить на языке определенного Разума, который задает, что нормально Желать, как нормально достигать Желаемого и то, что не-нормально Желать Запретного. Истина Желания не принадлежит самому человеку, он не может говорить на языке своего Желания, ибо общество не может позволить существование множество языков (языка каждого конкретного человека), оно не готово допустить существования других сторон Смысла, Пола, Власти. Жизнь – это предел Власти: единственное, что не подлежит комментарию, – это жизнь тела, живая плоть, взгляд и Лицо которой не могут быть в мире, поскольку открывают и превосходят мир, – поэтому Жизнь отмечает предел всякой Власти. Манипуляция видимостями, общая симуляция позволяет Власти избежать противостояния с Ничто, создать историю, произведение господства и развития Идей Разума в логике схемы «Древний мир – Средневековье – Новое время», выйти из которого – это стать «письмом, ставшим плотью, театральным иероглифом убить двойника, стереть апокрифическое письмо, которое, крадя у меня бытие как жизнь, держало меня вдалеке от скрытой силы» [Деррида Ж., 2000, с. 308]. Присутствие, Дыхание Жизни, единство Разума и Безумия – все это, соединяясь в Лице человека, выводит его из произведения истории, в которой все лица, лица множества культур, предстают как лица Власти и где поэтому сама Власть – без Лица.

Измерения Идеального – то, что околдовывает. «Идеальное» в дискурсивных практи-

ках представлено как недостающее измерение, которое соблазняет, наполняя социальность моделями, работающими в ситуации нехватки – Желание никогда не может быть удовлетворено. Действуя как зеркало «наших» желаний, социальность всегда предлагает новое, «чего раньше не было», заботясь о нашем благосостоянии и потребностях, но, одновременно, создавая эти потребности. Ж. Бодрийяр, осмысляя фразу «Я буду вашим зеркалом», интерпретирует ее как «Я буду для вас приманкой» [Бодрийяр Ж., Соблазн, 2000], не отражением, но прикрытой пустотой, ибо соблазн, детерминируя сферу повседневной реальности, имеет отношение к строю искусственности, знака и ритуала, создавая реальность социальных практик и семиотических технологий.

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – 616 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
3. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Издательство Ad Marginem, 2000. – 306 с.
4. Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. Ч. 1. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 612 с.
5. Деррида Ж. Письмо и различие. – М.: Академический проспект, 2000. – 432 с.
6. Зекрист Р.И. Концепция власти Мишеля Фуко // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2012. – Т. 103. – № 2. – С. 40–46.
7. Ильин А.Н. Власть и знание: проблема взаимоотношения // Вестник ВГУ. – 2011. – № 1. – С. 22–36.
8. Меньшиков В.В. Проблема власти в «Политической анатомии» М. Фуко // Человек. Сообщество. Управление. – 2004. – № 3–4. – С. 124–131.
9. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. – СПб.: «Лань», Санкт-Петербургский Университет МВД России, 2000. – 352 с.
10. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. – М.: Институт философии РАН, АО «КАМБ», «АКАДЕМИА», 1995. – 160 с.
11. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., Касталь, 1996. – 448 с.
12. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: «Ad Marginem», 1999. – 480 с.
13. Фуко М. Рождение клиники. – М.: «Смысл», 1998. – 310 с.
14. Хомяков М.Б. Проблема толерантности в христианской философии. – Ек.: Изд-во Урал. Ун-та, 2000. – 296 с.

1. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poe'tika. – М.: Progress, Univers, 1994. – 616 s.
2. Bodriyyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert'. – М.: Dobrosvet, 2000. – 387 s.
3. Bodriyyar Zh. Soblazn. – М.: Izdatel'stvo Ad Marginem, 2000. – 306 s.

4. Vitgenshtejn L. Filozofskie raboty: v 2 ch. Ch. 1. – M.: Izdatel'stvo «Gnozis», 1994. – 612 s.
5. Derrida Zh. Pis'mo i razlichie. – M.: Akdemicheskij prospekt, 2000. – 432 s.
6. Zekrist R.I. Konceptiya vlasti Mishelya Fuko // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki. – 2012. – T. 103. – № 2. – S. 40–46.
7. Il'in A.N. Vlast' i znanie: problema vzaimootnosheniya // Vestnik VGU. – 2011. – № 1. – S. 22–36.
8. Men'shikov V.V. Problema vlasti v «Politicheskoy anatomii» M. Fuko // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. – 2004. – № 3–4. – S. 124–131.
9. Novgorodcev P.I. Vvedenie v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya. – SPb.: «Lan'», Sankt-Peterburgskij Universitet MVD Rossii, 2000. – 352 s.
10. Rikyor P. Germenevtika. E'tika. Politika. Moskovskie lektsii i interv'yuu. – M.: Institut filosofii RAN, AO «KAMI», «AKADEMIA», 1995. – 160 s.
11. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let. – M., Kastal', 1996. – 448 s.
12. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. – M.: «Ad Marginem», 1999. – 480 s.
13. Fuko M. Rozhdenie kliniki. – M.: «Smysl», 1998. – 310 s.
14. Xomyakov M.B. Problema tolerantnosti v khristianskoj filosofii. – Ek.: Izd-vo Ural. Un-ta, 2000. – 296 s.

UDC 316.6

SOCIO-SEMIOTICS OF M. FOUCAULT: PHENOMENAL HORIZON OF DESIGNING OF DISCURSIVE SPACE OF SOCIAL-POLITICAL SPHERE

Shutaleva Anna Vladimirovna,

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Theory and History of Political Science,
Institute of Social and Political Sciences,
The Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: ashutaleva@yandex.ru

Annotation

This article is devoted to the analysis of the social-semiotic theory of Michel Foucault which allows to clear the phenomenal horizon in social-political space. The social semiotics is considered as the grammar of separate sign system describing area of the concrete communicative phenomenon operated by system of values.

In the M. Foucault concept of the power, using semiotics technicians, marking space, creates the disciplined body, the disciplined person, the disciplined consciousness. Means of coercion reveal whom they influence, but show also a place of the Power. Thus the Power, functioning as the draft mechanism, attracts and takes both norm, and deviations which continued watches. Certain ways of speaking, pronunciation, the certain designs of signs and symbols which are making out social space reveal space of manifestation of the Power.

By means of use of the equipment of signs penetrating all social space, the Power economically and effectively extends on all body of society, codifies all possible behavior, so, reduces uncertain area of all possible acts. All human gestures and actions can be interpreted as semantic units which perhaps rationally explain and systematize.

Key words:

social-semiotics, power, political space, means of mass communications, language game, technology, strategy of the power.

ДИСКУРСОЛОГИЯ КАК СУДЬБА

Интервью с Ларой Николаевной Синельниковой

Подготовила и провела О. Ф. Русакова

Краткая справка

Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской, украинской филологии и методик преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте. Лара Николаевна является основателем научной школы «Дискурсология: язык, культура, общество» (год образования – 2000) на базе кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. Этапы развития и утверждения концепции научной школы отражены в 38 томах материалов 14 Международных конференций, участниками которых были как отечественные, так и зарубежные исследователи текста, стиля, дискурса. Ключевыми предметными областями дискурсологии как многоструктурной и многокомпонентной области научного знания, разрабатываемыми научной школой, стали: СМИ-дискурс, аксиологический дискурс, дискурсивная личность, политическая лингвистика, художественный дискурс, лингвистическая поэтика, гендерный дискурс, неориторика, имиджелогия, PR-дискурс.

Будучи вузовским преподавателем, Л.Н. Синельникова последовательно соединяет научный исследовательский опыт с учебной практикой, следуя принципу: *ничего нет практичнее хорошей теории*. В учебный план магистрантов-филологов Луганского национального университета по её инициативе включён курс «Стиль. Текст. Дискурс», спецкурсы «Гендерный дискурс» и «Местоимение в дискурсе». Для магистрантов Гуманитарно-педагогической академии разработаны элективные курсы: «Текст и дискурс» и «Дискурсология».

Л.Н. Синельникова – автор 350 научных и научно-методических работ, которые издавались в России, на Украине, в Польше, в Литве. В 2005 году написанные до этого периода статьи были изданы в 3-х томах под общим названием «Жизнь текста, или Текст жизни». Среди публикаций Лары Николаевны, заложивших методологическую основу дискурсологии и дискурс-анализа назовём следующие: Современный научный дискурс (рассуждения с пристрастием) // Информационный Вестник Форума русистов Украины. Вып. 6. – Симферополь, 2003; Признаки дискурсивной матрицы гуманитарного пространства нового века // Политическая лингвистика. –

Екатеринбург, 2009. № 3 (29); *Политический дискурс Украины: территория раздора // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы.* – Волгоград: Перемена, 2009; *Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Учёные зап. Таврического нац. ун-та. Сер. «Филология. Социальные коммуникации».* – Симферополь, 2009. Т. 22 (61). № 1; *Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности // Политическая лингвистика.* – Екатеринбург, 2009. № 4; *Адресант как alter ego адресата // Respectus Philolooogicus.* – Vilniaus, 2010. № 17 (22); *Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика.* № 1 (31). – Екатеринбург, 2010; *О содержании концепта «толерантность» в политическом дискурсе // Политическая лингвистика.* № 2 (32). – Екатеринбург, 2010; *PR-коммуникация в системе новых научных парадигм // Учёные записки Таврического нац. ун-та. Сер. «Филология. Социальные науки».* – Симферополь, 2010. Т. 23 (62). № 4; *Дискурс неопределённости в местоименном представлении. Электронный ресурс // Современный дискурс-анализ.* № 3, 2011. – URL: <http://discourseanalysis.org/ada3.pdf>; *О научной легитимности понятия «Дискурсивная личность» // Уч. зап. Таврического нац. ун-та. Сер. «Филология. Социальные коммуникации».* – Симферополь, 2011. Т. 24 (63). № 2. Ч. 1; *Экспансия PR-коммуникаций в медиа-дискурс // Медиадискурс и проблемы медиаобразования. Материалы 1-й Междун. научно-практической конф.* – Омск, 2011; *Языковая личность vs. дискурсивная личность: отношения дополнительности или новая категоризация // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* – Орёл. Вып. 9. 2011; *Нанолингвистика, или Язык велик в мелочах // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Межвузовский сборник научных трудов.* – Орёл, 2012. Вып. 10; *Дискурс реагирования: неориторическая модель политической коммуникации // Уч. зап. Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации».* – Симферополь, 2013; *PR-дискурс как конвергентная социальная коммуникация. Современный дискурс-анализ.* № 8. 2013;

Дискурсивная семантика русских местоимений. Коммуникативные сценарии в прозе и в поэзии. Монография. – Palmarium academic publishing, 2013; *Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика.* – Екатеринбург, 2014. № 2 (48).

Л. Н. Синельникова в качестве приглашённого профессора приняла участие в Международной школе для молодёжи «Политическая коммуникация» (Екатеринбург, 2009 год).

В 2007 году по представлению Луганского отделения всеукраинской общественной организации «Украинская Академия русистики» и Фонда поддержки региональных инициатив «Благовест» Л. Н. Синельниковой была вручена медаль В. Даля «За творческие достижения в литературе, журналистике, краеведении». В 2009 году она была награждена грамотой представительства Росотрудничества «За плодотворную деятельность по сохранению и развитию русского языка, науки и культуры в Украине и большой вклад в дело сохранения российско-украинской дружбы». В 2011 году была включена в электронную энциклопедию «Известные учёные России и стран СНГ», в 2013 году ей было присвоено звание «Заслуженный деятель науки и техники».

Ответы на вопросы

– **Лара Николаевна, прежде чем перейти к вопросам, касающимся Ваших научных разработок в области дискурсологии, не могу не спросить у Вас, как Вы пережили трагические события на Украине? Что побудило Вас перебраться из Луганска в Крым? Какова судьба преподавателей Вашей кафедры в Луганске? Какова судьба самого Луганского университета?**

– Есть такой грустный афоризм: жизнь – это накопление потерь. Трагическое тоже не осознаётся сразу, оно накапливается, и в этом поэтапном накоплении тает вера в здравый смысл и надежда на разумные действия и решения власть предрежащих. В итоге трагическое из социального контекста переходит в глубоко личное, и соединение того и другого особенно тяжело. Просто бесконечно болит душа. Часть

лета 2014 года я провела на даче в г. Счастье под звуковое сопровождение бесконечно летающих с разных сторон снарядов. Друзья начали беспокоиться, в том числе крымские. С Крымом я связана давно и крепко: была постоянной участницей Форума русистов Украины, членом филологических специализированных советов. Отсюда и маршрут: Луганск – Крым.

Кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий в Луганске – моя родная кафедра, которая состоит из моих учеников, каждому из которых я отдала часть своей жизни. Как и весь университет, разделение произошло «по живому»: часть осталась работать в Луганске, в ЛНР, часть вошла в Старобельский сегмент университета, находящийся под контролем другой власти. Я дала возможность каждому определиться самостоятельно. Расставались тяжело. Со всеми поддерживаю добрые отношения, в том числе – с аспирантами, которые остались неприкаемыми. Все сохранили привитую им в совместной работе порядочность, профессионализм и любовь к науке. Мы поддерживаем друг друга и надеемся на воссоединение ещё в этой жизни.

– **Как Вы оцениваете современную ситуацию на Украине? С кем сейчас украинская интеллигенция? С кем Вы продолжаете поддерживать контакты?**

– Ситуация крайне сложная. Ужасная во время боевых действий и тревожная во время перемирия, когда перестаёшь понимать, где «мягкая сила», а где «жёсткая» и каково их соотношение: слишком быстро и безответственно один вид силы переходит в другой. Украинская и русская интеллигенция в моём сознании были едины. Смена социальных предпочтений не исключается, исключается приспособленчество, предательство, замена толерантности на конфронтацию. Для интеллигента-филолога «слезинка ребёнка» не только интертекстуальная отсылка, а глубокая душевная боль по вполне конкретным поводам.

Украинская интеллигенция неоднородна, и многие её представители находятся сейчас в очень сложном положении, в положении разлада, разрыва между «внешним человеком», вынужденным выживать в реальных жизненных обстоятельствах, и «внутренним», ориентиру-

ванным на нравственность и порядочность как на вневременные категории. Каждый делает свой выбор. Особо сложным оказалось положение моих коллег-русистов. Надеюсь, не надолго. В одном из интервью, темой которого было русско-английское двуязычие художественного творчества, И. Бродский таким образом ответил на упрек об утрате русскости: «Если её можно утратить, – грош цена такой русскости». Позволю себе перефразировать сказанное великим поэтом: «Если в беспокойное и житейски не безопасное время интеллигентность можно утратить, – грош цена такой интеллигентности и таким интеллигентам». Не хотелось бы, чтобы хотя бы к части русско-украинской интеллигенции присоединилось определение «бесхребетная интеллигенция» (уже проходили). Контакты со многими украинскими друзьями пошли на убыль. Я это болезненно ощущаю. Но всегда действует компенсаторный механизм, и я приобретаю новых друзей – в Крыму, в разных городах России, что даёт мне основание для оптимистического утверждения: жизнь продолжается!

– **Что Вы думаете как специалист по медиадискурсу о работе украинских и российских СМИ?**

– И российские, и украинские СМИ находятся в состоянии информационной войны. Проигрыш есть с обеих сторон. Этот формат действий по определению меняет (нивелирует, трансформирует, приспособливает к своим интересам и т. д.) представление об объективности и непредвзятости в подаче материала. Об информационных войнах исследователи писали много и по-разному, но по большей части основываясь не на отечественном, а на зарубежном опыте. Комплексное описание деятельности российских и украинских СМИ в формате современной информационной войны – дело будущего, желательно, чтобы не далёкого: в практическом смысле «работа над ошибками» поможет повысить профессиональный уровень журналистов, их коммуникативную и риторическую культуру; в теоретическом – выявить приёмы формирования «повестки дня», ранее не описанные виды манипуляции общественным сознанием, последствия жёсткого управления информационной средой.

Информационная война – это война языковых знаков, номинаций как война дискурсов. На мой взгляд, аудит медиа-коммуникаций с позиций лингвистики дискурса – одна из первоочередных задач системного описания современной информационной войны.

В августе 2014 года, когда всё только начиналось, в луганской «Реальной газете» было опубликовано моё интервью под названием «Информационная война превращает общество в коммуналку». Приведу текст публикации.

«Любая попытка дать объективный текст о последних событиях разбивается о необходимость выбрать то или иное слово. «Террористы» захватили власть в Луганске или «ополченцы»? И «захватили» ли вообще или «взяли под контроль»? В Киеве – «законное правительство» или «хунта»? Кто противостоит непризнанным Луганской и Донецкой республикам – «регулярные войска» или «каратели», как их называют российские СМИ?

О роли слов в «войне и мире» украинского общества «РГ» беседует с профессором Луганского национального университета, заведующей кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Ларой Синельниковой.

Александр Белокобыльский

– *Лара Николаевна, возможна ли вообще беспристрастная журналистика, на ваш взгляд?*

– Информационное поле создают люди. Сам выбор информации, которую журналист хочет донести до аудитории, – это уже позиция. У каждого, кто работает в СМИ, есть своя исходная установка, и эта установка будет проявлена в журналистском тексте – в его композиции, в риторических приемах, выборе и толковании слов.

Помимо личных взглядов, профессиональных устремлений есть еще ангажированность журналистов... Как только журналист ангажирован, он становится носителем тенденциозной информации. А любая тенденциозность, оценочная безальтернативность – это знак жёсткой информационной войны.

Автор текста выбирает то слово, которое согласуется и с его установкой, и с ожиданием «своего» читателя. Современная масс-медийная среда дает ответ не столько на объективный вопрос «что случилось?», сколько на субъективные: «как вы это видите?», «зачем?», «чему и кому это служит?». И вот эта цепочка в её словесной наполненности имеет характер если не информационной войны, то, безусловно, информационного принуждения.

– *Хороший термин – информационное принуждение.*

– Очень хороший. Он указывает, что журналистские действия могут иногда идти по пути «давления словом». И в этом «давлении словом» как раз особую роль играет то, какие слова мы используем, чтобы обозначить и оценить события и их участников. «Как вы лодку назовете, так она и поплывет» – простая, почти житейская фраза, но в ней большой смысл. Публично говорящий человек, автор масс-медийных текстов не может быть избавлен от ответственности за сказанное. Время далеко не всё может списать. От выбранного слова зависит восприятие смысла, а вместе с этим и самой реальности. Прекрасно об этом сказал философ: «Правильно определяйте значения слов и вы избавите мир от половины его заблуждений» (Декарт). Слово определяет направления социального поведения людей. Это очень важная вещь: журналисты могут выполнять сохранную миссию, а могут быть носителями раздора.

– *В книге «Паблик рилейшнз» Г.Г. Почепцов пишет, что человек верит той информации, которой хочет верить. Слышит лишь то, что хочет слышать. Вот только почему он хочет верить тому, чему хочет верить?*

– Это фактор даже не столько психологии, сколько подсознательной мотивации. Каждый человек рос, учился в определённой среде, читал разные книги, у него был тот или иной ближний и дальний круг друзей, происходили определенные события в биографии. Все это формирует картину мира, и она неповторима, как отпечатки пальцев или радужная оболочка глаз. Мы разные. Естественно, человек будет верить тому, что он ожидает в контексте своего мировоззрения и жизненного опыта.

– Например, верить все новым и новым доказательствам преступлений бандеровцев или, наоборот, – зверств НКВД под видом УПА. Воспринимать нынешний хаос в Украине как результат работы российских спецслужб – либо же западных. Находить подтверждения, что на Западной Украине все ненавидят Донбасс или, напротив, – что у нас на Востоке никакой культуры, только пьяные шахтеры под заборами валяются... И это никак не изменить?

– Есть способы переориентации человека. И вот тут журналистика открывает широчайшее поле действий. Иногда она выходит на «большую дорогу» в этих действиях, создает целую серию событий, которые переворачивают сознание человека. Он вдруг думает: «Боже, в каком я мире жил! У меня были розовые очки! А теперь вы посмотрите: вот что сделали! вот что сделали!» И он постепенно под информационным напором меняет точку зрения.

Как же изменить сознание человека? Сознание изменяется не только под влиянием слова, но и под влиянием поступков. Человек склонен соотносить правду сказанного с правдой события.

Что касается Григория Григорьевича Почепцова, я по-разному могу оценить то, что он пишет. Но вот одно из его предложений по поводу информационных войн мне показались интересным.

Чтобы найти путь к примирению между Востоком и Западом Украины, между разными подходами к тому, что происходит сейчас в Украине, он предложил составить некий консенсусный список. В нем выделить группу положений, которые всегда людей сближают, затем определить среднюю зону – вопросы, по которым может быть дискуссия. И отдельно обозначить пункты, где не может быть единства, какие бы круглые столы ни проводились.

Он не перечислял, что можно сейчас обозначить в каждом сегменте, но упомянул американский опыт после войны Севера с Югом. Там удалось найти консенсус, поставив на первое место идею семьи, отношения к детям, родителям, животным. Разумеется, в этот список могут быть включены еще какие-то позиции. А потом потихонечку в эту часть списка можно умно,

этично, тонко перетягивать вопросы спорной сферы. К примеру, сферу родного языка. Не языка русского, украинского, государственного, официального, а – родного языка. Искренний человек никогда не скажет, что для него родной язык не имеет значения. Вот на этом и нужно строить разговор. Посадите меня рядом с человеком противоположной позиции для разговора о языковой проблеме – я найду поле для общего размышления по этому поводу сквозь призму родного языка, на котором не только можно говорить, но которому ещё нужно учиться.

– Один из приемов информационной войны – «дегуманизация» противника. Его лишают человеческих черт, в том числе используя языковые средства: «ватники», «колорады», «правосеки», «свидомиты». А ведь вести переговоры могут лишь человек с человеком, никак не «правосек» с «ватником».

– Любая эмблема такого рода – носитель скудомыслия по поводу явления. Используя ярлыки, человек отказывается воспринимать сущность происходящего, анализировать события и их участников во всей полноте. Думаю, в этих случаях можно говорить о том, что сознание просто зомбируется.

– Причем, очевидно, не только извне: сам человек, повторяя эти наименования, как бы дает сам себе установку.

– В мире, чтобы избежать подобных ярлыков, вводятся понятия толерантное общение (на уровне этики), политкорректное (на уровне межрасовых, межконфессиональных и межнациональных отношений), эмпатическое (на уровне психологии). Казалось бы, три таких крепких понятия! Но все ограничения рушатся, едва начинается информационная война. Общество превращается в коммунальную квартиру, для которой характерен ограниченный объем оценок: «Сам дурак!» – «От такого слышу!» Это удивительная вещь. Но горькая.

– В начале апреля вы выступили с докладом об украинской информационной войне на научной конференции в Белгородском университете. Как российские коллеги восприняли ваше исследование?

– Прекрасно восприняли. Я читала доклад по Скайпу – выехать туда не получилось: это

было уже достаточно горячее время. На первом пленарном заседании конференции передо мной выступал с докладом профессор МГУ, мой доклад был вторым. Организатор конференции, большой друг нашей кафедры, участник наших международных конференций Евгений Александрович Кожемякин написал мне потом, что все пленарное заседание прошло у них в обсуждении этого доклада.

Задача моя как лингвиста, дискурсолога, лингвополитолога – наблюдать за тем, как язык организует сообщество на определенном временном отрезке. Я ответила на ряд вопросов – связанных с журналистикой, положением дел на Украине. Мы здесь едины, мы пытаемся размышлять. Хороший ученый – всегда вне политики: не в смысле индифферентности, а в смысле порядочности».

Добавлю. Со времени публикации этого интервью прошёл почти год, и информационная война приобрела новые, ещё более мрачные краски. Последствия такой информационной войны не имеют единиц измерения.

– Какие сегодня настроения у интеллигенции Крыма? Как Вы оцениваете научный потенциал крымских гуманитариев?

Настроение в поликультурном обществе не может быть монолитно одинаковым и оцениваться по показателю «средней температуры по больнице», в то время как в отдельных палатах могут находиться люди с иным температурным градусом. Позитивный настрой преобладает, но постэйфорический период, как известно, самый сложный: нужно понять и органично принять новую систему ценностей, увидеть перспективу развития в новых условиях, смириться с перегрузкой в формальных действиях переходного периода, спланировать своё биографическое время, чтобы избежать потерь в реализации намеченных планов, и т. д.

В одном из интервью О. Ф. Русакова замечательно сказала: «Интеллектуальный потенциал – это лучший бренд для страны». О научном потенциале всех крымских гуманитариев мне трудно судить (время и результаты покажут!). О крымских филологах могу сказать уверенно: есть желание и личностные возможности за-

ниматься наукой, искать пути для интеграции гуманитарного знания, осознания его целостности. К слову, проведённая в начале апреля 2015 года в Гуманитарно-педагогической академии (г. Ялта) научно-практическая конференция «Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания» показала, что дискурсология – наука, обладающая колоссальными возможностями объединения гуманитариев. Естественно ожидание поддержки учёных российского Крыма в виде сбалансированной учебной нагрузки для вузовских преподавателей, финансирования значимых исследований и публикаций, большего объёма научных командировок, необходимых для диалога, который может обеспечить реальную совместность ранее живших в разных государствах учёных.

– Какие направления дискурсологии, на Ваш взгляд, более всего востребованы с научной и политической точек зрения?

– Ограничусь перечнем проблем, которые затрагивались и обсуждались на названной выше конференции и были признаны актуальными для дискурсологии: проблема дефиниций стиля, текста, дискурса (в условиях особых парадигмальных отношений, в которых сошлись диахрония и синхрония, традиционное и новое, каждое из понятий увеличило степень энтропии); концепция дискурса в языкознании, политологии, социологии, литературоведении (возможность интеграции достигнутого знания); динамика жанра (масс-медийного, художественного, PR-жанров) и её отражение в построении соответствующего дискурса; когнитивно-языковой параметр сопоставления дискурсов и дискурсивных практик. Уже этот далеко не полный перечень свидетельствует о том, что эпистемологическая «недогруженность» дискурсологам не грозит.

– Ваш мастер-класс на конференции в Ялте называется «Языковая личность vs. дискурсивная личность». Не могли бы Вы хотя бы кратко рассказать нашим читателям, чем дискурсивная личность отличается от языковой личности.

– Началом научной биографии концепта «языковая личность» можно считать 1987 год – время выхода книги Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность». Каждое из по-

ложений этого научного бестселлера в последующие годы получило мощное развитие: языковая личность и национальный характер, лингводидактическое представление языковой личности и её структура, художественный образ и языковая личность, лексикон и грамматикон языковой личности, лингвокогнитивный уровень в структуре личности, коммуникативные потребности личности и др. Был пройден большой путь от предпосылок включения «языковой личности» в объект науки о языке до глубокого и продуктивного освоения понятия на большом объёме разнообразного текстового материала.

Менялся мир, а вместе с этим и взгляд на мир и место человека в нём. Создался некий эпистемологический разрыв между концептом «языковая личность» и достижениями в описании личности в дискурсологии. Появилось основание для такого мнения: научный концепт «языковая личность, так много давший лингвистам, социологам, педагогам, потерял свой эвристический заряд в свете накопившихся разысканий в области анализа дискурса» (А.Н. Баранов). Уровень состояния дискурсологии, накопление опыта интерпретации дискурсивных практик позволяет перейти к новой категоризации языковой личности через обозначение её как дискурсивной личности. Дискурсивная личность – носитель ментальных моделей, на основе которых организуется её дискурсивное поведение в разных коммуникативных ситуациях (дискурсиях, которые представляют собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов); дискурсивная личность отражает взаимосвязи дискурса и общества, проявляет себя как личность речевая, коммуникативная, словарная, этносемантическая, лингвокультурная; дискурсивная личность – это коммуникативная (интерактивная) личность, обладающая «коммуникативным паспортом» (И.А. Стернин) как совокупностью стратегий и тактик организации общения в разных типах дискурсий, когнитивными, семиотическими, мотивационными предпочтениями, сформировавшимися в процессе речевых практик.

– **Лара Николаевна, продолжаете ли Вы заниматься политической коммуникативистикой и политической лингвистикой?**

– Статья «Информационная война ad infinitum: украинский вектор» несколько месяцев назад была напечатана в ж. «Политическая лингвистика» (Екатеринбург, 2014 год, № 2). После этой, благословлённой А.П. Чудиновым, публикации я взяла тайм-аут: от политической лингвистики, как и от политики, устаёшь. Но сбор фактического (языкового, текстового) материала по инерции продолжается. В моей картотеке много чего собралось: современная информационная война по большей части является войной агональных неймингов. Придёт пора для обобщений.

– **Какие авторы и научные журналы привлекают Ваше постоянное внимание?**

– Круг чтения, с одной стороны, сузился (чтение «без фильтра» исключается: слишком дорого время), с другой – расширился за счёт внимания к философским работам (мой любимый философ – М.К. Мамардашвили) и к исследованиям, которые обладают большим стимулирующим потенциалом, по крайней мере, для меня. Например, исследования группы «Логический анализ языка» (последнее из прочитанного – «Адресация дискурса»). Для меня важна личность учёного, его стиль, степень знакомства, воспоминания о встречах на конференциях. Стараюсь следить за тем, о чём и как пишут такие замечательные учёные, как А.В. Олянич, Е.А. Кожемякин, В.К. Харченко, Э.Р. Лассан, О.Ф. Русакова, Н.И. Клушина и др. Недавно А.С. Нилогов (автор проекта «Современная русская философия») прислал книгу «Философия антиязыка». С интересом знаколюсь с жанром экстремальной философии, связанным с именем этого автора. Чтение материалов электронного научного журнала «Современный дискурс-анализ» и научного журнала «Дискурс-Пи» (особенного после знакового для моей биографии личного знакомства с О.Ф. Русаковой) обязательно. Большой объём чтения связан с разработкой новых учебных курсов: «Филология в системе современного гуманитарного знания», «Русское коммуникативное поведение», «Эволюция норм современного русского языка», «Текст и дискурс», «Дискурсология». К сожалению, художественная литература уступает место научной. В электронной книге сейчас – С. Минаев, Януш

Вишневский и прекрасный роман Элизабет Гильберт «Есть, молиться, любить».

– *Что Вы думаете о возможности совместного исследовательского проекта с Уральской школой политической дискурсологии, существующей на базе Института филологии и права УрО РАН (г. Екатеринбург)?*

– Совместный исследовательский проект, по моему глубокому убеждению, возможен

в русле концептуальной интеграции (conceptual blending) политологии и лингвистики. Этот междисциплинарный дискурс находится в постоянном накопительном движении. Выявление трансдисциплинарных категорий и методов, хороший коммуникативно-прагматический аудит даст возможность расширить представление о современном культурном и ценностном пространстве.

DISCOURSEOLOGY AS A DESTINY

Interview with Lara Nikolaevna Sinelnikova

Prepared and Conducted by O. F. Rusakova

УДК 1 (091) + 16

УТОЧНЕНИЕ СТАТУСА ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИХ ПРИНЦИПОВ ФАЛЬСИФИЦИРУЕМОСТИ И ВЕРИФИЦИРУЕМОСТИ (НАУЧНОГО ЗНАНИЯ) В ФИЛОСОФСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ (Логические квадраты и гексагоны эпистемических сентенций)

Лобовиков Владимир,

доктор философских наук, профессор,
Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Аннотация

В статье предлагается нетрадиционная интерпретация логического квадрата и результата его развития – логического гексагона, дающая возможность логически непротиворечивого синтеза двух «взаимоисключающих» парадигм в эпистемологии. Первая – древнегреческая концепция эпистеме как необходимого рационального знания, не допускающего фальсифицируемости. Вторая – концепция позитивистской эпистемологии, настаивающая как на верифицируемости, так и на фальсифицируемости любого (научного) знания, имеющего опытный характер. Эти концепции кажутся находящимися в отношении контрадикторности. Но в данной работе демонстрируется, что это только кажимость, так как отношение между указанными доктринами – контрарность, а не контрадикторность. Синтез обсуждаемых якобы абсолютно противоположных доктрин представлен в работе в виде логического квадрата (и гексагона) эпистемических сентенций.

Ключевые слова:

эпистемическая логика, эмпирическое, научное, знание, априорное, Парменид, Платон, Поппер, фальсифицируемость, верифицируемость, контрадикторность, контрарность, подконтрарность, логический квадрат, логический гексагон.

Т е о ф и л. Ваше деление предложений сводится, кажется к моему делению их на *фактические* и *рациональные*. Фактические предложения тоже могут стать в некотором роде общими, но лишь путем индукции или наблюдения. Таким образом, они и представляют собой лишь совокупность исходных фактов... Это не-

совершенная общность, так как мы не видим ее необходимости. Рациональные общие предложения необходимы...

Г.В. Лейбниц «Новые опыты о человеческом разумении» [5, с. 458].

Сократ. Очевидно, выходит что-то невозможное, если допустить, что знание и ощущение – одно и то же. Теэтет. Похоже, что так.

Сократ. Стало быть, нужно признать, что они различны?

Теэтет. Боюсь, что да.

Платон «Теэтет» [7, с. 219].

Приведенные выше цитаты из философских произведений Платона и Лейбница характеризуют отношения: (1) знания и необходимости; (2) знания и ощущения. Здесь целесообразно рассмотреть также относящиеся к делу мнения специалистов по историкам философии. Один из них – В.В. Соколов писал, что, согласно Лейбницу: «Многообразные факты в сфере опыта всегда действительны, но любой из них может, как существовать, так и не существовать. Мыслить противоположное любому факту опыта всегда возможно. <...> В противоположность вечным, разумным истинам как истинам необходимым опытные истины определяются Лейбницем как *истины факта*, которые всегда носят более или менее *случайный* характер» [14, с. 27]. Фон Герхардт (Von Gerhardt) – исследователь философии Лейбница писал, что, согласно Лейбницу: «Чувства могут до некоторой степени показать нам то, что есть, но не дают нам знать того, что должно быть и не может быть иначе» [Цит. по: 14, с. 27].

Приведенные выше вполне репрезентативные цитаты недвусмысленно свидетельствуют о том, что сенсуализм (эмпиризм) и метафизический рационализм в теории знания, будучи доведены до крайности, оказываются *контрадикторными* друг другу. Это и было причиной многочисленных недоразумений в истории философии. Однако, на мой взгляд, противоречие сенсуализма (эмпиризма) и метафизического рационализма в теории знания может быть успешно разрешено. Устранить обсуждаемое противоречие можно путем замены чересчур тенденциозных дефиниций знания в экстремистских сенсуалистических и рационалистических концепциях на более точные его дефиниции, находящиеся не в от-

ношении контрадикторности, а в отношении контрарности. В традиционной формальной логике абстрактная теория взаимосвязи отношений контрадикторности и контрарности была с давних пор наглядно представлена в виде «логического квадрата». Поэтому начнем данную работу с выяснения современного обобщенного статуса указанной графической схемы, так как для решения обсуждаемой эпистемологической проблемы в данной статье впервые предлагается и систематически используется некая качественно новая, а именно, эпистемологическая интерпретация «логического квадрата».

В процессе изучения системы логических взаимоотношений между суждениями типа А, Е, I, О, как правило, учащиеся знакомят с «логическим квадратом» – наглядной графической схемой, имеющей большое психолого-педагогическое значение; облегчающей процесс усвоения и использования системы логических правил, регулирующих такие умозаключения, в которых, как заключением, так и единственной посылкой является суждение какого-то из четырех типов: А, Е, I, О. Эта количественно-качественная интерпретация логического квадрата использовалась в течение тысячелетий от Аристотеля, Боэция и Буридана до Фреге.

Однако в XX веке (и, прежде всего, в классической работе Р. Бланше [20]) было осознано, что: (А) эвристически и педагогически значимый для человеческого познания ресурс логического квадрата не исчерпывается его количественно-качественной интерпретацией; (Б) более того, для адекватного представления знаний в интеллектуальных системах целесообразно перейти от квадрата к гексагону, аспектом (фрагментом) которого оказывается квадрат.

Количество предлагаемых качественно-различных интерпретаций логического квадрата и (содержащего его в себе) гексагона стало расти, например, появились его модальные (алетическая и деонтическая) интерпретации (очень естественные, по моему мнению, даже красивые), и множество других [18–21]. Однако ресурс логических квадратов и соответствующих им гексагонов, как средств (для) представления знаний в интеллектуальных системах, до сих пор не исчерпан: его изучение продолжается.

В данной работе предлагается еще одна новая интерпретация логического квадрата и (содержащего его в себе) гексагона, а именно, их эпистемологическое истолкование. Приступая к рассмотрению этой новой интерпретации, договоримся о значениях символов используемого в данной работе искусственного языка.

Глоссарий (словарь терминов) для следующего ниже рисунка 1:

Символ Kp обозначает утверждение «имеется знание (настоящее), что p », где p – некое высказывание, описывающее некое положение дел.

Символ Ap обозначает утверждение «имеется априорное (метафизическое) знание, что p ».

$\mathcal{E}p$ обозначает утверждение «имеется эмпирическое (апостериорное) знание, что p ».

$\neg Ap$ – высказывание «неверно, что имеется априорное знание, что p ».

$\neg \mathcal{E}p$ – высказывание «неверно, что имеется эмпирическое знание, что p ».

$\neg Kp$ – высказывание «неверно, что имеется знание (настоящее), что p », т. е., иначе говоря, «имеется незнание, что p ».

Символы \neg , $\&$, \vee , \equiv , \supset , \diamond обозначают логические операции: «отрицание», «конъюнкцию», «(слабую) дизъюнкцию», «эквивалентность», «импликацию», соответственно, а символ \diamond обозначает алетическую модальность «возможно».

Используя термины алетической модальной логики и модальность Kp эпистемической модальной логики, значение рассматриваемых в данной статье специфических эпистемологических модальностей Ap и $\mathcal{E}p$ можно определить следующим образом.

Def-1: $Ap \equiv (Kp \& \neg \diamond \neg p)$.

Def-2: $\mathcal{E}p \equiv (Kp \& \diamond p)$: принцип фальсифицируемости (с полным основанием этот принцип можно было бы назвать принципом случайности).

В настоящей статье выносятся на обсуждение следующий тезис: если определения Def-1 и Def-2 принимаются, то система логи-

ческих взаимоотношений между стратегически важными для философской теории знания модальностями Kp , Ap , $\mathcal{E}p$, $\neg Ap$, $\neg \mathcal{E}p$, и $\neg Kp$ может быть представлена в виде следующей ниже наглядной графической модели (рисунок 1).

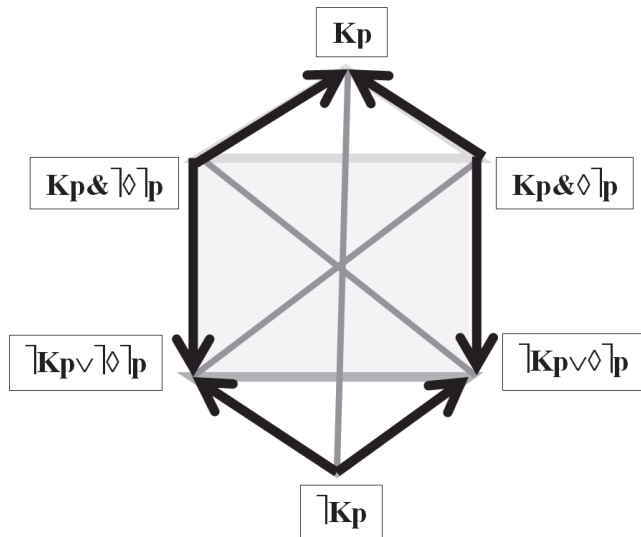

Рисунок 1 – Логический квадрат и гексагон эпистемических модальностей (связь знания, необходимости и случайности)

На рисунке 1 стрелки обозначают отношение логического следования. Линии, пересекающие квадрат, обозначают отношение контрадикторности. Верхняя горизонтальная линия квадрата – контрарность. Нижняя – субконтрарность.

На уровне предложенной графической модели видно, что характеристика всякого *настоящего* знания как эмпирического (апостериорного), в частности, научного (знания) ошибочна. В общем виде утверждения ($Kp \equiv \mathcal{E}p$), ($\neg \mathcal{E}p \supset \neg Kp$) неверны. Сциентизм (scientism), отвергающий метафизическое (априорное) знание как таковое, объявляющий его не (настоящим) знанием, а бессмыслицей, чрезмерно упрощает ситуацию в эпистемической логике и эпистемологии вообще.

На уровне предложенной выше графической модели (рисунок 1) видно также, что характеристика всякого *настоящего* знания как метафизического (априорного), тоже ошибочна.

В общем виде утверждения ($Kp \equiv Ap$), ($\neg Ap \supset \neg Kp$) неверны. В древнегреческой эпистемологии упомянутая ошибочная метафизическая (абсолютистская) парадигма длительное время была вполне уважаемой и даже во многих случаях *доминирующей*. В средневековой Европе влияние указанной метафизической (абсолютистской) парадигмы в эпистемологии постепенно ослабевало и, наконец, со времен Галилео Галилея она сначала медленно, а затем в ускоренном темпе начала уступать свои позиции эмпирическому естествознанию. В свете доминирующей в настоящее время парадигмы эмпирического знания (в особенности с точки зрения *сциентизма*) античный *агностицизм* [1; 2; 7–9; 15–17; 22–27] – загадочная нелепость: он явно абсурден. Например, анализируемое Аристотелем учение Платона о *невозможности знания материи*, постоянно текущего, чувственно воспринимаемого [1, с. 79] удивительно, возмутительно, парадоксально, с точки зрения эпистемологии эмпиризма. Это учение возмутительно, так как, с указанной точки зрения, совершенно очевидно, что эмпирическое знание чувственного (материального) мира возможно, хотя оно и не является (абсолютно) всеобщим и необходимым, а допускает свою случайность и возможность своей *фальсификации* [10–13]; в принципе, *возможно и иное* (положение вещей). Именно поэтому в качестве определения эмпирического (апостериорного) знания выше была использована эквивалентность $\mathcal{E}p \equiv (Kp \& \diamond p)$: принцип фальсифицируемости.

Но, если выйти за рамки доминирующей в наше время парадигмы эмпиризма в теории знания, и, руководствуясь принципом историзма, «вжиться в образ» древнегреческого философа-пифагорейца, или элеата, или платоника, то можно заметить, что якобы возмутительный тезис античного агностицизма о невозможности (*настоящего*) знания материальных (случайных) вещей на самом-то деле вполне адекватен (совершенно рационален). Иллюзия парадоксальности (ошибочное впечатление о возмутительности) агностицизма Платона в отношении материи – результат психологи-

чески незаметной, но логически незаконной подмены понятий (античный абсолютистско-метафизический термин «знание» подменяется современным релятивистско-эмпирическим). В том специфическом конкретном значении (абсолютистском), которое многие античные греческие философы вкладывали в слово «знание» (*настоящее знание*), чувственные вещи действительно не могут быть предметом знания, так как его предмет – нечто всеобщее, необходимое и неизменное. Например, известный историк философии В.Ф. Асмус справедливо отмечал, что предметом *настоящего* знания, согласно Аристотелю, является *существенное, т. е. общее и необходимое, существующее постоянно* [2, с. 35–38].

Если употреблять слово «эпистеме» в указанном выше уважаемом древнегреческом значении словосочетания «*настоящее знание*», то *эпистеме не допускает своей фальсификации*; если положение вещей действительно известно (*настоящее знание* о нем существует), то *иное* положение вещей *невозможно* в принципе. Именно поэтому в качестве определения метафизического (априорного) знания существенного, т. е. общего и *необходимого*, выше была использована эквивалентность $Ap \equiv (Kp \& \Box p)$.

Согласно рисунку 1 и дефинициям Def-1 и Def-2, между эпистемологическими модальностями Ap и $\mathcal{E}p$ имеет место отношение *контрарности*: Ap и $\mathcal{E}p$ не могут быть одновременно истинными, но могут быть одновременно ложными. А вот *контрадикторности* между ними нет: Ap и $\mathcal{E}p$ не являются взаимоотрицающими высказываниями. Отношения *контрадикторности* имеют место между элементами пар: $\langle Ap, \neg Ap \rangle$, $\langle \mathcal{E}p, \neg \mathcal{E}p \rangle$, $\langle Kp, \neg Kp \rangle$.

Между отсутствием эмпирического знания ($\neg \mathcal{E}p$) и отсутствием априорного знания ($\neg Ap$) имеет место отношение *субконтрарности*: $\neg Ap$ и $\neg \mathcal{E}p$ не могут быть одновременно ложными, но могут быть одновременно истинными.

В представленном на рисунке 1 логическом квадрате отношение *субординации* имеет место в двух случаях: 1) Ap подчи-

няет себе $\neg p$, так как $(Ap \supset \neg p)$, поскольку $((Kp \& \neg p) \supset (\neg Kp \vee \neg p))$. В свою очередь, 2) $\neg p$ подчиняет себе $\neg Ap$, так как $(\neg p \supset \neg Ap)$, поскольку $((Kp \& \neg p) \supset (\neg Kp \vee \neg p))$.

С точки зрения существующего в наше время чрезвычайно сложного и богатого выразительными возможностями аппарата символической логики, содержащего в себе множество неклассических конструкций, использованные в данной статье логические средства элементарны. Они сводятся к классической алетической модальной логике, объединенной с классической эпистемической модальной логикой, и с традиционным формально-логическим учением о логическом квадрате простых атрибутивных суждений А, Е, I, О. Тем не менее, на мой взгляд, содержание настоящей статьи содержит элементы научной новизны. Логический квадрат суждений А, Е, I, О используется в ней не прямо, а косвенно: по аналогии. Систематически используя *прецедент* логического квадрата и (содержащего его в себе) логического гексагона, автор предлагает их качественно новую, а именно, эпистемологическую интерпретацию, ранее не встречавшуюся в логико-философской литературе.

Эта принципиально новая (эпистемологическая) интерпретация логического квадрата и гексагона дает возможность иначе взглянуть на некоторые важные философско-теоретические и историко-философские проблемы, рассмотренные Яакко Хинтиккой в процессе логико-эпистемологических исследований истории античной философии знания [15; 25–27]. Более того, по моему мнению, рассмотренный логико-эпистемологический гексагон может быть использован также для анализа и «снятия» противоречия не только Поппера [10–13] с Платоном [7–9; 23; 24] и Парменидом [22], но и Локка [6], Кондильяка [4], Юма [16; 17], Канта [3] с Лейбницем [5].

Но определения Def-1, Def-2 и рисунок 1 относятся к взаимосвязи знания с необходимостью и случайностью, а один из важнейших аспектов конфликта сенсуалистов с рационалистами относится в значительной мере к взаи-

мосвязи знания с ощущениями (чувственными восприятиями). Как этот сенсуалистический аспект проблемы может быть представлен на уровне логического квадрата и соответствующего ему гексагона? Для ответа на этот вопрос введем в используемый искусственный язык дополнительные символы и дадим новые дефиниции обсуждаемых понятий. Пусть символ Ψp обозначает высказывание «при некоторых условиях в некотором пространстве-времени некий субъект имеет (*непосредственное или опосредованное* приборами) ощущение, что p ». Используя «сенсуалистическую модальность» Ψp , можно заменить приведенные выше дефиниции Def-1 и Def-2 на следующие ниже, соответственно.

Def-3: $Ap \equiv (Kp \& \neg \Psi p)$.

Def-4: $\neg p \equiv (Kp \& \Psi p)$: принцип верифицируемости.

Если эти определения принимаются, то система логических взаимоотношений между обсуждаемыми эпистемологическими модальностями может быть представлена в виде следующей ниже наглядной графической модели (рисунок 2).

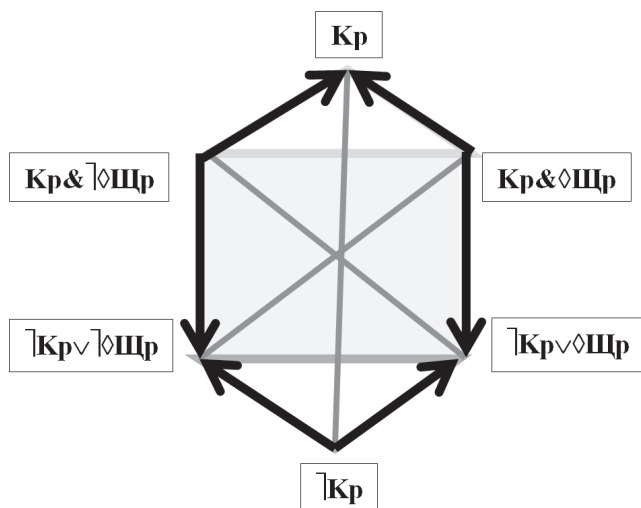

Рисунок 2 – Логический квадрат и гексагон эпистемических модальностей: связь знания и ощущения (чувственного восприятия)

1. Аристотель. Метафизика // Соч. в 4-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1975. – С. 63–550.
 2. Асмус В.Ф. Метафизика Аристотеля // Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1975. – С. 5–62.
 3. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Эксмо, 2012. – 736 с.
 4. Кондильяк Э.Б. Трактат об ощущениях // Э.Б. де Кондильяк. Соч. в 3 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1982. – С. 189–399.
 5. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении // Соч. в 4 т. – М.: Мысль, 1983. Т. II. – С. 47–545.
 6. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Соч. в 3 т. – М.: Мысль, 1985. Т. 1. – С. 78–582; Т. 2. – С. 3–201.
 7. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид. – М.: Мысль, 1999. – 528 с.
 8. Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор. – М.: Мысль, 1999. – 864 с.
 9. Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий. – М.: Мысль, 1999. – 656 с.
 10. Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
 11. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. – М.: Культурная инициатива, 1992. – 446 с.
 12. Поппер К.Р. Логика научного исследования. – М.: Республика, 2005. – 447 с.
 13. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: АСТ, 2008. – 638 с.
 14. Соколов В.В. Философский синтез Готфрида Лейбница // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. – М.: Мысль, 1983. Т. I. – С. 3–77.
 15. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.
 16. Юм Д. Исследование о человеческом разумении. – М.: Прогресс, 1995. – 237 с.
 17. Юм Д. Трактат о человеческой природе. – Минск: Попурри, 1998. – 720 с.
 18. Beziau J. – Y. and Payette G. (eds.). The square of opposition: a general framework for cognition. Bern; N.Y.: Peter Lang, 2012. – 503 p.
 19. Beziau J. – Y. The Power of the Hexagon // Logica Universalis. – 2012. – Vol. 6. – No. 1–2. – P. 1–43.
 20. Blanch R. Structures intellectuelles. Essaisurl'organisationsyst matique des concepts. Paris: Vrin, 1966. – 151 p.
 21. Dufatanye A. – A. From the Logical Square to Blanch's Hexagon: Formalization, Applicability and the Idea of the Normative Structure of Thought // Logica Universalis. 2012. – Vol. 6. – No. 1–2. – P. 45–67.
 22. Guthrie W.K.C. A History of Greek Philosophy. Vol. II: The Presocratic Tradition from Parmenides to Democritus. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. – 554 p.
 23. Guthrie W.K.C. A History of Greek Philosophy. Vol. IV: Plato: The Man and his Dialogues: Earlier Period. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1975. – 603 p.
 24. Guthrie W.K.C. A History of Greek Philosophy. Vol. V: The Later Plato and the Academy. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1978. – 539 p.
 25. Hintikka J. Knowledge and belief. An introduction to the logic of the two notions. Ithaca: Cornell university press, 1962. – 179 p.
 26. Hintikka J. Knowledge and the known. Historical perspectives in epistemology. Dordrecht-Boston: D. Reidel, 1974. – 243 p.
 27. Hintikka J., Hintikka M.B. The logic of epistemology and the epistemology of logic. Selected essays. Dordrecht, etc.: Kluwer, 1989. – 245 p.
-
1. Aristotel'. Metafizika // Soch. v 4-x t. T. 1. – M.: Mysl', 1975. – S. 63–550.
 2. Asmus V.F. Metafizika Aristotelya // Aristotel'. Soch. v 4-x t. T. 1. – M.: Mysl', 1975. – S. 5–62.
 3. Kant I. Kritika chistogo razuma. – M.: E'ksmo, 2012. – 736 s.
 4. Kondil'yak E'.B. Traktat ob oshhushheniyax // E'.B. de Kondil'yak. Soch. v 3 t. T. 2. – M.: Mysl', 1982. – S. 189–399.
 5. Lejbnic G.V. Novye opyty o chelovecheskom razumenii // Soch. v 4 t. – M.: Mysl', 1983. T.II. – S. 47–545.
 6. Lokk Dzh. Opyt o chelovecheskom razumenii // Soch. v 3 t. – M.: Mysl', 1985. T. 1. – S. 78–582; T. 2. – S. 3–201.
 7. Platon. Fedon, Pir, Fedr, Parmenid. – M.: Mysl', 1999. – 528 s.
 8. Platon. Apologiya Sokrata, Kriton, Ion, Protagor. – M.: Mysl', 1999. – 864 s.
 9. Platon. Fileb, Gosudarstvo, Timej, Kritij. – M.: Mysl', 1999. – 656 s.
 10. Popper K.R. Logika i rost nauchnogo znaniya. – M.: Progress, 1983. – 605 s.
 11. Popper K.R. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi. T. 1: Chary Platona. – M.: Kul'turnaya iniciativa, 1992. – 446 s.
 12. Popper K.R. Logika nauchnogo issledovaniya. – M.: Respublika, 2005. – 447 s.
 13. Popper K.R. Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya. – M.: AST, 2008. – 638 s.
 14. Sokolov V.V. Filosofskij sintez Gotfrida Lejbnica // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. – M.: Mysl', 1983. T.I. – S. 3–77.
 15. Xintikka Ya. Logiko-e'pistemologicheskie issledovaniya. – M.: Progress, 1980. – 447 s.
 16. Yum D. Issledovanie o chelovecheskom razumenii. – M.: Progress, 1995. – 237 s.
 17. Yum D. Traktat o chelovecheskoj prirode. – Minsk: Popurri, 1998. – 720 s.
 18. Beziau J. – Y. and Payette G. (eds.). The square of opposition: a general framework for cognition. Bern; N.Y.: Peter Lang, 2012. – 503 p.
 19. Beziau J. – Y. The Power of the Hexagon // Logica Universalis. – 2012. – Vol. 6. – No. 1–2. – P. 1–43.
 20. Blanch R. Structures intellectuelles. Essaisurl'organisationsyst matique des concepts. Paris: Vrin, 1966. – 151 p.
 21. Dufatanye A. – A. From the Logical Square to Blanch's Hexagon: Formalization, Applicability and the Idea of the Normative Structure of Thought // Logica Universalis. 2012. – Vol. 6. – No. 1–2. – P. 45–67.
 22. Guthrie W.K.C. A History of Greek Philosophy. Vol. II: The Presocratic Tradition from Parmenides to Democritus. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. – 554 p.
 23. Guthrie W.K.C. A History of Greek Philosophy. Vol. IV: Plato: The Man and his Dialogues: Earlier Period. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1975. – 603 p.

24. Guthrie W.K.C. A History of Greek Philosophy. Vol. V: The Later Plato and the Academy. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1978. – 539 p.

25. Hintikka J. Knowledge and belief. An introduction to the logic of the two notions. Ithaca: Cornell university press, 1962. – 179 p.

26. Hintikka J. Knowledge and the known. Historical perspectives in epistemology. Dordrecht-Boston: D. Reidel, 1974. – 243 p.

27. Hintikka J., Hintikka M.B. The logic of epistemology and the epistemology of logic. Selected essays. Dordrecht, etc.: Kluwer, 1989. – 245 p.

UDC 1 (091) + 16

EXPLICATING STATUS OF LOGICAL-PHILOSOPHICAL PRINCIPLES OF FALSIFIABILITY AND VERIFIABILITY (OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE) IN PHILOSOPHICAL EPISTEMOLOGY (Logical Squares and Hexagons of Epistemic Statements)

Vladimir Lobovikov,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Annotation

The paper submits a non-traditional interpretation of the logical square and of the result of its development – the logical hexagon, which interpretation gives a possibility of logically consistent synthesis of two mutually excluding paradigms in philosophical epistemology. The first one is the ancient Greek conception of episteme as such a necessary rational knowledge which cannot be falsified on principle. The second one – the modern conception of positivist epistemology, which insists upon both: the verifiability and the falsifiability of any (scientific) knowledge derived from experience. The relation between these conceptions seems to be the contradictoriness. However in this paper it is demonstrated that it only seems so, as the relation between the indicated doctrines is not the contradictoriness but the contrariety. In the paper the synthesis of the seemingly quite contradictory doctrines is represented as a logical-opposition-square (and hexagon) of epistemic statements.

Key words:

epistemic-logic, empirical, scientific, knowledge, a-priori, Parmenides, Plato, Popper, falsifiability, verifiability, contradictoriness, contrariness, sub-contrariness, square-of-opposition, hexagon-of-opposition.

УДК 1 (091) + 16

МЫ И НАШИ ПРОЕКЦИИ: ПСИХОАНАЛИЗ И ПОЛИТИКА. Диалоги с Александром Кантором

Фан Ирина Борисовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: irina-fan@yandex.ru

Аннотация

В беседе обсуждаются возможности психоанализа в исследовании современных политических лидеров и психологии масс. Особое внимание уделяется проблеме болезненности сознательной рефлексии большинства россиян над собственным бессознательным, а также проблеме экзистенциальной травмы, переживаемой населением после распада СССР и тем способам ее «лечения», которые предлагает президент В.В. Путин.

Ключевые слова:

психоанализ, политика, политический лидер, психология масс, бессознательное, либидо.

Александр Матвеевич Кантор (1950, Москва) – историк, кандидат исторических наук, и психолог, специализирующийся в области психоанализа и глубинной психологии, докторант психологии; преподаватель вуза, консультант учреждений психологической помощи.

И.Ф.: Александр Матвеевич, давайте начнем наш разговор с обсуждения самого метода психоанализа, его возможностей и границ. Сейчас можно встретить множество материалов на политические темы, в названии которых упоминается слово «психоанализ», и зачастую в совершенно неадекватных значениях. Обилие публицистической и биографической литературы о политиках, и в первую очередь, о В.В. Путине, не ведет к объективному познанию, не способствует раскрытию «тайны» и сути их личности, соответствия стиля деятельности и управления этих политиков акту-

альным задачам, стоящим перед российским обществом и государством. Что Вы думаете по поводу непрофессионального использования элементов психоанализа?

А.К.: Психоанализ давно доказал свою состоятельность в понимании сложных и глубоких – как личностных, так и социокультурных проблем, а также свою применимость в терапии и даже в управлении. Что касается феномена политического лидерства, то это, по сути, ядро психоаналитических концепций, описывающих иллюзии и коллизии детско-отцовских отношений, лежащих в основе и политической власти. Психоаналитическое мышление в узком смысле, как род осознания скрытых мотивов и переживаний, было всегда присуще подлинным мыслителям, философам и художникам. Чаще всего в этом ряду упоминают Ф.М. Достоевского. Уместно вспомнить и А.С. Пушкина, который устами Самозванца в «Борисе Годунове» задолго до открытий З. Фрейда вполне психоаналитично определил сакрально-родительский характер российской власти:

«Я знаю дух народа моего:
В нем набожность не знает исступленья,
Ему священ (!-А.К.) важней пример царя его».

Впрочем, это касается и обычных людей. Возьмите фольклор, русский или других народов, в нем содержится немало пронизательных суждений подобного рода. Например, о власти: «чело (т.е. лоб) свербит, да вот кланяться некому», или о роли первичных фаз развития: «с каким обычаем в колыбельку, с таким и в могилку», или о механизме проекции и переноса: «сам по себе знает, да на других лает» и т.д. Конечно, психоанализ как наука и практика исцеления, несомненно, требует профессионального владения теоретическими представлениями и практическими умениями и навыками.

И.Ф.: Ведущие специалисты в области политической психологии давно и плодотворно исследуют типы политического лидерства, достаточно назвать М. Вебера, Г. Лассуэла, Д.М. Бернса, Ж. Блонделя, В.Д. Джоунса, М. Херманн, Е. Кобланскую, Е. Лобковскую

и других. Все эти авторы профессионалы, стремящиеся создать объективное и принципиально нейтральное описание лидеров. Есть авторы, применяющие психоанализ к современным политикам. Встречаются и статьи, посвященные непосредственно личности нынешнего российского президента. Однако после чтения некоторых из статей остается ощущение недосказанности, того, что суть личности осталась не выявленной или, как минимум, не открытой для публики. Авторов скорее волнует его имидж в восприятии населения, нежели главные мотивы его политического поведения или сама его личность. Некоторые волны относительного снижения рейтинга В. Путина или небольшие негативные тенденции в эффективности его имиджа в публичном пространстве, рассматриваемые в подобных текстах, выглядят (или являются?) скорее советами для имиджмейкеров и пиарщиков, нежели отвечают на вопрос о способности данного лица адекватно решать проблемы общества. Каково Ваше отношение к такому взгляду на политическое лидерство?

А.К.: Я думаю, Вы правы. На мой взгляд, подобные статьи носят политтехнологический характер. Скорее всего, они написаны по заказу – либо Кремля, либо по заказу «собственного сердца», и являются, по сути, проекцией желаний авторов видеть В. Путина таковым, как они о нем пишут. Мне как-то попались несколько публикаций российских и зарубежных авторов, приписывающих Путину целый набор идентичностей: он и государственный, и рыночник, и консерватор, и новатор, и диктатор... и т.д. – в одном флаконе. И президент действительно дает тому основания. И, прежде всего, собственным имиджем. Мы наблюдали по телевидению полеты Путина за штурвалом самолета, потом с птицами, его погружение в море на подводной лодке, ныряние за амфорами. Мы могли видеть, как он входил в клетки с дикими животными, которые его принимали спокойно, а на прочих рычали и кидались. Мы могли слышать, пусть в шутку, его игру на фортепьяно и пение. Сам В.В. Путин говорил о своем президентстве как о «рабстве на галерах». В общем, это почти Петр Великий по А.С. Пушкину: «... То академик, то герой,

то мореплавателю, то плотнику. Он всеобъемлющей душой на троне вечный был работник». Имидж, придающий фантазии избирателей самый широкий ассоциативный и, разумеется, позитивный простор. И, полагаю, более чем востребованный правящим классом России, который Путин возглавляет. Культурный антрополог, исследующий первобытные общества, сравнил бы нашего президента с шаманом, способным путешествовать в трех мирах – небесном, земном и подземном. И это сравнение было бы явно в пользу Путина, который присутствовал в этих мирах куда реальнее, нежели шаман. В очень ранних обществах, точнее, общинах военный вождь также являлся вождем духовным, то есть шаманом. Собственно, и сам Путин подыгрывает подобным определениям, например, репрезентируя себя через воинственные образы киплинговского «Маугли». Профессор А.И. Белкин еще в самом начале путинского президентства писал о сочетании в его характере черт выносливого, спокойного верблюда и взрывной, пластичной рыси [3]. Можно вспомнить и другие политические метафоры – ястреба плюс голубя, а согласно классификации В. Парето, лисы и льва. Некоторые современные политологи предпочитают применять к политике Путина модное понятие «гибридности».

И.Ф.: Стереотипный образ работы психоаналитика, сложившийся под влиянием массовой культуры, это кушетка, врач и пациент один на один, долгие разговоры этих двоих о детских травмах, эдиповом комплексе и т.д. Занимается ли психоанализ массовым сознанием и массовыми настроениями людей, и в какой мере?

А.К.: Разумеется. Открытия З. Фрейда и созданные им идеи и теории индивидуального бессознательного обладают колоссальным антропологическим потенциалом, поэтому они сразу же были распространены на проблемы социальной психологии, психологии масс. Особенно важны в данном контексте представления З. Фрейда о массе как особым образом организованной толпе, связанной внутри себя отношениями между индивидами и привязанной к вождю «либидозным» образом [12, с. 824]. Эта связь толпы и вождя основана

на либидо – эротической энергии влечения. Именно поэтому толпа обретает свойства компульсивности, навязчивости, и аффективности, предельной эмоциональности. Иначе говоря, масса именно «влюблена» в вождя (лидера, президента). Она максимально себя с ним идентифицирует, одновременно испытывая ненависть к чужой массе, любящей своего (чужого) вождя. Более того, З. Фрейд считал, что в массе оживает первобытная орда, отсюда сходство массы и орды. Вышесказанное я смею отнести к современному российскому обществу, которому по многим причинам присуща варваризация и даже одичание. Но это очень серьезный вопрос, который следует обсуждать отдельно. Мне приходилось об этом говорить в интервью Т. Антоновой [2].

И.Ф.: Много, что пишется о состоянии массового сознания россиян, о российской ментальности, весьма правдоподобно. В психоаналитической традиции по отношению к этому состоянию подчеркиваются моменты незрелости, инфантильности, недоразвития, зависимости, несамостоятельности и т.п. С этими характеристиками трудно не согласиться, поскольку за ними – давняя традиция рефлексии самосознания российской культуры в целом, и политических ее аспектов, в частности. Вы, Александр Матвеевич, и другие психоаналитики в ряде своих статей говорили о Тени, о болезненности процесса сознательной рефлексии над собственным бессознательным у большинства россиян. Можно вспомнить и весьма яркую характеристику массового сознания, осуществленную А. Белкиным [3]. Он говорил о травме, переживаемой населением после распада СССР, о глубоком чувстве унижения. Все это так и не совсем так. Можно обвинять россиян в стремлении отрицать свой негативный образ. Этот образ фиксируется, с одной стороны, социологами – например, представителями Левада-Центра, достаточно вспомнить понятие негативной идентичности Л. Гудкова [5], с другой стороны, психологами и психоаналитиками – Вами [6], А. Сосландом [11] и рядом других авторов. Как правило, вслед за таким, зачастую весьма убедительным и аргументированным диагнозом, идет либо нормативная картинка «хорошего»

западного общества и человека, либо пессимистические ссылки на константы российской цивилизации и вытекающую из них неизменность нашей ментальности и бесперспективность модернизации «по западным образцам». Никакого позитивного выхода не показывается. Давайте поставим себя на место человека, которому говорят: ты не вполне цивилизованный инфантил, находящийся в полной зависимости от власти, обожеествляющий эту самую власть, идентифицирующий с ней, а она порочна, но твое сознание этого не видит, тебе надо расти над собой и т. д. Но перспектива, будущее, позитивное, доброе в ментальности этого россиянина мало или вообще не показывается. Как на это реагирует человек? Сначала он задумывается, соглашается – с одной негативной характеристикой, с другой, третьей, но когда этих негативных моментов оказывается слишком много, а позитивных почти нет, реакция начинает меняться. Этот человек смотрит на тех, кто ему это говорит? Оказывается, что это говорят ему «американцы, западники, либералы, евреи» и «гнилая интеллигенция». Откуда-то берется много конспирологических версий событий, направляющих эту реакцию и это восприятие. От рефлексии человек переходит к логике обвинения и подозрительности и поискам внешнего и внутреннего врага. В частности, в массовых настроениях по поводу сегодняшней ситуации вокруг Украины и участия в ней России поднялась огромная волна консерватизма, ностальгии по СССР, своеобразного патриотизма, фундаментализма и т. д. В этой волне просматривается некий отклик на травму, возникшую в результате распада СССР, тоска по позитивному самовосприятию и самоощущению. Вместо работы над собой в российском самосознании включается комплекс разделения на «мы» и «они» (своичужие, друзья-враги), реваншизм и все остальное. Вопрос в следующем: не кажется ли Вам, что в анализе психологии массовых настроений должны быть все же отмечены объясняющие, в какой-то мере оправдывающие и позитивные моменты, на которые можно было бы опереться, чтобы массы могли строить свое будущее с верой в себя, что критика и самокритика должны быть более конструктивными?

А.К.: Думаю, что сказанное Вами в отношении «оправдывающих и позитивных моментов» и «конструктивной» критики и самокритики, как это следует из цитированных идей Фрейда, к массам относиться не может. Рефлексия как способность критически отражать, воспринимать окружающий мир и самого себя, вырабатывать конструктивные идеи и ценности – удел исключительно индивидуальных личностей, субъектов, ответственных за собственное мышление и поведение. И это процесс сознательный, которым занимаются психоаналитики уже постфрейдовского, последнего поколения. В этой связи заслуживают внимания работы социологов и когнитивных антропологов, особенно, Ш. Айзенштадта [1]. Он исследовал роль в культуре и обществе «интеллектуальных очагов», малых групп, состоящих из увлеченных пассионарных, харизматических личностей, ориентированных на «спасение». Таковыми в истории человечества были не только религиозные, но и светские мыслители. Отдельный вопрос, существуют ли подобные «конструктивные» интеллектуальные очаги в нашей стране...

И.Ф.: Теперь о возможностях психоанализа в исследовании личности политических лидеров. Возможен ли психологический анализ политика заочно и насколько адекватным он будет? Ведь политики зачастую весьма скупы делятся информацией о себе, тем более сложно найти информацию о детских психологических травмах и кризисах. При обилии литературы о В.В. Путине, самая важная для психоанализа информация содержится, на мой взгляд, лишь в книге «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» [9]. Книга вышла под исключительным контролем самого президента. Известны ли другие источники информации о психологии В. Путина, что-либо кроме того, что он сообщил о себе в этой книге?

А.К.: А разве прочее – поступки, решения, изречения президента таковыми источниками не являются? Некоторых мы уже касались выше.

И.Ф.: В этой книге есть некоторые «говорящие» детали, например, дед В.В. Путина был поваром в семье В.И. Ленина, а потом кормил и И. Сталина. Здесь есть какая-то личная нить,

связывающая В. Путина и «отца народов». Или еще один интересный момент времени перестройки: периода массового энтузиазма первых лет реформ в России семья В. В. Путина не видела, они в это время были в ГДР. Имеют ли эти детали какое-то значение?

А.К.: В свете психоанализа я обратил бы внимание на семью В. Путина, прежде всего, на строгого отца, часто ругавшего сына за плохие отметки в школе. Ортодоксальный психоаналитик может рассматривать поведение Путина как проработку им открытого Фрейдом «комплекса Эдипа» – страха пред отцом и соперничества с ним. Президент как бы продолжает диалог с уже покойным отцом, доказывая ему собственную состоятельность: смотри – кем я стал, чего я достиг в своей жизни.

И.Ф.: В книге «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» есть и такой фрагмент. На вопрос журналиста: «Вам хочется быть президентом или не хочется?» он ответил: «Да. Это приятное чувство ответственности». Как это можно проинтерпретировать?

А.К.: По-моему, это также одно из подтверждений эдипальных переживаний Путина и, тем самым, одна из точек его роста как личности, субъекта, того, о чем сейчас говорят: «мужчина сказал – мужчина сделал».

И.Ф.: Известна Ваша статья «Политика глазами психоаналитика» [7], а также интервью А. Ваганову «Путин. Опыт политического психоанализа» [4], где Вы дали психологический портрет второго президента РФ в первый период его правления. Что можно сказать об изменениях, динамике его личности на фоне прошедших четырнадцати лет? И есть ли вообще какие-то изменения, может быть, сейчас на наших глазах происходит полная реализация его изначальных планов?

А.К.: Многие из журналистов и политологов отмечают большую уверенность в себе Путина, большую зрелость как политика и, я бы добавил, весомость его личности.

И.Ф.: В упоминаемой уже нами книге, то есть в начале своего президентства В. В. Путин говорил, что хотел бы, чтобы граждане воспринимали его как человека, которого наняли на работу на четыре года. В настоящее время он не говорит ничего подобного и все

идет к тому, что срок его пребывания на данном посту не будет ограничен по времени. Что-то произошло с личностью нашего президента или те слова были декларацией с самого начала?

А.К.: Здесь я бы отметил такой факт, что президент и вообще любой политический деятель не может не зависеть от «свиты, играющей короля». Вряд ли эта свита однородна. Так что на президента распространяется и другая сторона «комплекса Эдипа»: ведь теперь он – сам «отец», с которым явно или скрыто конкурируют его «сыновья». Кстати, как Вы знаете, вождю в архаическом обществе, при всей его абсолютной власти постоянно угрожала гибель – в случае утраты им властных качеств, ибо это сказывалось на судьбе руководимого им племени. Если последнее происходило, то согласно древнейшим обычаям, его могли и должны были! отправить, как говаривали римляне *ad patres* (к праотцам), дабы он, вождь-отец, мог уже непосредственно обратиться к ним за помощью. Данный обычай дошел до нас и в русской поговорке: «не было отца – купил бы его; был бы отец – убил бы его». В общем, такой вождь должен уметь выживать, быть сурвивалистом (термин англоязычных психологов от *survive* – выживание).

И.Ф.: Александр Матвеевич, как Вы думаете, почему рейтинги В. В. Путина почти при любой ситуации оказываются высокими? Понятно, что включены механизмы манипуляции общественным мнением, но эти механизмы не могут не опираться и на реальные настроения масс. Почему большинство населения не осознает неэффективности его системы управления экономикой и другими сферами общества, почему общественное мнение не видит весьма серьезных его просчетов, ошибок, промахов, его весьма осторожного поведения даже во времена трагедий и катастроф, таких как «Курск», «Норд-Ост», Беслан? Почему народ не только одобрил В. В. Путина в качестве преемника Б. Н. Ельцина, но и спустя 14 лет признает его легитимность или, по А. Белкину, «живет в браке» с ним, не «разводится»? Неужели изначальный кредит доверия еще не исчерпан? Или еще одна версия: неужели тот образ Путина, в котором воплотились

ожидания масс в 2000-е годы, дает политические результаты в нынешнее время, то есть те начальные ожидания масс сбываются и реализовываются? Получается, что все эти годы В.В. Путин готовился к какой-то войне?

А.К.: Какими могут быть «реальные настроения масс» в условиях выживания: тотальная коррупция, полуфеодалная система власти, криминальная бюрократия и т.д. и т.п. О положении пенсионеров, молодежи из небогатых (стало быть, бедных семей) можно даже не упоминать. Впрочем, подобное можно сказать и о состоятельных слоях населения, испытывающих страхи перед возможным рейдерским захватом собственности. Всеобщая психотравматизация общества: «спасайся, кто может». Хаотичный мир, перевернутый приХватизацией «лихих 90-х», почти по Оруэллу («1984»), где «мир – это война», «свобода – это рабство»; можно добавить: «демократия – это грабеж», «справедливость – это обман»... Чернуха в жизни и на экране, какая-то треш (от англ. trash) мусорная, или «культура жопы» (извините, но именно так определяют ситуацию, сложившуюся в российской массовой культуре, специалисты по эстетике безобразного) окружает наше общество. Ситуация выживания инициирует, согласно современному психоанализу (М. Кляйн), «параноидно-шизоидную позицию» личности [8], расщепленность ее связей с миром и самой собой, страхи преследования. По-моему, мы вправе описывать эту ситуацию в терминах военного положения. Путин пришел к власти, начиная с 1999 г., если помните, на фоне взрывов как «спаситель»! И для него как человека спецслужб, которые даже в мирное время находятся всегда «на посту», «на боевом дежурстве», как и для таких же профессионалов война «как мать родна»! Тогда о каком разводе с «отцом», «вождем», «шаманом» может идти речь в данной экстремальной ситуации?! Совсем наоборот: главное – держаться за него! Почему-то вспомнился А. Галич: «мы стоим за дело мира, мы готовимся к войне...».

И.Ф.: Значит ли это, что В.В. Путин – это очередная проекция бессознательных представлений населения на первое лицо государства, проекция страхов и надежд, плод вооб-

ражения, фантазий и желаний? В чем тайна его привлекательности среди женской части населения? И каково соотношение манипуляции и «естественной любви» в его образе?

А.К.: Давно замечено, что масса мазохистична, во всяком случае, жертвенна, а значит и женственна. И почему бы ей не хотеть от Путина «ребенка» – надежды на лучшее? Кстати, такую фантазию недавно озвучила депутат Госдумы Е. Мизулина, предложив рассылать патриотически настроенным женщинам «генетический материал» президента. Чего здесь больше – манипуляции или любви? По-моему, не считите за «мужской шовинизм», в любой женщине оба этих качества уживаются. Да, в конце концов, «муж и жена – одна сатана»...

И.Ф.: Психологический портрет В.В. Путина, созданный А. Белкиным в книге «Вожди или призраки» [3], опирается на работы классиков психологии, размышлявших о вождях, тоталитаризме, фашизме – Э. Фромма [13], Д. Ранкура-Лаферриера [10], Э. Эриксона [15] и других. При осмыслении этого материала возникает множество аналогий и параллелей с одиозными вождями. Однако вряд ли стоит делать скоропалительные выводы и ставить знак тождества между В.В. Путиным и, скажем, Гитлером или даже Сталиным. Почему-то нет ощущения, что в В.В. Путина российский народ «впал» подобно тому, как это произошло с немецкой нацией. Вообще, есть ли у Путина харизма? Ведь до сих пор ведутся дискуссии о том, благодаря чему он стал президентом. Что если он исключительно искусственно сконструированный фантом, «робот», плод специально организованной коллективной галлюцинации?

А.К.: Да, пусть «фантом» или «робот», но вряд ли галлюцинация. Во всяком случае, «тоталитарный объект» (М. Шебек) [14] – это своего рода спасающий компонент народной и вообще всякой человеческой психики, и он «включается» (актуализируется) именно в кризисные моменты существования психики. В данном случае, «тоталитарный объект» спроецирован на президента, от которого, соответственно, ждут и «тотального» спасения от сил зла.

И.Ф.: Давайте посмотрим на окружение В.В. Путина, на его отношения с разными группами и отдельными лицами в самом узком круге политической элиты. Исследования Б. Дубина, Л. Гудкова, О. Крыштановской и других показывают, что в последние 14 лет доминирующее положение в элите заняли представители силовых структур. Какова степень влияния силовиков на политические решения, принимаемые В.В. Путиным, и наоборот, насколько самостоятелен, автономен от силовиков он сам? Он действительно «железная стрела» (выражение Б.Н. Ельцина), «Хозяин»?

А.К.: Ну, о «свите, играющей короля» я уже говорил выше. А силовые структуры это, конечно, та еще фирма. И, естественно, такая фирма явно предпочтет «железного хозяина»...

И.Ф.: Каков жизненный и политический стиль В.В. Путина? Каковы социально-психологические последствия его власти для россиян? Чего ждать от него в дальнейшем?

А.К.: Выше уже говорилось о пластичности и определенной, если хотите, полифоничности стилистики путинского поведения. Она, в общем-то, отвечает данной российской ситуации «периферийного капитализма» (Г. Явлинский) и даже феодального общества (В. Шляпентох). Лично я порою вижу в нашей стране черты палеолитического общества собирателей и охотников, учитывая уровень развития экономики, зависимость от природных ресурсов. Общества такого типа называют в западной антропологии «band societies». В этом контексте Путин вполне адекватный лидер, он равно умеет быть архаичным и современным. В отличие от его критиков с обеих сторон – националистов и либералов, мыслящих, как правило, однобоко и фанатично. Ведь именно последние виновны в приходе к власти силовиков, поскольку пребывая при Б. Ельцине у власти, они ничуть не озаботились (помимо распила собственности) созданием демократической правовой системы. В. Путин же, кажется, никогда не впадал ни в националистическую (это редкое качество для российских политиков), ни в либеральную ересь. Говорят, что он принимает решения в самый последний момент – когда «сама война план подскажет». Так что, поживем – увидим. Куда денемся...

1. Айзенштадт А. Цивилизационные измерения социальных изменений. Структура и история // Цивилизации. – Вып. 4. – М.: МАЛП, 1997.

2. Антонова Т. Лечебный эффект разъяренной толпы. Интервью с А. Кантором. – URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2013-11-26/14_crowd_effect.html.

3. Белкин А. Вожди или призраки. – М.: Олимп, 1998.

4. Ваганов А. Путин. Опыт политического психоанализа. Интервью с А. Кантором // Независимая газета. – 11.11.2003.

5. Гудков Л. Негативная идентичность. – М.: НЛЮ – ВЦИОМ-А, 2004.

6. Кантор А.М. Аффект и власть в России. Между нарциссизмом и расщеплением // Бытие и время психоанализа. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2000.

7. Кантор А. Политика глазами психоаналитика // Общественная газета. – 20.03.2008.

8. Кляйн М. Зависть и благодарность. – М.: Издательство Б.С.К., 1997.

9. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. Геворкян Н., Тимакова Н., Колесников А. – URL: <http://www.vagrius.com/html/books/putin/>.

10. А. Сосланд. Путин: разгадка секрета. – URL: <http://gilbo.ru/index.php?art=1235&page=psy>.

11. Д. Ранкур-Лаферриер. Психоанализ Сталина // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 1. Хрестоматия. – Самара: Издат. Дом «БАХРАХ», 1999. – С. 481–552.

12. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // З. Фрейд. Я и Оно: Сочинения. – М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во «Фолио», 2002. – С. 769–838.

13. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии // Вопросы философии. – 1991. – № 9. – С. 61–160.

14. Шебек М. Тоталитарная психика // Журнал практической психологии. – 2010. – № 4.

15. Э. Эриксон. Психоанализ Гитлера // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 1. Хрестоматия. – Самара: Издат. Дом «БАХРАХ», 1999. – С. 449–480.

1. Ajzenshtadt A. Civilizacionnye izmereniya social'nyx izmenenij. Struktura i istoriya // Civilizacii. – Вып. 4. – М.: МАЛП, 1997.

2. Antonova T. Lechebnyj e'ffekt raz'yarennoj tolpy. Interv'y u s A. Kantorom. – URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2013-11-26/14_crowd_effect.html.

3. Belkin A. Vozhdi ili prizraki. – М.: Олимп, 1998.

4. Vaganov A. Putin. Opyt politicheskogo psixoanaliza. Interv'y u s A. Kantorom // Nezavisimaya gazeta. – 11.11.2003.

5. Gudkov L. Negativnaya identichnost'. – М.: NLO – VCIOM-A, 2004.

6. Kantor A.M. Affekt i vlast' v Rossii. Mezhdunarцissizmom i rasshhepleniem // Bytie i vremya psixoanaliza. – М.: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2000.

7. Kantor A. Politika glazami psixoanalitika // Obshhaya gazeta. – 20.03.2008.

8. Klyajn M. Zavist' i blagodarnost'. – М.: Izdatel'stvo B.S.K., 1997.

9. Ot pervogo lica. Razgovory s Vladimirom Putinyim. Gevorkyan N., Timakova N., Kolesnikov A. – URL: <http://www.vagrius.com/html/books/putin/>.

10. A. Sosland. Putin: razgadka sekreta. – URL: <http://gilbo.ru/index.php?art=1235&page=psy>.

11. D. Rankur-Laferrier. Psixoanaliz Stalina // Rajgorodskij D.Ya. Psixologiya i psixoanaliz vlasti. T. 1. Xrestomatiya. – Samara: Izdat. Dom «BAXRAX», 1999. – S. 481–552.

12. Frejd Z. Psixologiya mass i analiz chelovecheskogo Ya // Z. Frejd. Ya i Ono: Sochineniya. – M.: Izd-vo E'ksmo; Xar'kov: Izd-vo «Folio», 2002. – S. 769–838.

13. Fromm E'. Adol'f Gitler: klinicheskij sluchaj nekrofilii // Voprosy filosofii. – 1991. – № 9. – S. 61–160.

14. Shebek M. Totalitarnaya psixika // Zhurnal prakticheskoy psixologii. – 2010. – № 4.

15. E'. E'rikson. Psixoanaliz Gitlera // Rajgorodskij D.Ya. Psixologiya i psixoanaliz vlasti. T. 1. Xrestomatiya. – Samara: Izdat. Dom «BAXRAX», 1999. – S. 449–480.

WE AND OUR PROJECTIONS: PSYCHOANALYSIS AND POLITICS.

Conversations with Alexander Kantor

Fan Irina Borisovna,

Doctor of Political Science, Senior Researcher,
Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: irina-fan@yandex.ru

Annotation

In an interview discussed the possibility of psychoanalysis in the study of modern political leaders and mass psychology. Particular attention is paid to the problem of pain conscious reflection on the majority of Russians own unconscious, as well as the problem of existential trauma, experienced by the population after the collapse of the USSR and the way of its «treatment», offered by President V. V. Putin.

Key words:

psychoanalysis, politics, political leaders, mass psychology, the unconscious, the libido.

УДК 1 (091) + 16

ТРАВЕЛОГ ДУШИ С. ГРОФА: ОТ НАУКИ К ВЕРОУЧЕНИЮ

Русаков Василий Матвеевич,

Институт международных связей,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

Сравнительному анализу подвергнуты различные этапы творческого пути широко известного ныне психолога и философа С. Грофа, решительно вторгающегося в круг методологических проблем современного познания и предлагающего целый ряд новаций в понимании того, что такое психика, сознание, бессознательное, научное и вненаучное познание. Научной и образовательной общественности импонирует его образ вдумчивого исследователя, соединяющего остроту теоретических прозрений с тщательной технологичной практикой. Имя Грофа сегодня ассоциируется с «картографией областей человеческого бессознательного», «измененными состояниями сознания», практикой «холотропного дыхания», проектами органического соединения рационально-теоретического и эзотерического способов познания, «трансперсональной психологией». В то же время эволюция С. Грофа от принятого в научном мире этоса осторожной критичности в оценке как феноменов вненаучного знания и тем более – результатов эзотерических практик, так и психологических экспериментов – к широким и неизбежно вольным обобщениям и произвольным допущениям озадачивает и настораживает научное сообщество. Новоиспеченные адепты «холотропного» дыхания и «расширения сознания» начинают придавать «трансперсональной психологии» черты сектантского вероучения, которое с легкостью «скрещивает» науку и эзотерические практики, квантовую физику и религиозно-мифологическое сознание. Очевидным образом производится дискредитация имиджа серьезного ученого, с которым вступил на научное поприще С. Гроф, превращение первых, крайне осторожных попыток исследования столь сложной материи как психика и бессознательное – в поп-науку, шоу-бизнес, в потакание низменным вкусам маргинальных слоев общества.

Ключевые слова:

психика, сознание, бессознательное, психология, трансперсональная психология, холотропное дыхание, эзотерическое и мифологическое сознание.

Сегодня имя и идеи С. Грофа – основателя так называемой «трансперсональной психологии» хорошо известно в нашей стране не только психологам и философам, но и достаточно широким слоям «продвинутой» в различных современных учениях общественности [11; 25; 26]. Активно издаются и переводятся

на русский язык его книги [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22], необычайно широкое распространение приобретают предлагаемые им практики так называемого «холотропного дыхания». Он выдвинул гипотезу о том, что множество состояний, характеризующихся медиками как психозы, в действительности представляют собой

«кризисы духовного роста и психодуховной трансформации». Его весьма смелые, – если не сказать дерзкие, – проекты соединения мифа и науки, рационально-теоретического и эзотерического способов познания, «расширения» сознания и «опыта переживания» постоянно провоцируют острые дискуссии [23; 28; 36]. Он почетный член Российского психологического общества, в 2007 году Станиславу Грофу было присвоено звание почётного профессора Московского государственного университета.

Начнем с разъяснения: что такое травелог и причем он здесь?

Травелог – или повествование о различных реальных или вымышленных путешествиях в пространстве и времени, – представлен огромным многообразием видов и жанров: перед взором всякого исследователя встает целый материк так называемой «Литературы путешествий» [12], и мы узнаем, что собственно термин «травелог» впервые ввел в обращение американский путешественник, фотограф и кинооператор Б. Холмс (Burton Holmes (1870–1958)) [2]. В 1904 г. Бартон Холмс придумал термин Travelogue для обозначения жанра литературы путешествий. В конце XX – начале XXI в. этот термин проникает в русскую литературу [24; 28; 30; 31; 32; 33; 37].

Травелог – это форма творческого субъективно-чувственного освоения физического или психического пространства путем перемещения в нем [24; 32; 33]. Для травелога обязательны: а) феномен наррации, сказовости, повествования (рассказа) о путешествии. Здесь реализуется субъективно-творческий компонент его: от предельной фантазии (выдумки и мистификации) до столь же скрупулезной фиксации достоверно устанавливаемых фактов освоения перемещений в физическом или психическом пространстве (отчеты экспедиций и экспериментов); б) обязателен феномен перемещения, движения субъекта (даже если он отслеживает перемещения объекта) – как в собственном смысле перемещения

в пространстве-времени, так и мысленное воспроизведение любых перемен в наблюдаемых объектах (от объектов неживой и живой природы до психических процессов иных субъектов), т. е. значимое для субъекта травелога (наррации) перемещение, изменение себя самого или иных объектов для (причем, реальное или вымышленное, фантастическое) – опять-таки для самого субъекта наррации; в) отсюда – обязательная структура травелога: Путник-Путь-Подвиг [30].

В одной из книг С. Гроф так и говорит: «В этой книге я пытаюсь суммировать философский и духовный опыт моего сорокалетнего личного и профессионального пути, включающего исследование неизведанных границ человеческой психики. Это было сложное и нелегкое странствие, порой весьма спорное, и в одиночку я бы в него не отправился» [19, с. 3].

Здесь уместно пояснить, что термин «травелог» и тем более – в применении к анализу творческого пути С. Грофа употребляется не в качестве категории или понятия, а как концепт. Лингвокультурологический поворот в современном гуманитарном познании дал богатый материал философско-методологическим исследованиям [14; 27]. «Слово «концепт» в протерминологической функции стало активно употребляться в российской лингвистической литературе с начала 90-х годов; лингвокультурологическое наполнение этой лексемы продолжила статья акад. Д.С. Лихачева, опиравшегося в ней на взгляды С.А. Аскольдова-Алексеева» – справедливо указывает С.Г. Воркачев [13; 27].

Лингвокультурологические исследования ввели важное разграничение категории (понятия) и концепта [13; 14; 27; 30]. К числу «концептов», вызывающих пристальный и небезосновательный интерес, относится «травелог» [1; 2; 10; 24; 31; 32; 37].

Травелог, в этом смысле, сам является, скорее, концептом, нежели категорией (понятием). Об этом говорит сложная структура его, включающая особый коммуникативный, прагматический и семантический аспекты, в существенной степени связанные с чувственно-

образной «оболочкой» богатых ассоциативных рядов, в которых и через которые травелог «живет» в мире культуры.

Отечественными лингвокультурологическими исследованиями установлена структура концепта «травелог»: в него входят архетипические категории «Путь», «Путник», «Приключение» (подвиг). Дискурс-анализ данного концепта отчетливо указывают на целый ряд эвристически ценных для изучения этого культурно-исторического феномена аспектов – лингвистического, семиотического, институционального, кратологического, аксиологического [24; 30; 32].

Три травелога могут быть вполне законно рассмотрены в применении к жизненному и творческому пути С. Грофа: во-первых, сам непростой жизненный путь – как известно, в начале его научной карьеры ему привелось пережить крутой поворот: покинуть родину и уехать в США [20] (С. Гроф: «Изначально я прибыл в Соединенные Штаты с годичным визитом, который превратился в постоянное изгнание после ввода советских войск в Чехословакию»). Рядовое путешествие вылилось в Путь (Судьба, Жизненный Путь), став «поворотным пунктом».

Здесь ему не только удалось продолжить начатые в Праге исследования [16; 20], но и сделать весьма успешную научную карьеру и получить широкое общественное признание; во-вторых, это путь его исканий – научных и духовных, поскольку ученый тесно увязывает их между собой; наконец, в-третьих, это его исследования травелогов сознания (души), которые он, при помощи им разработанной методы, извлекает из глубин сознания и подсознания людей [20; 22]. Все три травелога связаны единством авторского повествования, позиции ученого.

Травелог – одна из самых древних форм творчества человека. Человек – существо саморассказывающее. С момента появления феномена наррации, т. е. расщепления субъективности на объектную и рефлексивную, когда человек предметом своей деятельности делает самого себя – жанр травелога невероятно дифференцировался. Рассказ (повествование)

человека о своей жизни как о некоем Пути, который он проходит от рождения до смерти – глубоко архетипичный способ раскрытия того, что есть человек и мир, человек в мире.

Во-первых, формируются основные категории (концепты): Путь, Путник, Приключение (как Преодоление Препятствия через Кризис) и Переход.

Во-вторых, неизбежно возникает проблема Начала и Конца Пути: прекращается ли Путь в этих пунктах? Путь рассматривается как существенно необходимый для формирования Путника и его представления о себе – Самопознания (Путь как Самопознание).

Кроме того: важен и такой аспект дискурса травелога: Путник постоянно движется через границы, он их постоянно пересекает – начиная с того, что скрывается «за горизонтом» (за горизонтом событий привычного нам, оседлым, мира) и кончая тем, что выступает «чужим» (Станным, странником), выходя из того запредельного мира, который внушает по меньшей мере опасения [31]. Пограничность дискурса травелога одновременно притягивает и ужасает. Человечество сегодня – в поисках ответа на вопрос «Одиноки ли мы во Вселенной?» – с затаенной надеждой окликает бездны космического пространства, посылая туда сигналы о себе, и в то же время – ужасается возможного ответа «оттуда». Мало ли кто может откликнуться: вспомним картину Н. Рериха – «Заморские гости».

Путник не просто некий «непоседа», гонимый ветром как перекасти-поле, он постоянно испытует меру, потому что все время движется у самой границы и даже за ней. Потому-то он подозрителен этой своей «чрез-мерностью». И к тому есть немалые основания: вариант Агасфера, когда Путь одолел Путника и стал нескончаемым, непрерывным скольжением, томлением духа, в котором очень даже способны обесцениться (обессмыслиться) любые константы (границы), непреложности, релятивизация которых только через призму романтизма может восприниматься как универсальная ценность. Скольжение, неостановимое – это безразличие, пустота: видимость содержательности и наполненности при столкнове-

нии со все новым и новым – оборачивается безразличием к переживаемому содержанию. Как у М. Лермонтова «Герой нашего времени» непрерывно влечется куда-то в неведомую даль и не замечает, что движется он по руинам привязанностей, душевных контактов, сопереживаний и сочувствий, так, что даже самые толерантные и терпеливые сочувствователи ему теряют всякие душевные силы сочувствовать и сопереживать ему. Максим Максимович в сокрушении сердечном разводит руками и уже не в силах сочувствовать Печорину.

В-третьих, универсальность схематизмов Травелога (основывающаяся как раз на его архетипичности) и предельно разнообразная наполняемость содержания данных концептов (Пути, Путника, Приключения).

Окидывая общим взором творчество С. Грофа, мы видим, что он широко использует термин и жанр травелога для описания разнообразных феноменов психической жизни (и своего творческого пути), не находящих, по его мнению, адекватного (эвристически продуктивного) отображения в традиционных категориях естественнонаучно ориентированной (а тем более механистической) психологии. Благодаря использованию концепта травелога он заостряет постановку проблемы:

- как и куда необходимо пойти, чтобы установить, где находится сознание («За пределами мозга») [16];

- проходя путь исследователя, странствуя по глубинам бессознательного, определить, наше ли оно («Картография областей бессознательного») [17];

- начинается ли, прекращается ли жизненный путь сознания с рождением и смертью («Величайшее путешествие») [20; 22];

- все ли нетривиальные состояния и феномены сознания (или шире – психического), встречаемые на этих путях, могут быть подведены под категорию Патологии [16; 18; 22]?

На ранних этапах его творчества определенные симпатии вызвали методологические установки С. Грофа: он заявлял о стремлении максимально придерживаться парадигмы научной рациональности, избегать поспешных утверждений [17, с. 11, 14] («Клинические

исследования ясно показали, что ЛСД сам по себе не оказывает на депрессию никакого четкого фармакологического действия, которое могло бы быть использовано терапевтически, и этот подход был оставлен... Похоже, что на сегодняшний день ЛСД терапевты, в основном, сходятся во мнении, что терапевтический исход сеансов ЛСД критически зависит от факторов нефармакологического плана (экстрафармакологические переменные)), слишком вольных обобщений [15, с. 64], легковесных обольщений, за которые, как хорошо известно, впоследствии приходится дорого расплачиваться [19, с. 5].

Но выдержана ли им самим необходимая в этих рискованных странствиях степень самокритичности, объективной достоверности? Не превалирует ли субъективное желание над объективными результатами, когда Гроф вынужден признать: «*Почти все* специалисты, изучавшие действие психоделиков, пришли к заключению, что их лучше всего рассматривать как ускорители или катализаторы ментальных процессов. Вместо того, чтобы вызывать типичное медикаментозное состояние, они, *видимо*, активизируют предшествующие матрицы или потенциалы человеческого ума. Под действием этих препаратов человек переживает не «токсический психоз», по существу никак не связанный с функциями психики в нормальном состоянии, а фантастическое внутреннее путешествие в собственное бессознательное и сверхсознательное» [16, с. 24]. Но вместо того, чтобы рассеивать туман «видимости», он как заклинание повторяет мантру о «кризисе ньютоно-картезианской парадигмы». Несколько странно, мягко говоря, для ученого делать такой переход от фиксации галлюциногенных переживаний пациентов/подопытных – к обвинению науки в методологических пороках, мимоходом объявляя, что «Участник ЛСД-сеанса может ощущать себя единичной клеткой, эмбрионом и галактикой».

Все-таки в своих ранних работах («Картография областей человеческого бессознательного» и «За пределами мозга») он был более осторожен в своих оценках по-

лученных результатов: «Достижения психологических исследований, конечно, не могут противоречить фундаментальным законам физики и химии» [16, с. 48].

Хотя по прошествии немалого времени Гроф проговаривается, что швейцарская фирма Sandoz (изучавшая производные от сильнейшего алкалоида – спорыньи), еще не имея на руках сколько-нибудь основательных исследований последствий действия ЛСД-25 на психику, уже тем ученым, кому она бесплатно раздавала препарат с просьбой получения результатов проверки, писала: «В приложении к образцам, предоставляемым компанией Sandoz, была небольшая записка, которая коренным образом изменила мою личную жизнь и профессиональную карьеру. В ней говорилось, что это вещество может быть использовано как революционный, нетрадиционный обучающий инструмент для профессионалов, занимающихся душевным здоровьем пациентов-психотиков» И тогда же Гроф проникается почему-то возникшей уверенностью, что при помощи этого вещества сможет лучше понять психику больных «и в результате более успешно их лечить» [18, с. 15].

С. Гроф постоянно и безапелляционно утверждает, что «Многие из великих духовных систем (*религиозных, мистических* – В.Р.) являются продуктом многовекового углубленного изучения человеческой психики и сознания, и в этом они во многом сходны с научными исследованиями. Эти системы дают подробные указания относительно методов вызова духовных переживаний, на которых они основывают свои философские теории. Достоверность систематически накопленного материала обычно подтверждается многовековым опытом, что и требуется для обеспечения достоверных и надежных знаний в любой области научных исследований... Особенно примечательно, что утверждения различных школ вечной философии теперь могут быть подкреплены данными современных исследований сознания» [18, с. 15]. Возникает правомерный вопрос: чего здесь больше? Научной добросовестности или все-таки мечты об обретении долгожданного

«синтеза» любой ценой? Так ли уж все здесь совпадает и связывается?

Тем большее разочарование постигает жelaющего вместе с автором разобраться в новых «фактах»: «Пришлось также покончить с самообманом насчет того, что существуют некие разумные объяснения этим данным, несмотря на мою неспособность представить эти объяснения в самых безудержных фантазиях» [16, с. 28]. И такими сентенциями заполнены многие страницы книг С. Грофа. С таким же успехом можно «аргументировать» эти рассуждения ссылками на сюжеты К. Кастанеды или фильма «Матрица».

Примечательна стилистика аргументации Грофа: весьма характерны для него постоянные выражения «нет причин не допускать этого», «вполне возможно допустить», «это несомненно будет доказано», «вероятно, такую точку зрения можно допустить с большой натяжкой» и т. п. Понятно, что категория «научного факта» окончательно устарела для Грофа и он освободил себя от пут этого реликта вконец «одряхлевшей» науки: «Хотя в настоящее время невозможно прямым и понятным способом связать понятия современной физики с исследованиями сознания, эти параллели поразительны» [16, с. 47].

С. Гроф утверждает с огромной силой личной убежденности, что «... хотя в таких состояниях мы *не можем положиться на свои суждения* по обычным практическим вопросам, на нас может буквально обрушиться поток удивительной новой информации, касающейся великого множества других моментов. *Нас могут посетить глубокие психологические прозрения, проливающие свет на нашу личную историю, на бессознательные силы, которые движут нами, на наши эмоциональные затруднения и межличностные проблемы*» [18, с. 24]. Но так ли мы можем быть уверены в том, что это не просто «поток» (информационный шум), а действительно «глубокие прозрения, проливающие» и т. п., – тем более, что на деле «мы не можем положиться» на подобные суждения, даже если это бескорыстные «прозрения». И, разумеется, совсем нет никакой уверенности, что эти «прозрения» действительно проливали

хоть какой-то свет на их собственную природу. Вряд ли здесь стоит обольщаться. Взвесим реальную стоимость всех этих многочисленных «прозрений» и «откровений»: куда больше это объясняется играми психики с самой собой, часто с единственным смыслом – хоть как-то выжить там, где выжить нельзя.

Гроф убеждает читателя в том, что за всем сказанным им стоит мощная эмпирическая база: «На протяжении моей профессиональной карьеры я лично провел свыше *четырёх тысяч* психоделических сеансов с такими веществами, как ЛСД, псилоцибин, мескалин, дипропилтриптамин (ДПТ), метилендиоксиамфетамин (МДА), и присутствовал *на более чем двух тысячах* сеансов, проведенных моими коллегами. Значительная часть пациентов, участвовавших в этих сеансах, страдала различными эмоциональными и психосоматическими расстройствами, такими, как депрессии, психоневрозы, психосоматические нарушения, алкоголизм и наркомания» [18, с. 6]. Но вряд ли даже такие впечатляющие цифры могут «одолеть» сомнения там, где даже язык описания столь зыбок и субъективен, что насущная необходимость последующей интерпретации способна свести на нет скороспелые обобщения и утверждения.

Сам Гроф свидетельствует о том, сколь велика интерпретирующая сила предшествующей культуры и образования подопытного в истолковании этого опыта: «Меня поразило видение света огромной силы и сверхъестественной красоты. Увиденное заставило меня вспомнить те рассказы о мистических событиях, о которых я читал в *духовной литературе*, где видения божественного света сравнивались с сиянием «миллионов солнц». Мне пришлось в голову, что *это могло выглядеть как эпицентр атомного взрыва* в Хиросиме или Нагасаки. Сегодня я думаю, что это, скорее, похоже на Дхармакаю, или Изначальный ясный свет, свечение неопишуемой яркости, которое, *согласно тибетской Книге Мертвых*, «Бардо тодрол», является нам в момент смерти» [18, с. 16].

А пассажи вроде того, что «Божественное проявление забрало меня в середине серьезного

научного эксперимента, использующего вещество, созданное в пробирке химиком XX века, и проводимого в психиатрической клинике страны, которая тяготела к Советскому Союзу и управлялась марксистским режимом» [22] – и вовсе способны свести на нет ценность подобных «экспериментов»!

Мы сегодня сталкиваемся с аналогичной проблемой, казалось бы, в куда более «прочной» сфере приборного диагностирования – интерпретация «картинок», получаемых в ультразвуковой интроскопии или томографии. Тем более, что, как честно признает С. Гроф: «много лет работал с людьми, подверженными внезапным психодуховным кризисам, однако эта работа проходила не систематически, в рамках проекта, но велась от случая к случаю, как часть моей личной и профессиональной жизни» [19] (там же). Проблема ведь не в том, чтобы интегрировать бормотания неграмотного шамана и изощренного искателя «высших степеней духовности» только лишь на почве неприязни к «материалистической науке» – за этим дело, надо полагать, не станет, – а вот сформировать хотя бы общезначимый язык и достоверность фиксации различных переживаний (тем более, что автор все-таки некоторые их классы отбраковывает как патологические) было бы настоящим прорывом в науке.

Нельзя сказать, что в борьбе с «чарами устаревшего материалистического мировоззрения» автор больше воюет с продуктом собственного воображения (что и говорить, механицизма самого грубого толка довольно много в областях социально-гуманитарного знания), но материализм не стоит сводить только к вульгарной реификации. Как и мистификация – она столь же эвристически бесплодна. А потому романтические грезы о том, что «Когда это новое видение космоса обретет завершенность, оно, безусловно, будет представлять собой не возврат к донаучному пониманию реальности, но целостный творческий синтез всего самого лучшего, взятого из прошлого и настоящего» – очень знакомы русскоязычному читателю: этот благодатный синтез чаял обрести в свое время В. С. Соловьев.

Конечно, можно сослаться на авторитетное мнение Юнга: «Разница между мною и большинством людей заключается в том, что для меня эти «разделяющие стены» прозрачны» [38], но, увы, эти замечательные слова, что называется, «к делу не пришьешь». Еще древние понимали разницу между знанием «по мнению» и знанием «по истине».

Пример явного «забегания» С. Гроф демонстрирует сам: «Холотропные переживания выходят далеко за пределы того, что англо-американский писатель и философ Алан Уоттс в шутку назвал «эго, заключенным в кожу». Они способны вывести нас на широкие просторы психики, которые *пока не исследованы западными психологами и психиатрами*» [19] (там же). Холотропные переживания – то прямо и очевидно свидетельствуют, то оказываются еще не исследованными. Тем более курьезно звучат утверждения: «Например, одна из важных категорий трансперсональных переживаний включает в себя *достоверные эмпирические отождествления с другими людьми, животными, растениями, а также со множеством иных аспектов природы и космоса*» [19]. Естественно, возникает вопрос как раз о «достоверности» таких эмпирических отождествлений. Очень «убедительно» звучат суждения: «воспоминания пренатальной жизни и *даже информацию о зачатии, записанную на клеточном уровне*». Все же сказывается влияние «западной материалистической науки» – хочется найти материальный носитель, на котором «записана информация». Впрочем, зачем это? Когда «духовность» просто разливается морем везде и повсюду.

И, конечно, давно и хорошо известна проблема «неизреченности» такого опыта. «Высший принцип может непосредственно переживаться в холотропных состояниях сознания, но не поддается никаким попыткам описать его или объяснить. Язык, которым мы пользуемся в повседневной жизни, просто неадекватен данной задаче» – на самом деле, мы прекрасно понимаем, что естественные языки тоже мало чем могут помочь при попытках передать смыслы и значения с одного – на другой. Но люди нашли и находят способы

делать это с возможной полнотой, а не прячутся за «невыразимость», которая становится, как всегда, ширмой для шарлатанов. Гроф не раз вынужден признавать, что «как и мое собственное мировоззрение, трансперсональная психология была уязвима для обвинений в иррациональности и ненаучности, а значит – в несовместимости со здравым смыслом и современным научным мышлением» [16, с. 2].

Тезис «разум – неадекватный инструмент для анализа трансцендентных измерений бытия и принципов, действующих на очень высоком метафизическом уровне. В конечном итоге истинное понимание этих вопросов возможно только посредством прямого личного переживания» [19, с. 23] – раз и навсегда закрывает всякую тему «анализа» (а заодно и «синтеза»), даже книжку писать не стоило!

Но мы замечаем поистине «поразительную» смесь необыкновенного доверия исследователя к словам пациентов в сеансах холотропных переживаний и столь жесткий отказ языку и разуму в их способности хоть что-то передать и осмыслить.

Обращает на себя внимание примечательный термин «неистовый поиск» (К. Гроф, С. Гроф. Неистовый поиск себя. Руководство по личностному росту через кризис трансформации) – впадая в неистовство, мы можем удалиться от истины [20].

Как раз здесь мы встречаем это поразительное смешение объективно-научного и субъективно-желаемого: «Духовное развитие это врожденная способность каждого человеческого существа к эволюции. Это движение по направлению к целостности, к раскрытию подлинного потенциала индивида. Оно является таким же общим и естественным для всех, как рождение, физический рост и смерть; это неотъемлемая часть нашего существования» [20]. Известно, что никакой «врожденной способности» тем более – «каждого человеческого существа», а тем более – «по направлению к целостности» не существует, иначе, по крайней мере, были бы принципиально невозможны так называемые «случаи (дети) Маугли». Авторы даже не замечают совершаемого ими «сальто-мортале», когда в «доказательство»

приводят следующее: «На протяжении столетий целые культуры считали внутреннюю трансформацию необходимым и желательным аспектом жизни. Во многих обществах были разработаны сложные ритуалы и медитативные практики, игравшие роль катализаторов духовного развития и способствовавшие духовному пути» [20]. Другими словами, только культурные «механизмы» (да и то в меру своего развития) катализировали и направляли эти процессы; при этом столетиями могли иметь место стагнация и деградация «духовного развития».

Авторы правильно отмечают, что «для отдельных индивидов преображающее путешествие духовного развития становится духовным кризисом, при котором внутренние изменения происходят так быстро, а возникающие состояния требуют такого напряжения сил, что этим людям в течение какого-то времени может оказаться трудно полноценно действовать в повседневной жизни» [20]. Действительно, кризисы смысло-жизненного ориентирования (так называемые «возрастные» кризисы самоидентификации) весьма болезненно переживаются индивидом. Но не менее болезненны кризисы самоидентификации различных социальных сообществ – в эпохи социальных потрясений (реформ, переворотов, войн, завоеваний, оккупаций и т. п.). И дело вовсе не в том, что требуют «напряжения сил» – силы бы напряг индивид или социум, но кризис – это когда «верхи не могут, а низы не хотят», когда «знать бы, где солому постелить». Знать бы, в каком направлении напрягать силы, но оно, увы, может быть достаточно длительное время не просматриваться (объективно!).

И, поскольку происходящее является на деле, а не только выглядит как слом старой прежней нормы, правила, образца – «чаще все происходящее с ними рассматривается как болезнь»!

Особое внимание исследователей привлекает феномен смерти, понимание ее людьми и отношение к ней. Давно замечено, что в мифологическом сознании она воспринимается как акт «перехода» [6; 8; 9; 15; 16; 18; 19; 22]. С. Гроф пристально интерпретирует ее

в терминах «путешествия» и «приключения», настаивая на необходимости интеграции в современное сознание мифологического понимания и отношения к ней (находя, например, значительный терапевтический аспект).

Многие авторы справедливо обращают внимание на явно фантастическую сторону «трансперсональной психологии»: «Читать труды теоретиков и практиков трансперсональной психологии увлекательно и интересно, как фантастические романы. Но только не как научно-фантастические, ибо науки в них просто нет, а скорее как модный жанр «фэнтези», заменивший современному человеку древние мифы», – пишет С. Степанов [36]. С. Гроф утверждает, что если личность отождествляет себя с Абсолютом или Богом, она получает объективную и реальную информацию о существовании высшего существа. Ясно, что подобные представления о сознании человека заимствованы им у восточных религиозных учений и такое интегрирование чужеродного для науки материала отнюдь не повышает ценность таких построений. Гроф часто и пространно критикует такие недостатки «традиционной» (классической) науки как редуционизм, но сам постоянно этим «грешит». Он с недопустимой легкостью пробрасывает прямые причинно-следственные связи между галлюцинаторными образами и объектами реальности на том недоказанном основании, что галлюциноген (а именно ЛСД) таковым не является, а служит всего лишь неким «предметным стеклом», помогающим установить такие связи.

Когда это сколько-нибудь корректно сделать не удастся, на помощь приходит «трансперсональное»: Абсолют, космические пришельцы и т. п., «поскольку далеко не все переживания под воздействием ЛСД можно отнести к символике перинатальных матриц, определенный класс переживаний Гроф толкует совершенно буквально. Те переживания, которые никоим образом не могут быть увязаны с опытом личности, пускай даже пренатальным и перинатальным, Гроф относит к трансперсональным, то есть выходящим за пределы личности» [36].

И еще больший урон имиджу ученого наносит постоянный поиск аргументов в области различного антинаучного шарлатанства (вроде «морфогенетического поля» Шелдрейка), ничем не подкрепленный энтузиазм в отношении идей таких авторов, как Ф. Капра («Дао физики») и др., и назойливое заклинание о том, что его наблюдения, полученные во время психоделических сеансов и сессий «холотропа», якобы ставят под угрозу материалистические представления о человеческой психике и устройстве Вселенной, основанные на ньютоновско-декартовской парадигме: «Фритьоф Капра и другие показали, что мировоззрение современной физики приближается к мистическому мировоззрению. В еще большей степени это относится к современным исследованиям сознания, поскольку они непосредственно имеют дело с состояниями сознания, как и мистические школы» [16, с. 43] (за пред. м;). Поэтому нельзя не согласиться, что «в котле грофовского мировоззрения варятся кундалини-йога, даосизм, суфизм, шаманизм, сомнительные школы современных гуру, даже дианетика Р. Хаббарда» [36].

Критики не забывают отметить и тот факт, что «в США Ассоциация трансперсональной психологии существует независимо от Американской психологической ассоциации, более того – просто не признана ею в качестве научной структуры, как и сама трансперсональная психология – в качестве науки» [36]. Заставляют задуматься и исторические обстоятельства, связанные с началом исследовательского интереса Грофа к ЛСД: «Станислав Гроф – чешский психиатр, который в начале 60-х переехал в США и нашел пристанище на благодатной земле Калифорнии. Это было то самое место, где в то время буйным цветом расцвели небезопасные эксперименты по «расширению сознания» с помощью наркотиков. Идеологами этого движения выступали местные бескорыстные энтузиасты, кумиры поколения хиппи – Кен Кизи, Тимоти Лири и Теренс Маккена, которым дельцы мирового наркобизнеса должны были бы поставить по золотому памятнику» [36].

В итоге критики ставят диагноз: «трансперсональная психология – специфически постиндустриальное явление, она несет на себе отпечаток нашей противоречивой эпохи. При всех реверансах в адрес восточной мистики, она – порождение западной интеллектуальной культуры и сугубо западного материального и духовного пресыщения. В ней переплелись и разочарование в традиционных капиталистических добродетелях, и справедливый протест против роботоподобного образа человека в традиционной науке, и очарованность восточным мистицизмом, и наивное ожидание чуда, и чисто американское стремление к простым решениям сложных проблем» [36].

Читать труды теоретиков и практиков трансперсональной психологии увлекательно и интересно, как фантастические романы. Но только не как научно-фантастические, ибо науки в них просто нет, а скорее как модный жанр «фэнтези», заменивший современному человеку древние мифы. Как известно, к этому жанру чаще всего обращаются две категории читателей – не способные к серьезному чтению в силу слабости ума и пресыщенные, ищущие увлекательной забавы для ума утомленного и разочарованного. А человек трезвый и здравомыслящий, вероятно, предпочтет держаться в равном удалении от этих крайностей» [36].

Поэтому, представляется, что С. Гроф интуитивно «нащупал» посохом своего опыта и эрудицией, что теоретически «воспарять» над кипучей преходящей эмпирией и пробрасывать «мостики» связующих смыслов между несоединимыми важными явлениями нашей психической жизни – можно лишь при помощи архетипических концептов, а не научных категорий и понятий.

Жанр травелога, на который – сознательно ли, стихийно ли, – «вышел» С. Гроф, на данном уровне достигнутых эмпирических и теоретических исследований психики показался ему наиболее содержательным и наиболее эвристически интересным, стимулирующим продуктивный поиск. И здесь именно концепт «травелога» с его архетипическими элементами (Путник, Путь, Приключение) оказывается наиболее «удобным» инструментарием

на данном этапе проникновения в сущность психического (сознательное–бессознательное). Но удобный (полезный) – увы! – не всегда адекватный. Жаль только, что С. Гроф – как «кастанедовский дон Хуан, переодетый в профессорскую мантию» [23], искренне предлагает нам фантастические «новые точки сборки», срабатывающие лишь в недрах шоу- и поп-науки: «Существование трансперсональных переживаний попирает самые фундаментальные положения и принципы механистической науки. С этими переживаниями появляются такие абсурдные на первый взгляд понятия, как относительность и произвольность всех физических границ, нелокальные связи во Вселенной, коммуникация посредством неизвестных средств и каналов, память без материального субстрата, нелинейность времени или сознание, ассоциируемое со всеми формами жизни (включая одноклеточные организмы и растения) и даже с неорганической материей. Трансперсональный опыт иногда включает события из микрокосма и макрокосма, из областей, недостижимых непосредственно человеческими органами чувств, или из периодов; исторически предшествовавших появлению Солнечной системы, Земли, живых организмов, нервной системы и вида *Homo sapiens*. Эти переживания ясно указывают, что каким-то необъяснимым пока образом каждый из нас имеет информацию обо всей Вселенной, обо всем существующем, каждый имеет потенциальный эмпирический доступ ко всем ее частям и в некотором смысле является одновременно всей космической сетью и бесконечно малой ее частью, отдельной и незначительной биологической сущностью» [16, с. 28]. Жаль, что при всех ранних осторожных оговорках относительно природы действия ДЛС и других аналогичных препаратов, Гроф ни с чем не обоснованной легкостью заключает: «Я понял, что при соответствующих условиях состояния, вызванные воздействием галлюциногенов, – куда больше, чем просто грезы, которые играют такую решающую роль в психоанализе, – действительно являются, если использовать слова Фрейда, «царским путем в подсознание» [18, с. 17].

1. Breiman, Leo; Friedman, J.H., Olshen, R.A., & Stone, C.J. Classification and regression trees. Monterey, CA: Wadsworth & Brooks / Cole Advanced Books & Software. 1984.
2. Burton Holmes, the «Father of the Travelogue» // <http://www.burtonholmesarchive.com/>.
3. Campbell, J. The Hero with a thousand Faces. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1949.
4. Campbell, J. The Masks of God. New York: Viking Press, 1968.
5. Eliade, M. Shamanism: The Archaic Techniques of Ecstasy. New York: Pantheon, 1964.
6. Grof, S. & Grof, C. Beyond Death. London: Thames and Hudson, 1980.
7. Grof, S. The Adventure of Self-Discovery. Albany, New York: State University of New York Press, 1988.
8. Grof St. The Ultimate Journey. Consciousness and the Mystery of Death, 2006.
9. Harner, M. The Way of the Shaman. New York, Harper & Row, 1980.
10. On Travelogues // <http://www.oldworldwandering.com/on-the-travelogue/>.
11. Официальный сайт Станислава Грофа. – URL: stanislavgrof.com.
12. The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. 14. The Victorian Age, Part Two // VII. The Literature of Travel, 1700–1900. – URL: <http://www.bartleby.com/224/0700.html>.
13. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. – С. 276–379.
14. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
15. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. – М., 1999.
16. Гроф Станислав. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. – М., 1994.
17. Гроф Станислав. Области бессознательного: данные исследований ЛСД. – М., 1994. Например, он вполне взвешенно резюмирует: «Я считаю, что главная причина противоречий насчет ЛСД терапии это недостаток понимания природы действия ЛСД и отсутствие правдоподобных и приемлемых концептуальных рамок, которые могли бы свести огромное количество наблюдаемых данных к определенному общему знаменателю» (с. 25).
18. Гроф Станислав. Когда невозможное возможно. Приключение в необычных реальностях. Издательство Трансперсонального проекта. Издательство К. Кравчука. Издательство АСТ, 2007.
19. Гроф Станислав. Космическая игра / Пер. с англ. Ольги Цветковой – М.: Изд-во АСТ. – 256 с.
20. Гроф Станислав. Путешествие в поисках себя: измерения сознания и новые перспективы психотерапии и внутреннего исследования. – М., 1995.
21. Гроф Станислав. Холотропное сознание. – М., 1996.
22. Гроф Станислав. Человек перед лицом смерти. Космическая игра: исследование рубежей сознания. М., 1997 (совместно с Дж. Хэлифакс).
23. Даниленко В. П. Инволюция в науке: психологические квазинауки // <http://old.islu.ru/danilenko/articles/>

psyhkvazi.htm.

24. Дискурс травелога. Сб.статей. Екатеринбург, Ред.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. – Екатеринбург: ИМС-УрФЮИ, 2009.

25. Книги Станислава Грофа в электронном виде.

26. Книги Станислава и Кристины Гроф на сайте Ассоциации трансперсональной психологии и психотерапии.

27. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ, 1983. Т. 52, № 1. С. 3–9.

28. Молчанов Ю. Дышите, дышите Шура, они золотые // www.t-room.ru/holotropnoe.html.

29. Пономарев Е.Р. «Прощай, Европа!». – Саарбрюкен, 2011, Его же. Типология советского путешествия. – СПб, 2011.

30. Русаков В.М. Архетипические категории (концепты) в дискурсе травелога // Дискурс-Пи: научный журнал. Вып. 9–10. – Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», 2010. – с. 209–210.

31. Русаков В.М. Дискурс травелога: словари и справочники как изречение неизреченного // Дискурс-Пи. Дискурс глобальных социокультурных коммуникаций. Вып. 8. – Екатеринбург, Ин-т философии и права УрО РАН, 2009. – С. 29–33.

32. Русаков В.М. Многообразие видов и жанров травелога // Дискурс-Пи: научный журнал / учредитель Уральское отделение РАН, Институт философии и права. Под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи». – 2013, – вып. 11–12. – с. 304–306.

33. Русаков В.М. Пути в незнание: рационализация иррационального в дискурсе травелога // Дискурсология: Методология. Теория. Практика. Доклады Третьей международной научно-практической конференции. Том 1. – Екатеринбург, 2008. – с. 53–55.

34. Русакова О.Ф. Дискурс травелога // Дискурс-Пи: научный журнал. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», Вып. 10. – с. 204.

35. Русакова О.Ф., Ишменев Е.В. Критический дискурс-анализ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Серия «Дискурсология». Вып. 1. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2006. – С. 39–54.

36. Степанов С. Услада слабых и пресыщенных. Мифы и мифы трансперсональной психологии // http://psy.1september.ru/2001/39/4_5.htm.

37. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интер-текстах. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.

38. Юнг К.-Г. Воспоминания, сны, размышления. Перевод: В. Поликарпов. – Мн.: ООО «Харвест», 2003.

1. Breiman, Leo; Friedman, J.H., Olshen, R.A., & Stone, C.J. Classification and regression trees. Monterey, CA: Wadsworth & Brooks / Cole Advanced Books & Software. 1984.

2. Burton Holmes, the «Father of the Travelogue» // <http://www.burtonholmesarchive.com/>.

3. Campbell, J. The Hero with a thousand Faces. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1949.

4. Campbell, J. The Masks of God. New York: Viking Press, 1968.

5. Eliade, M. Shamanism: The Archaic Techniques of Ecstasy. New York: Pantheon, 1964.

6. Grof, S. & Grof, C. Beyond Death. London: Thames and Hudson, 1980.

7. Grof, S. The Adventure of Self-Discovery. Albany,

New York: State University of New York Press, 1988.

8. Grof St. The Ultimate Journey. Consciousness and the Mystery of Death, 2006.

9. Harner, M. The Way of the Shaman. New York, Harper & Row, 1980.

10. On Travelogues // <http://www.oldworldwandering.com/on-the-travelogue/>.

11. Официальный сайт Станислава Грофа. – URL: stanislavgrof.com.

12. The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. 14. The Victorian Age, Part Two // VII. The Literature of Travel, 1700–1900. – URL: <http://www.bartleby.com/224/0700.html>.

13. Askol'dov S.A. Koncept i slovo // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya. M., 1997. – S. 276–379.

14. Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoy paradigmy v yazykoznanii // Filologicheskie nauki. – 2001. – № 1. – S. 64–72.

15. Gennep A., van. Obryady perexoda. Sistematischeskoe izuchenie obryadov. – M., 1999.

16. Grof Stanislav. Za predelami mozga: rozhdenie, smert' i transcendenciya v psixoterapii. – M., 1994.

17. Grof Stanislav. Oblasti bessoznatel'nogo: dannye issledovaniy LSD. – M., 1994. Naprimer, on vpolne vzveshenno rezyumiruet: «Ya schitayu, chto glavnyaya prichina protivorechij naschet LSD terapii e'to nedostatok ponimaniya prirody dejstviya LSD i otsutstvie pravdopodobnyx i priemlymyx konceptual'nyx ramok, kotorye mogli by svesti ogromnoe kolichestvo nablyudaemyx dannyx k opredelennomu obshhemu znamenatelyu» (s. 25).

18. Grof Stanislav. Kogda nevozmozhnoe vozmozhno. Prikladyeniye v neobychnyx real'nostyax. Izdatel'stvo Transpersonal'nogo proekta. Izdatel'stvo K. Kravchuka. Izdatel'stvo AST, 2007.

19. Grof Stanislav. Kosmicheskaya igra / Per. s angl. Ol'gi Cvetkovej – M.: Izd-vo AST. – 256 s.

20. Grof Stanislav. Puteshestvie v poiskax sebya: izmereniya soznaniya i novye perspektivy psixoterapii i vnutrennego issledovaniya. – M., 1995.

21. Grof Stanislav. Xolotropnoe soznanie. – M., 1996.

22. Grof Stanislav. Chelovek pered licom smerti. Kosmicheskaya igra: issledovanie rubezhej soznaniya. M., 1997 (sovместно s Dzh. Xe'lifaks).

23. Danilenko V.P. Involyuciya v nauke: psixologicheskie kvazinauki // <http://old.islu.ru/danilenko/articles/psyhkvazi.htm>.

24. Diskurs traveloga. Sb.statej. Ekaterinburg, Red.: O.F. Rusakova, V.M. Rusakov. – Ekaterinburg: IMS-UrFYU, 2009.

25. Книги Станислава Грофа в электронном виде.

26. Книги Станислава и Кристины Гроф на сайте Ассоциации трансперсональной психологии и психотерапии.

27. Lixachev D.S. Konceptosfera russkogo yazyka // IAN SLYa, 1983. Т. 52, № 1. С. 3–9.

28. Molchanov Yu. Dyshite, dyshite Shura, oni zolotyie // www.t-room.ru/holotropnoe.html.

29. Ponomarev E.R. «Proshhaj, Evropa!». – Saarbryuken, 2011, Ego zhe. Tipologiya sovetskogo puteshestviya. – SPb, 2011.

30. Rusakov V.M. Arxetipicheskie kategorii (koncepty) v diskurse traveloga // Diskurs-Pi: nauchnyj zhurnal. Vyp. 9–10. – Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», 2010. – с. 209–210.

31. Rusakov V.M. Diskurs traveloga: slovari i spravochniki kak izrechenie neizrechenogo // Diskurs-Pi. Diskurs global'nyx sociokul'turnyx kommunikacij. Vyp. 8. – Ekaterinburg, In-t filosofii i prava UrO RAN, 2009. – S. 29–33.
32. Rusakov V.M. Mnogoobrazie vidov i zhanrov traveloga // Diskurs-Pi: nauchnyj zhurnal / uchreditel' Ural'skoe otdelenie RAN, Institut filosofii i prava. Pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi». – 2013, – vyp. 11–12. – s. 304–306.
33. Rusakov V.M. Puti v neznaemoe: racionalizaciya irracional'nogo v diskurse traveloga // Diskursologiya: Metodologiya. Teoriya. Praktika. Doklady Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Tom 1. – Ekaterinburg, 2008. – s. 53–55.
34. Rusakova O.F. Diskurs traveloga // Diskurs-Pi: nauchnyj zhurnal. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», Vyp. 10. – s. 204.
35. Rusakova O.F., Ishmenev E.V. Kriticheskij diskurs-analiz // Sovremennye teorii diskursa: mul'tidisciplinarnyj analiz. Seriya «Diskursologiya». Vyp. 1. Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2006. – S. 39–54.
36. Stepanov S. Uslada slabyx i presyshhennyx. Miry i mify transpersonal'noj psixologii // http://psy.1september.ru/2001/39/4_5.htm.
37. E'tkind A. Tolkovanie puteshestvij. Rossiya i Amerika v travelogax i inter-tekstax. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.
38. Yung K.-G. Vospominaniya, sny, razmyshleniya. Pervod: V. Polikarpov. – Mn.: OOO «Xarvest», 2003.

UDC 1 (091) + 16

A TRAVELOGUE OF THE SOUL OF S. GROF: FROM SCIENCE TO CREED

Rusakov Vasili Matveevich,

Institute of international relations,
Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

A comparative analysis is subjected to various stages of the creative ways now widely known psychologist and philosopher of Art. Grof, resolutely invading the range of methodological problems of contemporary knowledge and offering a number of innovations in the understanding of the psyche, consciousness, unconscious, scientific and nonscientific knowledge. Scientific and educational society was impressed by his manner thoughtful researcher, connecting the sharpness of the theoretical insights with thorough technological practice. The name Grof is now associated with «the cartography of the human unconscious», the practice of «holotropic breathwork», projects organic compounds rational-theoretical and esoteric ways of knowing, «transpersonal psychology». At the same time, the evolution S. Grof from accepted in the scientific world ethos careful critical assessment of how the phenomena of non-scientific knowledge and results of esoteric practices and psychological experiments – to a wide and inevitably loose generalizations and arbitrary assumptions is puzzling and alarming to the scientific community. Newly adepts «holotropic» breathing and «expansion of consciousness» are starting to give «transpersonal psychology» features a sectarian creeds which can easily «fold» the science and esoteric practices, quantum physics and religious-mythological consciousness. The obvious way is to discredit the image of a serious scientist that made in the scientific field, S. Grof, the transformation of the first careful attempts to study such a delicate matter as the psyche and the unconscious – in pop-science, show business, in indulging the baser tastes of the marginalized sections of society.

Key words:

psyche, consciousness, the unconscious, psychology, transpersonal psychology, holotropic breathwork, esoteric and mythological consciousness.

УДК 130.2

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ГУМАНИТАРНАЯ ЦЕННОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ

Самаркина Нина Михайловна,

Уральский Финансово-Юридический институт,
Заведующая кафедрой общенаучных дисциплин,
кандидат педагогических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: n.samarkina66@gmail.com

Аннотация

В статье раскрывается становление и современная сущность категории «самоидентификация личности». В качестве составляющих категории рассматриваются понятия сферы самоидентификации личности, ее средства. Автор уделяет внимание содержанию самоидентификации молодежи в образовании: в сфере учебной деятельности, в развитии самосознания обучаемого. Определяются факторы кризиса самоидентификации личности в условиях общественных трансформаций в постсоветской России и его проявления в структуре личности россиянина. На основе данного анализа намечаются тенденции обеспечения самоидентификации личности в российском образовании как гуманитарного ресурса «мягкой силы».

Ключевые слова:

самоидентификация личности, идентификационные процессы в учебной деятельности, в развитии самосознания, кризис самоидентификации, современные средства самоидентификации.

Образование должно явиться одним из компонентов «мягкой силы» России за счет экспорта образовательных услуг, а также за счет того обстоятельства, что «продуктом» образования является обучаемый – личность, воплощающая в себе национальный характер и национальное самосознание, которые также относятся к элементам национальной мощи и притягательности для других стран.

Образование как одна из сфер процесса социализации личности предполагает формирование интеллектуального потенциала, развитие личности обучаемого в целом. Активность личности в ее развитии и саморазвитии определяется, в том числе, посредством понятия «самоидентификация». Сложнейшие модернизационные процессы XXI века в России, в мире, определяют острую актуальность идентификационных процессов для личности, общества, государства.

Концепт «самоидентификация личности» сложился в рамках психологии, социологии, социальной психологии, девиантологии. Впервые термин «идентификация» употребляется З. Фрейдом для обозначения процесса психосексуальности развития личности, когда мальчик бессознательно отождествляет себя с отцом для преодоления эдипова комплекса [8].

Э. Эриксон, американский психолог и социолог, ввел в научный оборот понятие «эго-идентичности» как качества личности, обретенного ею в ходе психосоциального развития в период с 12–13 до 19–20 лет, сущность которого заключается в обретении «верности», тождественности самому себе, в виде способности принимать нормы морали, идеологии данного общества и придерживаться их [9].

Термин «самоидентичность» введен в научное употребление Э. Гидденсом при исследовании

довании проблем становления личности в современном динамично меняющемся мире [2].

В рамках отечественных социогуманитарных исследований проблема самоидентификации личности приобрела особую актуальность после реформ 90-х годов в связи с трансформациями в российском обществе. Социологическая наука констатировала разрушение традиционной (советской) системы социальной регуляции и соответствующих матриц социального поведения, что и вызвало феномен массового поиска идентичности. Т.А. Фомина, характеризуя явления кризиса самоидентификации россиян в постсоветскую эпоху, называет в этом ряду трансформацию идентификационных моделей «советского человека», которые имели институциональный статус, т.к. определялись принадлежностью к организации – пионерской, комсомольской, партийной и др., а в новых условиях эти идентификационные модели должны были либо исчезнуть, либо утвердиться в новом содержании. Кроме того, разгосударствление, плюрализация, индивидуализация социальной сферы в ходе реформ привели к разрыву ценностей внутри общества между его образовавшимися группами: между «богатыми» и «бедными», между столичными жителями и провинциальными, между поколением «отцов» и поколением «детей» [7].

Серьезно осложнило самоидентификацию молодого россиянина также влияние западной массовой культуры с ее идеями сексуальной и гендерной революции, со стандартами общества потребления и «клубной» молодежи.

В этих условиях самоидентификация россиян приобрела адаптивно-защитный характер, характер полистилизма, обусловленный влиянием различных идентификационных стереотипов: советских, постсоветских, европейских, восточных. Часто в психолого-педагогическом, социологическом дискурсе речь заходила о распаде самоидентификации молодежи, который выражался в неспособности к выработке собственного устойчивого образа и, как следствие, в девиантном и делинквентном поведении [4].

Однако в последние год-два, особенно в связи с недавними событиями, такими как Олимпийские и Паралимпийские игры в Сочи, возвращение Крыма и Севастополя в состав России, поддержка россиянами населения

юго-востока Украины, противостояние международным санкциям, – наметились тенденции преодоления кризиса самоидентификации россиян, в первую очередь молодежи.

В связи с этим актуализировались методологические проблемы самоидентификации личности, проблемы, связанные с обоснованием факторов самоидентификации молодежи в процессе образования с целью формирования устойчивого мировоззрения и нравственности, четкого самоопределения в будущей профессии.

Круг методологических проблем самоидентификации личности связан с выявлением современной сущности данного психосоциального явления, с определением его системообразующих элементов. В данной работе мы придерживаемся социально-психологического аспекта в понимании самоидентификации личности, что позволит, опираясь на концепцию Г.М. Андреевой, определить данное явление как составную часть процесса социализации, как двухсторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем самоотождествления с социальными стереотипами, а с другой – активного воспроизводства системы социальных ролей, социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду [1, с. 123].

Сферами самоидентификации личности должны явиться деятельность, в первую очередь, учебная, а также общение и развитие самосознания. Опираясь на точку зрения А.Н. Леонтьева на сущность психологических процессов в деятельности как в сфере социализации личности, можно утверждать, что в учебной деятельности учащейся молодежи происходит три идентификационных процесса: ориентировка в деятельности в виде выявления и освоения личностного смысла в данном виде учебной и будущей профессиональной деятельности, а также центрирование на главном, выбранном виде деятельности, и далее – осмысление новых ролей в деятельности и их значимости для личности и общества [4].

В современной ситуации в российском образовании отмечаются негативные явления в профессиональной самоидентификации, когда содержание получаемой профессии утрачивает своё определяющее значение, перестает быть

ведущим фактором в выборе места и формы трудовой деятельности [5]. Однако сегодня наметились и другие тенденции: российские СМИ информировали о небывалом с советских времен притоке молодежи в военные вузы, что свидетельствует о росте её интереса к обретению профессии, о росте патриотических настроений в мировоззрении молодых россиян.

Другой важной сферой самоидентификации личности является развитие самосознания в виде «Я – образа», «Я – концепции». В отечественных исследованиях предлагается трехкомпонентная структура «Я – образа», включающая познавательный (знание о самом себе), эмоциональный (оценка себя), поведенческий (отношение к себе) компоненты; при этом именно целостность данных компонентов в структуре самосознания личности и служит основанием для определения ее собственной, личностной идентичности [3].

Кроме того, познавательный компонент самосознания может быть разделен на несколько подуровней, которые выделяются в зависимости от содержания знания о себе:

- социально-профессиональный (идентифицирующие позиции – «я юрист, инженер, уважаемый член общества» и др.);
- семейно-клановый (идентифицирующие позиции – «я мать, отец, сестра, брат, член семьи, представитель рода» и др.);
- этнически-территориальный (идентифицирующие позиции – «я россиянин, житель Москвы, села Курганова» и др.);
- религиозно-идеологический (идентифицирующие позиции – «я христианин, мусульманин, убежденный атеист, коммунист» и др.);
- гендерный (идентифицирующие позиции – «я мужчина, женщина, девушка, юноша» и др.).

И, наконец, еще одним системообразующим элементом концепта «самоидентификация личности» является совокупность средств воздействия со стороны общества на личность для обеспечения достигнутой идентичности: ими являются нормы, ценности, стереотипы, знаки. Иными словами, общество передает идентифицирующейся личности систему норм, ценностей, стереотипов посредством знаков, символов.

Можно с уверенностью предположить, что сегодня современное российское общество и государство может предложить личности новые ценности, стереотипы, символы, что позволит преодолеть кризис самоидентификации личности постсоветского периода. К таким ценностям Л. Н. Тимофеева относит новый имидж России, в содержание которого входит имидж главы государства, правительства, национальная идея, которая, наконец, начинает формулироваться на основе традиционных ценностей россиян, таких как свобода, справедливость, достоинство человека, его благополучие и социальная ответственность; а также цивилизационные ценности современной России – укрепление военно-промышленной мощи, перемены в политической сфере, достижения в культуре, образовании, искусстве, а также ценности, связанные с национальным характером россиян [6].

Новый имидж России начинает формироваться буквально на наших глазах в результате вышеупомянутых исторических событий, и в результате «...государство начинает соответствовать ожиданиям своих граждан» [6; 7].

Образование в современной России ставит во главу угла решение проблем самоидентификации молодежи, чтобы обеспечить значение образования как гуманитарного инструмента «мягкой силы».

1. Андреева, Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. – М., 2009.
2. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2003. – 528 с. («Концепции»).
3. Кон, И.С. Открытие «Я»: Историко-психологический этюд // Новый мир. – 1977. – № 8. – С. 176–195.
4. Леонтьев, А.Н. Лекции по общей психологии // А.Н. Леонтьев. – М., 2000.
5. Нархова, Е.Н. Радченко, Т.Е. Методы формирования самоидентификации студенческой молодежи // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2012. – № 3 (104). – С. 69–76: [Электронный ресурс]. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/21082> (дата обращения: 15.12.2014).
6. Тимофеева, Л.Н. Новый имидж России как символ возрождения страны / Л.Н. Тимофеева // Диалог-Пи: Научный журнал / учредитель Уральское отделение Российской академии наук, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук; под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД «Диалог-Пи». – 2014. – № 1 (14). – 186 с.
7. Фомина, Т.А. Самоидентификация студенчества в условиях современной России: Автореферат диссертации по ВАК 22.00.06, специальность социология культуры, духов-

ной жизни: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/samoidentifikatsiya-studenchestva-v-usloviayah-sovremennoi-rossii> (дата обращения: 15.12.2014).

8. Фрейд, Зигмунд. Основные психологические теории в психоанализе / пер. М.В. Вульф, А.А. Спектор. – М.: АСТ, 2006. – 400 с.

9. Эриксон, Э.Г. Детство и общество / пер. [с англ.] и науч. ред. А.А. Алексеев. – СПб.: Летний сад, 2000. – 198 с.

1. Andreeva, G.M. Social'naya psixologiya segodnya: poiski i razmyshleniya. – М., 2009.

2. Giddens, E'. Ustroenie obshhestva: Ocherk teorii strukturacii. – М.: Akademicheskij proekt, 2003. – 528 s. («Концепции»).

3. Kon, I.S. Otkrytie «Ya»: Istoriko-psixologicheskij e'tyud // Novyj mir. – 1977. – № 8. – S. 176–195.

4. Leont'ev, A.N. Lekcii po obshhej psixologii // A.N. Leont'ev. – М., 2000.

5. Narxova, E.N. Radchenko, T.E. Metody formirovaniya samoidentifikacii studencheskoj molodezhi // Izvestiya Ural'skogo

federal'nogo universiteta. – Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. – 2012. – № 3 (104). – S. 69–76: [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/21082> (data obrashheniya: 15.12.2014).

6. Timofeeva, L.N. Novyj imidzh Rossii kak simbol vozrozhdeniya strany / L.N. Timofeeva // Diskurs-Pi: Nauchnyj zhurnal / uchreditel' Ural'skoe otделение Rossijskoj akademii nauk, Institut filosofii i prava Ural'skogo otделения Rossijskoj akademii nauk; pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi». – 2014. – № 1 (14). – 186 s.

7. Fomina, T.A. Samoidentifikatsiya studenchestva v usloviyah sovremennoj Rossii: Avtoreferat dissertacii po VAK 22.00.06, special'nost' sociologiya kul'tury, duxovnoj zhizni: [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/samoidentifikatsiya-studenchestva-v-usloviayah-sovremennoi-rossii> (data obrashheniya: 15.12.2014).

8. Frejd, Zigmund. Osnovnye psixologicheskie teorii v psixoanalize / per. M.V. Vul'f, A.A. Spektor. – М.: AST, 2006. – 400 s.

9. E'rikson, E'.G. Detstvo i obshhestvo / per. [s angl.] i nauch. red. A.A. Alekseev. – SPb.: Letnij sad, 2000. – 198 s.

UDC 130.2

SELF-IDENTIFICATION AS A HUMANITARIAN VALUE OF EDUCATION

Samarkina Nina Mikhailovna,

Ural Finance and Law Institute,
Head of Department of Scientific Disciplines,
Ph.D., Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: n.samarkina66@gmail.com

Annotation

The article deals with the formation and nature of the modern category of «self-identification». As part of the category examines the concepts of self-identification sphere, its means. The author pays attention to the content of self-identification of young people in education: in the area of training activities in the development of self-learner. The factors of the crisis of identity of the person in conditions of social transformation in post-Soviet Russia and its manifestation in the personality structure of the Russian. On the basis of this analysis are outlined trends to ensure identity of the person in the Russian education as a humanitarian resource of «soft power».

Key words:

self-identification, identification processes in learning activities in the development of self-awareness, identity crisis, modern identity.

УДК 1/14

ТРАВЕЛОГ: ДВИЖЕНИЕ К СЕБЕ ИЛИ БЕГСТВО ОТ СЕБЯ? МЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Романова Кира Степановна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела философии,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: romkira@yandex.ru

Аннотация

В статье предлагается дискурс-анализ многообразных функций травелога через культурное разнообразие и ментальные особенности представителей разных стран.

Ключевые слова:

травелог, функции травелога, ментальные особенности, культурное разнообразие.

Отчего люди путешествуют? Что они ищут и надеются обрести? Ведь если верить поговорке «Хорошо там, где нас нет», то достичь желанной цели нам не суждено, она как мираж в пустыне. Монтень, например, писал в «Опытах», что отчетливо представляет себе от чего он бежит, но не знает, что именно ищет. У каждого путешественника свой стимул, свой интерес, своя мечта.

Между тем, травелог во всем его многообразии, будучи формой познавательно-эмпирического освоения мира, включается в формирование создания картины мира, дает философскую интерпретацию освоения иного пространства и времени, выступает в качестве мощного культурологического фактора. Культура в самом широком понимании, как выражение деятельной сущности человека в ходе исторического развития производства, обмена

и общения выполняет функцию сохранения традиций и функцию связи между эпохами, народами, регионами, странами и континентами. Травелог отражает различные тенденции, специфику которых определило разнообразие культурных процессов и явлений, основанных на разной ментальности народов. Происходит процесс взаимодействия разных культур как определенных ценностей, в которых по-разному представлены соотношения природного, социального и культурного в человеческой жизнедеятельности, начиная с одежды, пищи, поведения, включая религиозные обряды, ритуалы, формы политических систем. В современных условиях глобализации и активной социальной мобильности эти процессы заметно ускоряются.

Известный канадский социолог Мишель Ламон опубликовал в книге «Деньги, Мораль

и Поведение. Культура французского и американского высшего слоя среднего класса» сравнительное исследование представителей высшего слоя среднего класса США и Франции, пытаюсь найти основания, с помощью которых они проводят символические границы, отделяющие «своих» от «чужих» [2].

Исследователь выделяет три типа символических границ: моральные, социально-экономические, культурные. Собранные Ламоном данные говорят о том, что все три типа границ имеют большое значение для доступа к преимуществам высшего слоя среднего класса – знакомствам, деловым связям, должностям, возможностям карьерного роста. Однако отличия в выборе оснований определяются ментальными особенностями. Проведение символических границ – составная часть процесса адаптации и создания социальной идентичности. Они появляются тогда, когда мы пытаемся ответить на вопрос, кто мы, сравнивая себя с другими и определяя, на кого мы хотим быть похожими и от кого хотим отличаться. Символические границы позволяют нам очертить круг людей, с которыми нас объединяет общая позитивная социальная идентичность, и противопоставить свою социальную группу другим – менее для нас привлекательных или вообще чуждых нам. Так для американцев более значимыми являются социально-экономические границы: они никогда не запятнают себя дружбой с неудачником и, наоборот, стремятся бывать в обществе людей, достигших в жизни большего успеха, чем они сами. Для французов же важнее культурные границы: они презирают людей ограниченных и скорее предпочтут дружить с нищим интеллектуалом, чем с тупым нуворишем.

Как показывают опросы французов, занимающих высокие должности в коммерческих фирмах, государственных учреждениях и университетах постоянно повторяется мысль о том, что самым противным для них типом человека – является «средний француз», который живет в пригороде, по вечерам смотрит телевизор, каждый год меняет машину и ездит в августе на море. В кругу высшего слоя фран-

цузского среднего класса принято быть подлинными эстетам, и среди прочего, выбирать для путешествий такие направления, чтобы не пересекаться с массовыми туристами. Для американцев, как отмечает Мишель Ламон, характерно явление, которое он определяет как «обратное культурное исключение». Это явление охватывает осуждение и нежелание иметь дела с человеком, проявляющим «излишний» интеллектуализм и слишком изысканный художественный вкус. Американские респонденты постоянно подчеркивают во время исследования, что предпочитают дружить с людьми простыми и скучными, которые пьют пиво прямо из бутылок, разговаривают о детях и бейсболе, но зато они порядочные и на них можно положиться – не то, что на какого-нибудь «утонченного негодяя» или «болтливую умника».

Те американцы, кто все же проводит культурные границы, отождествляют утонченность с космополитизмом, желанием расширить горизонты – например, с помощью путешествий, изучения языков, знакомства с экзотической кухней. Вообще для американцев «культура» чаще всего отождествляется с европейскими товарами и традиционной кухней. Для них «изысканными» могут быть самые народные блюда и напитки европейской кухни: французское вино, итальянская паста, русская водка. Все это, а также произведения искусства, литературу, живопись они готовы активно приобретать – но не для извлечения эстетического удовольствия, а для демонстрации своего высокого социального статуса.

Известный исследователь туризма американский социолог Дин Макканел, автор известной книги: «Турист: новая теория праздного класса», считает туризм основным компонентом социальной идентичности среднего класса. «Именно средний класс систематически бороздит земной шар в поисках новых впечатлений, погружаясь в коллективное туристическое переживание других мест и других людей. Эти усилия международного среднего класса по координации мировых различий и их слиянию в единую идеологию неразрывно связаны с его способностью подчинить других людей

своим ценностям, производству и проектам будущего» [3]. Британский социолог Джон Урри в своей книге «Взгляд туриста: отдых и путешествия в современных обществах» отмечает, что путешествия сегодня занимают 40% свободного времени. Если люди не путешествуют, они теряют статус: путешествия стали признаком статуса. «Мне нужен отпуск» есть прямое отражение современного дискурса, основанного на идеи о том, что для сохранения физического и психического здоровья человеку непременно необходимо периодически куда-нибудь «выезжать» [4].

Как замечает психолог Анна Фенько: «Поскольку ценности среднего класса имеют тенденцию становиться ценностями всего общества, поведение отпуска вдали от дома становится не просто одним из возможных видов отдыха, а социальной нормой, обязательной к исполнению. И хотя от туристической поездки люди часто устают больше, чем от работы, оставаться дома, когда у тебя отпуск, считается «неправильным» для нормального человека. На людей, которые проводят отпуск дома, смотрят с сожалением и презрением, как на ограниченных провинциалов или неудачников, испытывающих материальные трудности [1, с. 219].

Американский антрополог Нельсон Грабурн считает туристические поездки современного человека светским эквивалентом священных празднеств, разделявших время в традиционных культурах на два периода – сакральное время праздника и профанное время повседневных обязанностей. Туристические поездки как празднично-карнавальный период временного снятия всех социальных запретов, разрешение себе исполнения желаний, характеризуется не только легкостью завязывания «курортных романов», но и отказом от финансовых ограничений. В обыденном сознании очень популярна идея о том, что на отдыхе «нельзя экономить», так же как этого нельзя делать на свадьбах, похоронах и других сакральных событиях в жизни человека [3, с. 21–36].

Китайский социолог Нин Ванг называет туристическое потребление «пиковым», в отли-

чие от рационального и экономного поведения в обычной жизни: «Это безответственное и ничем не сдерживаемое потребление, конструирующее фантастический или утопический мир изобилия и вседозволенности» [5, с. 281–286].

Граждане России получили возможность свободно путешествовать относительно недавно. Возможность путешествовать – одно из реальных завоеваний «перестройки», для большинства людей гораздо более существенное, чем двусмысленная свобода слова и мало кому нужная многопартийность. В условиях неустоявшейся профессиональной «табели о рангах», и стабильного социального статуса, по-прежнему скудной обеспеченности жильем, отдых за границей стал определяющим классификационным признаком формирующегося в России среднего класса. И хотя само понятие среднего класса неоднородно, включающее в себя высший слой, который, как правило, покупает себе недвижимость в разных уголках мира и путешествует туда, как к себе домой, а зачастую и живет там определенную часть года. Средний слой, который состоит из представителей шоу-бизнеса, политических деятелей, менеджеров различных отраслей экономики, является наиболее активным пользователем всех видов туризма: профессионального, научного, спортивного и др. Более того, представители этой социальной группы стараются поддержать свой социальный статус умением «быть в нужное время в нужном месте». И низший слой среднего класса, который часто имитирует свою принадлежность к среднему классу, куда можно отнести и родственников (включая родителей-пенсионеров), и нянь по уходу за детьми.

Время для современного россиянина делится на повседневную жизнь, полную забот и тягот, и «настоящую жизнь», которую обычный человек покупает себе ценой 11 месяцев напряженного труда. Граница между этим двумя жизнями определяется некоторыми ритуалами перехода (сборами, получением визы, проводами, распитием спиртного с попутчиками). Ритуалы возвращения менее праздничны, но столь же обязательны: отчеты перед друзья-

ми, вручение подарков близким, демонстрация фотографий, сувениров и бронзового загара сослуживцам.

Как отмечает А. Фенько: «Само путешествие обычно проходит в режиме, который психиатры называют измененным состоянием сознания: чрезмерное возбуждение, эйфория, напряженность, граничащая с болезненностью... Медицинская статистика свидетельствует, что в отпуске люди чаще болеют и подвергают свое здоровье большему риску, чем дома». Человек возвращается из отпуска вовсе не «отдохнувшим» и «полным сил». Он возвращается другим, примерившим на себя иную жизнь, отвыкшим от выполнения привычных домашних ролей и с напряжением втягивающимся в исполнение рутинных обязанностей. Если бы не это чувство легкого отчуждения, которое мы испытываем по возвращении (иногда его называют культурным шоком), то в путешествиях вообще не было бы никакого смысла [1, с. 223]. Россияне относятся к этому «времени праздника» с особыми мерками. Они готовы рисковать здоровьем и даже жизнью, не только потому, что готовы доверять себя самолетам, круизным теплоходам или спортивным инструкторам. Им не страшны цунами, акулы и даже революции в стране пребывания. Они удивляют мир отказами от эвакуации при форс-мажорных обстоятельствах. Само путешествие для нас – сродни ритуальному испытанию героя, которое в традиционных культурах составляет суть любого священного праздника. И в этом плане, по психологии отношения к сакральным праздникам, мы мало чем отличаемся от предков, живущих в далеком прошлом. Когда русские посещают ту или иную неизвестную для них страну, то их философия отталкивается не от широты и обилия идей, от их реального опыта, а от блаженного неведения, лишенного пока интеллектуального эмпирического многообразия, чувственных переживаний. Ожидание всего этого интеллектуального и чувственного фейерверка и составляет для них ценность травелога.

Для того чтобы проведенные за границей дни превратились из индивидуального вос-

поминания в признак социального статуса, необходимо как-то транслировать окружающим людям собственные впечатления. Этим целям могут служить привезенные из поездки сувениры, фотографии и любительские видеофильмы. Однако, самый выгодный способ «конвертирования» своих индивидуальных туристических впечатлений в социально значимые символы является их трансляция большой аудитории на многочисленных Интернет-форумах. Участие в Интернет-форумах само по себе может служить определяющим признаком среднего класса, свидетельствующим о характере работы (сотрудник современного офиса) или уровне доходов (домашний компьютер, подключенный к Интернету). Виртуальное сообщество путешественников – это место, где обсуждаются «мода сезона», оттачиваются нормы поведения нового российского класса, принимаются коллективные решения о том, что соответствует, а что нет, этим нормам, и кого следует включить в число «своих», а кого нет. И хотя заявленная цель большинства форумов – поделиться впечатлениями и конкретным опытом о поездке, мотивы, заставляющие авторов создавать подробные отчеты о своих путешествиях, гораздо шире. И в этом также заключается одна из функций травелога.

1. Фенько А. Люди и деньги. Очерки психологии потребления. – М.: Независимая фирма «Класс», 2005.

2. Lamont M. Money, Morals and Manners. The Culture of the French and American Upper-Middle Class / Chicago: The University of Chicago Press, 1992.

3. Mac Cannell, Dean. The Tourist: A New Theory of the Leisure Class / Berkley: University of California Press, 1976.

4. Urry, John. The Tourist Gaze. Leisure and Travel in Contemporary Societies. – London: Sage Publications, 1990.

5. Wang N. The Tourist as a Peak Consumer. In: The Tourist as a Metaphor of the Social World / Ed. Graham M.S. Dann. UK: CABI Publishing, 2002. – p. 281–296.

1. Fen'ko A. Lyudi i den'gi. Ocherki psixologii potrebleniya. – М.: Nezavisimaya firma «Klass», 2005.

2. Lamont M. Money, Morals and Manners. The Culture of the French and American Upper-Middle Class / Chicago: The University of Chicago Press, 1992.

3. Mac Cannell, Dean. The Tourist: A New Theory of the Leisure Class / Berkley: University of California Press, 1976.

4. Urry, John. The Tourist Gaze. Leisure and Travel as a Metaphor of the Social World / Ed. Graham M.S. Dann. UK; in Contemporary Societies. – London: Sage Publications, 1990. CABI Publishing, 2002. – p. 281–296.
5. Wang N. The Tourist as a Peak Consumer. In: The Tourist
-

UDC 1/14

TRAVELOGUE: TOWARDS THEMSELVES OR ESCAPE FROM YOURSELF? MENTAL FEATURES AND CULTURAL DIVERSITY

Romanova Kira Stepanovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher
of the Department of Philosophy,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: romkira@yandex.ru

Annotation

This paper proposes a discourse analysis of the various functions of the travelogue through cultural diversity and mental peculiarities of representatives of different countries.

Key words:

travelogue, the travelogue features, especially the mental, cultural diversity.

УДК 316

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН (на примере Свердловской области)

Мухаметов Руслан Салихович,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
кандидат политических наук,
доцент кафедры теории и истории политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются формальные аспекты функционирования регионального политического режима, сопряженные с отношениями между исполнительной и законодательной властью.

Ключевые слова:

региональный политический режим, Свердловская область, губернатор, правительство, парламент.

Стартовой позицией для изучения региональных политических режимов является, с нашей точки зрения, формальный институциональный дизайн.

Теоретико-методологическим инструментом анализа взаимодействия между региональной исполнительной властью и парламентом мы выбрали пространственную (двухмерную) модель, разработанную американскими исследователями Мэтью Шугартом и Джоном Кэрри (см. схему 1). Первое измерение характеризует объем полномочий главы региона по определению состава правительства, второе – степень

сосуществования правительства и парламента в условиях взаимного недоверия.

Левый верхний угол схемы занимает президентско-парламентская система. Ее институциональные характеристики: 1) наличие всенародно избранного главы региона; 2) глава региона назначает и смещает членов правительства; 3) члены кабинета должны пользоваться доверием парламента; 4) ответственность правительства перед парламентом; 5) глава региона имеет право распустить парламент.

В правом верхнем углу схемы расположен тип президентской системы, для которого характерно: 1) всенародное избрание главы региона; 2) глава региона назначает правительство и определяет его состав; 3) глава региона имеет известные, определенные конституцией права в законодательной сфере.

В нижнем левом углу схемы находится премьер-президентская система, характеризующаяся тем, что: 1) глава региона избирается всенародно; 2) глава региона наделен существенными полномочиями; 3) одновременно

Раздельное сосуществование правительства и парламента

	Отсутствует	Максимальное
Максимальная Власть главы региона над правительством	Президентско-парламентский	президентский
Отсутствует	премьер-президентский	парламентский

Схема 1 – Типология республик

с главой региона существуют и выполняют функции исполнительной власти премьер-министр и правительство, ответственные только перед законодательным собранием.

Правый нижний угол занимает парламентская система. Это система, в которой государственное управление осуществляется через парламент, где, таким образом, законодательная и исполнительная власть «сливаются» друг с другом. Формально эти ветви независимы друг от друга, в реальности же парламент и исполнительная власть (правительство) теснейшим образом связаны между собой – полная противоположность принципу разделения властей. Основные черты парламентской системы таковы:

- Правительство формируется по результатам выборов в законодательное собрание с учетом количества голосов, набранных партиями.

- Правительство комплектуется из среды членов законодательного собрания, обычно из лидеров той партии (тех партий), которая, обладая большинством голосов в парламенте, контролирует его.

- Правительство ответственно перед законодательным собранием в том смысле, что оно опирается на его доверие и может быть отправлено в отставку, если оно это доверие потеряет.

- Правительство в большинстве случаев имеет право распускать собрание; помимо прочего, это означает, что строго установленных сроков выборов в этой системе не существует.

- Поскольку председатель правительства является и членом парламента, государство представлено еще одним официальным лицом – монархом либо «неправящим» президентом.

Парламентаризм – это такой режим, при котором единственно демократическим законным институтом является парламент, а власть правительства находится в полной зависимости от парламентского востума доверия.

Какова специфика организации власти в Свердловской области? Можно выделить следующие особенности.

1. Свердловский губернатор выполняет двоякую роль, а именно: высшего должностного лица региона и главы системы исполнительных органов государственной власти Свердловской области.

Как высшее должностное лицо субъекта РФ, губернатор:

- во-первых, определяет основные направления внутренней, бюджетной и налоговой политики Свердловской области, социально-экономического развития Свердловской области;

- во-вторых, представляет регион в отношениях с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти других субъектов страны и при осуществлении внешнеэкономических связей.

Как глава системы исполнительных органов государственной власти Свердловской области, губернатор:

- обеспечивает координацию деятельности исполнительных органов государственной власти Свердловской области

- организует взаимодействие органов исполнительной власти Свердловской области с федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами, расположенными на территории Свердловской области;

- определяет структуру исполнительных органов государственной власти Свердловской области;

- формирует Правительство Свердловской области.

2. Свердловский губернатор разделяет высшую исполнительную власть с Правительством Свердловской области. Правительство является высшим постоянно действующим исполнительным органом государственной власти Свердловской области. В чем принципиальное отличие полномочий свердловского губернатора от правительства? Глава региона, как уже было сказано выше, определяет основные направления социально-экономического развития Свердловской области, а правительство разрабатывает и осуществляет меры по обеспечению этого развития. Таким образом, глава региона делит прерогативы высшей исполнительной власти с председателем правительства.

Необходимо отметить, что наличие правительства дает свердловскому губернатору возможность переложить на него ответственность за текущую экономическую ситуацию

и позволяет губернатору играть роль главы региона, а не руководителя одной из ветвей власти.

3. Региональное правительство формируется свердловским губернатором, но при согласии регионального парламента. В частности, председатель правительства, а также ряд министров (в сферах финансов, социальной защиты населения, управления государственным имуществом) назначаются на должность губернатором с согласия законодательного собрания. Иные руководители областных исполнительных органов государственной власти и их заместители назначаются на должность и освобождаются от должности губернатором, но уже без необходимости получения еще чье-либо согласия. Иными словами, свердловский губернатор обладает достаточно большими полномочиями в процессе назначения на правительственные посты и возможностями реального влияния на деятельность правительства и его отдельных министров. Об этом говорит тот факт, что глава региона вправе отменять либо приостанавливать действие нормативно-правовых актов, принимаемых местным правительством, областными и территориальными исполнительными органами государственной власти Свердловской области. Таким образом, можно говорить о модели «технического правительства».

4. Региональное правительство не подотчетно местному парламенту. Необходимо отметить, что законодательное собрание вправе выразить недоверие председателю правительства области, а также ряду министров (в сферах финансов, социальной защиты населения, управления государственным имуществом). Однако выражение недоверия не имеет никаких прямых правовых последствий для вышеназванных лиц и не влечет их увольнение. Иными словами, региональный парламент не может отправить правительство в отставку посредством выражения вотума недоверия. Согласно закону, принимает решение об отставке регионального правительства, его председателя и иных членов только свердловский губернатор. Таким образом, региональное правительство несет ответственность перед главой региона.

5. Свердловский губернатор обладает правом законодательной инициативы, т. е. правом от своего имени вносить законопроекты в региональный парламент, и отлагательного вето (возможностью не допускать вступление в силу законопроекта, принятого региональным парламентом, до его повторного рассмотрения и утверждения).

6. Региональный парламент фактически не имеет возможности добиться досрочного прекращения полномочий главы региона. Законодательное собрание имеет право выразить вотум недоверия губернатору. За него должны проголосовать не менее двух третей депутатов (поставить вопрос на голосование может группа депутатов, насчитывающая более одной трети от общего числа). При этом должен быть установленный судом повод для недоверия:

- издание актов, противоречащих федеральному и региональному законодательству, и не устранение этих нарушений в течение месяца после принятия решения судом;
- иное грубое нарушение федерального и регионального законодательства, влекущее за собой массовое нарушение прав и свобод граждан;
- наконец, ненадлежащее исполнение губернатором своих обязанностей.

Решение о выражении недоверия главе региона направляется на рассмотрение президента.

Таким образом, вотум недоверия губернатору со стороны законодательного собрания возможен, но не имеет прямых последствий, т. к. окончательное решение об отстранении или сохранении губернатора в должности принимает глава государства.

7. Свердловский губернатор вправе досрочно распустить региональный парламент. Глава региона вправе принять решение о досрочном прекращении полномочий законодательного собрания. При этом должен быть установленный судом повод для роспуска:

- принятие региональным парламентом нормативно-правового акта, противоречащего федеральным законам, и не устранение этого нарушения в течение шести месяцев со дня вступления в силу судебного решения;
- не проведение региональным парламентом заседаний в течение трех месяцев подряд.

Итак, система правления и организации региональной власти не вписываются полностью ни в одну из вышеназванных моделей.

1. О Правительстве Свердловской области (со всеми изм. и доп.). Закон Свердловской области от 4 ноября 1995 года N 31-ОЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/801101704> (дата обращения: 01.12.2014).

2. Об исполнительных органах государственной власти Свердловской области от 19 декабря 2012 года N 106-ОЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/801100345> (дата обращения: 01.12.2014).

3. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации (со всеми изм. и доп.). ФЗ от 6 октября 1999 года N 184-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://cikrf.ru/law/federal_law/ (дата обращения: 01.12.2014).

4. Устав Свердловской области (со всеми изм. и доп.). Закон Свердловской области от 23 декабря 2010 года N 105-ОЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ikso.org/100000267.html> (дата обращения: 01.12.2014).

5. Линц Х. Опасности президентства // Пределы власти. – № 2–3 [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem14.htm> (дата обращения: 12.11.2014).

6. Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов / Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Вельского. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 544 с.

7. Шугарт М., Кери Дж. Президентские системы [Электронный ресурс]. – URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf_21cce4b8aaec8afc617880bc1dbd0e7a (дата обращения: 12.11.2014).

local/prep/rj/files.php?f=pf_21cce4b8aaec8afc617880bc1dbd0e7a (дата обращения: 12.11.2014).

1. O Pravitel'stve Sverdlovskoj oblasti (so vsemi izm. i dop.). Zakon Sverdlovskoj oblasti ot 4 noyabrya 1995 goda N 31-OZ [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/801101704> (data obrashheniya: 01.12.2014).

2. Ob ispolnitel'nyx organax gosudarstvennoj vlasti Sverdlovskoj oblasti (so vsemi izm. i dop.). Zakon Sverdlovskoj oblasti ot 19 dekabrya 2012 goda N 106-OZ [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/801100345> (data obrashheniya: 01.12.2014).

3. Ob obshhix principax organizacii zakonodatel'nyx (predstavitel'nyx) i ispolnitel'nyx organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii (so vsemi izm. i dop.). FZ ot 6 oktyabrya 1999 goda N 184-FZ [E'lektronnyj resurs]. – URL: http://cikrf.ru/law/federal_law/ (data obrashheniya: 01.12.2014).

4. Ustav Sverdlovskoj oblasti (so vsemi izm. i dop.). Zakon Sverdlovskoj oblasti ot 23 dekabrya 2010 goda N 105-OZ [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://www.ikso.org/100000267.html> (data obrashheniya: 01.12.2014).

5. Linc X. Opasnosti prezidentstva // Predely vlasti. – № 2–3 [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem14.htm> (data obrashheniya: 12.11.2014).

6. Xejvud E'. Politologiya: Uchebnik dlya studentov vuzov / Per. s angl. pod red. G.G. Vodolazova, V.Yu. Vel'skogo. – M.: YUNITI-DANA, 2005. – 544 s.

7. Shugart M., Keri Dzh. Prezidentskie sistemy [E'lektronnyj resurs]. – URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf_21cce4b8aaec8afc617880bc1dbd0e7a (data obrashheniya: 12.11.2014).

UDC 316

REGIONAL POLITICAL REGIME: INSTITUTIONAL DESIGN

(On the Example of Sverdlovsk Region)

Mukhametov Ruslan Salikhovich,

The Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department of Theory and History of Political Science,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Annotation

The article deals with the formal aspects of the functioning of the regional political regime associated with the relationship between the executive and the legislature.

Key words:

regional political regime, Sverdlovsk region, governor, government, parliament.

УДК 321.01

РЕЖИМ ИМИТАЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Мошкин Сергей Вячеславович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
главный научный сотрудник,
доктор политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Аннотация

Рассматривается политическая эволюция ряда постсоветских стран, приведшая к установлению в них режимов имитационной демократии. Выделяются общие черты и признаки режимов имитационной демократии. Делается вывод, что процессы внутренней динамики таких режимов ведут к накоплению имманентно присущих им противоречий и делают их падение неизбежным.

Ключевые слова:

политический режим, демократический транзит, имитационная демократия, авторитаризм.

В соседнем Казахстане объявлены досрочные президентские выборы. Кто победит, гадать не приходится. Н. Назарбаев правит там с 1989 года, со времен КПСС, в 1991 году стал первым и пока единственным президентом республики. С апреля 2015 года начнется отсчет его пятого, вероятно, уже пожизненного президентского срока. И. Каримов в Узбекистане – аналогично: последний руководитель республиканской компартии и первый, также пока единственный, президент. И, видимо, тоже пожизненный. Примеры «несменяемых президентов» можно множить и множить. В Таджикистане Э. Рахмон бессменно правит с 1994 года, отец и сын Алиевы в Азербайджане – с 1993-го. Не случись внезапная смерть С. Ниязова, он бы правил Туркменией до сих пор. В Белоруссии бессменный А. Лукашенко первый раз был избран президентом в 1994 году и намерен переизбраться в очередной раз в 2015-ом. У нас в России последние конкурентные выборы президента были в далеком 1996 году, победивший на них Б. Ельцин обеспечил себя преемником, который

у власти, по сути, с 2000-го, и по закону может исполнять президентские обязанности до 2018-го, а то и до 2024 года.

А ведь все республики бывшего СССР, в том числе и упомянутые, обретя независимость, заявили о своем намерении строить у себя демократические государства. Приверженность республиканскому строю и демократии с соответствующим обеспечением демократических прав и свобод граждан была повсеместно закреплена в конституциях упомянутых стран. Апелляция к демократии была настолько естественна, что стала восприниматься как общепринятая норма и приобрела всеобщий, чуть ли не обязательный характер. Лидеры молодых демократических государств нарочито озвучивали откровенно либеральные тексты, чтобы никто не мог усомниться в искренности их намерений, даже С. Ниязов – будущий Туркменбаши, возводивший себе золотые статуи и переименовавший в честь себя и своих родителей месяцы года.

Но если все были за демократию, почему же развитие России и некоторых других

стран бывшего СССР пошло в очевидно не демократическом направлении? Почему возникла система власти «безальтернативных» президентов, использующих право и демократические институты как камуфляж и передающих власть назначенным ими преемникам? Попробуем порассуждать.

Начнем с того, что в процессе перехода к демократии есть парадоксальный аспект – этот переход неотделим от поражения на выборах и утраты власти теми, кто пришел к власти под лозунгом демократии. В этом смысле для установления демократии главное – не способность побеждать в борьбе за власть, а способность проигрывать и признавать свое поражение. Но терять власть никогда не хочется, и если есть возможность продлить ее, всего лишь «чуть-чуть» нарушив конституционные нормы, не соблазниться такой возможностью очень трудно.

Когда принимаешь некоторую норму, но не можешь ей следовать, то начинаешь обманывать и себя, и других, изображать следование этой норме. В нашем случае важно, что именно так возникают культурно-психологические условия для формирования режимов недемократических, имитирующих демократию. Точнее, режимов имитационной демократии. Демократические и правовые нормы и институты в них играют роль декорации, за которой скрывается иная, авторитарная организация власти, однако демократический камуфляж в этой системе является необходимым, имманентным ей элементом.

Чувствуя, что конституционные нормы, декларативные сами по себе, не слишком-то соответствуют политическим реалиям, далеким от демократических стандартов, лидеры постсоветских государств, не выходя за пределы демократического дискурса в своей риторике, сначала заговорили о сложностях перехода к демократии, ссылаясь на тяжелое советское наследие, а затем, по мере того, как «переход» явно затягивался во времени, – об их «особом пути» продвижения к демократии. При том, что главной движущей силой и главным направлением развития политических систем в этих странах стала последовательная ликвидация угроз сохранению верховной власти в руках

президентов и/или ее передаче избранным ими преемникам.

Конечно, генезисы персоналистских режимов имитационной демократии, возникших на просторах бывшего СССР, несколько различались друг от друга, но все они едины в одном – президенты, вступившие на путь построения своей «безальтернативности», опирались на неправовые методы и средства в целях достижения полного, безальтернативного контроля своей личной власти над обществом и государством. Это такие меры, как отмена или серьезная деформация действующей конституции, принятие антиконституционного законодательства, фальсификация результатов выборов, давление на суды, уголовное преследование оппонентов по вымышленным обвинениям и т. д. вплоть до убийств политических соперников, реальных или мнимых. Кроме преступлений, непосредственно связанных с укреплением режимов личной связи, множество преступлений совершалось в ходе приватизации, которая в условиях бесконтрольной власти просто не могла не превратиться в растаскивание государственной собственности и личного обогащения президентов и близкого им круга лиц.

Но это, вместе с тем, означает, что чем дальше президенты идут в строительстве своих «безальтернативных» режимов, тем больше шансов, что в случае утраты власти они могут быть подвергнуты судебному преследованию. Поэтому, чем дальше укрепляется и развивается режим личной безальтернативной власти, тем меньше возможности для президента свернуть с избранного пути, тем более что после ухода с поста (если только он не передаст его заранее выбранному преемнику и гарантирует себе иммунитет от судебных преследований) его и его близких ожидают тюрьмы и разорение. На путь построения системы личной власти достаточно легко вступить, но с него практически невозможно сойти.

Все постсоветские режимы имитационной демократии прошли в своей эволюции схожие этапы. Назовем некоторые из них, наиболее характерные. Во-первых, достаточно быстрый конфликт «демократического» президента с «просоветским» парламентом. В первой половине 1990-ых годов такие конфликты наблюда-

лись повсюду, кроме Туркмении, где парламент с самого начала был под полным контролем президента. Общенациональные легислатуры, сформированные еще в годы Перестройки, на гребне демократической волны требовали себе реальных полномочий в управлении государством и, тем самым, становились серьезным препятствием для установления режима личной власти президента. Наиболее острые и в буквальном смысле кровавые формы конфликт приобрел в России в 1993 году.

Во-вторых, результат схватки повсеместно был не в пользу парламентов. Их разгоняли и по инициативе президента спешно принимали новую конституцию страны, удобную ему. Заодно избавлялись и от вчерашних союзников президента, приведших его к власти, как потенциальных соперников в будущем. Характерно, что на защиту разгоняемых парламентов народ не поднимался нигде. И хотя везде в новых текстах Основного закона сохранялся демократический принцип разделения властей, полномочия законодательной власти были прописаны в них несопоставимо меньшими по сравнению с полномочиями власти исполнительной в целом и личной президентской власти, в частности.

В-третьих, даже максимально удобная для президента конституция не давала полных гарантий, что на всеобщих выборах не победит кто-нибудь другой. Поэтому, как в России, так и в других постсоветских странах с авторитарными политическими режимами в тексты конституций были внесены поправки, удлиняющие сроки президентских полномочий, а в некоторых государствах – отменяющие предельный возраст для президента и количество возможных сроков исполнения президентских полномочий. Президенты, тем самым, законодательно оформили право на «пожизненное президентство».

В-четвертых. Укрепление персоналистских режимов требует проведения ежедневной планомерной работы по предотвращению угроз со стороны реальной и потенциальной оппозиции. Для этого в рассматриваемых странах имитационной демократии применялись различные методы и средства политического контроля в сфере публичной политики, среди

которых наиболее существенные следующие: установление контроля над средствами массовой информации; принятие избирательного законодательства, максимально благоприятного для власти и неблагоприятного для оппозиции; установление контроля над избирательными комиссиями различного уровня и создание «административной машины» по фальсификации итогов голосования; создание режима наибольшего благоприятствования для подконтрольных президенту политических партий и движений; использование государственных секретных служб для борьбы с политической оппозицией.

В-пятых. Установление режима личной власти – процесс не сугубо политический, он имеет серьезную экономическую подоплеку. В первые постсоветские годы приватизация государственной собственности превратилась, по сути, в «дележку» для своих, где главным оператором «раздачи» выступала верховная власть. Естественно, все это происходило с многочисленными нарушениями закона. В результате сформировался класс новых собственников, заведомо лояльных политическому режиму и конкретному высшему должностному лицу. Нувориши стали не просто опорой режима, но и его охранителями, ведь приход к власти оппозиции мог повлечь за собой пересмотр результатов приватизации. Одновременно, президенты получили возможность контролировать «записанных в олигархи», и при первых же признаках нелояльного политического поведения со стороны новых собственников возбуждать против них уголовные дела якобы за экономические преступления. Режимы личной власти не заинтересованы в создании конкурентной экономической среды, ибо это ведет к потере контроля над субъектами экономики, экономикой в целом, а, в конечном счете, – к потере контроля над обществом как таковым, включая политическую сферу.

Таким образом, логика действий «несменяемых президентов» толкает их к установлению все возрастающего контроля над обществом. Борьба с реальными политическими противниками, имевшая место в самом начале правления президента, переходит в стадию создания таких условий, при которых про-

тивники не могут появиться вовсе; на смену борьбе с реальными угрозами режиму личной власти приходит борьба с угрозами потенциальными и даже воображаемыми. Вслед за «безальтернативными президентами» появляются «безальтернативные парламенты», «безальтернативные партии», «безальтернативное чиновничество», «безальтернативные СМИ». Развитие уже идет «само собой», без постоянных усилий президента. Бюрократия сама осуществляет движение по этому пути, поскольку вся она заинтересована в укреплении президентской власти. Кроме того, любой президентский назначенец на своем уровне так же, как президент в масштабах страны, стремится обезопасить себя от неожиданных угроз «снизу» и вытравливает вокруг себя любую оппозицию, одновременно демонстрируя «наверх» максимальную лояльность президенту и бдительность в отслеживании угроз для президентской власти как таковой.

Система «безальтернативной власти» замыкается и начинает воспроизводиться на всех уровнях властной вертикали. Однако она не столь крепка, как может показаться на первый взгляд, у нее существуют свои «пределы роста». Начать хотя бы с того, что естественное стремление «несменяемого президента» расширить сферу своего контроля ведет к тому, что демократические и правовые институты все более превращаются в фикцию. Не заметить это становится уже невозможно. Полностью предсказуемые выборы превращаются в ритуал, в них исчезает какая-либо интрига. Но ведь режимы имитационной демократии не имеют своей, альтернативной демократии идеологии и не зависят от демократии и выборов источников легитимности. Поэтому, чем больше общество оказывается под формальным контролем власти, чем более предсказуемыми становятся выборы, судебные решения, сообщения СМИ и т. д., тем в большей степени исчезает легитимность власти. А власть, лишенная легитимности, уязвима сама по себе.

Кроме того, все «несменяемые президенты» сталкиваются с неизбежной проблемой собственного старения и, как следствие, необходимостью обеспечить безопасность для себя

и близких путем передачи власти какому-то доверенному лицу. Это всегда сопряжено с серьезными политическими рисками, поскольку обостряет борьбу «придворных кланов», связанных с разными кандидатами в преемники, и порождает активизацию оппозиционных сил. Более того, президент может ошибиться с выбором преемника. Тот может оказаться лишенным необходимых качеств для поддержания режима и, тем самым, поставить под угрозу безопасность патрона, а то и просто обмануть своего покровителя. Наконец, внутрисемейная «квазимонархическая» передача власти слишком обнажает неправовую и недемократический характер режима и опять-таки лишает преемника необходимой легитимности, что, в свою очередь, так же усиливает борьбу «придворных кланов» и дает основания для активизации политических соперников.

Даже если президент сравнительно молод и пока не задумывается о преемнике, его подстерегает другая, может быть не столь явная, но не менее серьезная угроза. Речь идет об утрате реальных представлений о состоянии общества. В условиях стерилизованных СМИ и легислатур поток истинной информации о настроениях общества иссякает. «Безальтернативный президент» создает вокруг себя среду, которая отражает его собственные взгляды и представления о себе и стране, и начинает сам искренне верить в свои особые качества, объясняющие эту «безальтернативность». Зависимое окружение укрепляет его в представлении о своем колоссальном уме и особых качествах руководителя, так же как укрепляет его и в представлении о том, что страна под его руководством прекрасно развивается, а народ благоденствует и любит президента. Любые же недовольства со стороны немногочисленной оппозиции объясняются происками и диверсиями враждебного зарубежья. Таким образом, погружение в иллюзорный мир и потеря чувства реальности делают режим «безальтернативной власти» невосприимчивым к изменениям общественных настроений и не позволяют адекватно реагировать на общественные запросы, что, в конечном итоге, ведет к деградации самого режима и потере управляемости обществом.

Но и это еще не все. Режим имитационной демократии начинает разъедать коррупция, поскольку президент становится, как бы это ни парадоксально звучало, зависимым от государственной машины и аппарата. Он зависим от местных властей, которые должны гарантировать его победу или победу его партии на выборах; он зависим от судей, которые должны выносить нужные приговоры его политическим противникам; от силовиков, которые теоретически могут в критический момент отказаться подавить оппозицию и т. д. Такая зависимость, конечно, не прямолинейная, но особая: президент вынужден покупать лояльность властной и управленческой элиты в обмен на возможность хищений из государственной казны и разбазаривания общенационального богатства. Элита постепенно превращается в систему мафиозных кланов, коррупция и криминализация приобретают системный характер и становятся атрибутивными признаками режима имитационной демократии. Управляемость обществом и государством стремительно падает, коррупция разъедает всю систему государственных связей. Парадоксальным образом, чем больше укрепляется власть президента, тем меньше у него реального контроля. Указы всесильного президента, если они идут вразрез с интересами аппарата, могут просто игнорироваться, и ему ничего другого не остается, как переходить на режим «ручного управления», от чего система еще больше теряет устойчивость.

Убежденных сторонников президента в госаппарате становится все меньше, а те, что есть, отфильтрованы логикой «отрицательной селекции», поскольку в режимах имитационной демократии бюрократический принцип мобильности становится доминирующим и вытесняет иные механизмы ротации элиты и управленцев. Все, даже поддерживающие президента, но самостоятельные и независимые фигуры в его окружении устраняются. Устраняются также наиболее неконтролируемые олигархи. На вершине экономической и управленческой иерархии остаются лишь те, кто прямо назначен или утверждён верховной властью. Депутаты формально выбираются, но, по сути, начинают также назначаться, как чиновники государственного аппарата. Все это

ведет к бюрократизации и системной деградации всей элиты, ухудшению ее личностных и деловых качеств.

Обозначенные процессы внутренней динамики режимов имитационной демократии ведут к накоплению имманентно присущих им противоречий и делают их падение рано или поздно неизбежным. Но прежде, чем это произойдет, режимы будут все более ужесточаться, стремясь сохранить и обезопасить себя. В этом смысле они не реформируемые. Ведь с трудом можно представить себе президента, построившего систему имитационной демократии, а затем решившего ее разрушить, пойдя против собственных интересов и инстинктов, против друзей и сторонников и способствуя победе своих противников. Вероятно другое: «несменяемый президент» или назначенный им преемник будут держаться за власть любыми средствами, делая мирный и законный приход оппозиции к власти практически невозможным. Но это, в свою очередь, означает, что падение режимов имитационной демократии будет сопряжено с глубочайшим политическим кризисом, общественным противостоянием и вероятными жертвами, как со стороны сторонников, так и противников режима.

И еще одно соображение. Режимы имитационных демократий, сложившиеся на просторах бывшего СССР, однотипны, это авторитарные режимы с общей логикой функционирования и развития. Подобное стремится к подобному, инстинктивная «классовая солидарность» их сближает, заставляет создавать межгосударственные союзы без ясной идеологической перспективы, но в противовес «западной», не приемлемой для них демократии. Полностью отказаться от демократической риторики, на которой они возникли, они не могут, а взамен ничего не придумано. Нельзя же, в самом деле, объединяться во имя «победы имитационной демократии». Отсутствие ясной идейной мотивации к объединению, более или менее адекватного идеологического языка и глобальной перспективы межгосударственных союзов порождает идеологические химеры и симулякры, типа проекта «евразийского союза» и производных от него политических институций – «евразийской парламентской

ассамблеи», «евразийского союза молодежи» и пр.

Однако глубокая интеграция режимов имитационной демократии (по примеру западноевропейской интеграции) вряд ли реальна, поскольку персоналистская авторитарная власть неделима, отдать часть этой власти каким-то наднациональным органам невозможно. Сама стабилизация авторитарных режимов делает их более уверенными в себе, менее ориентированными на взаимную поддержку, тем

более, что масштабы этой поддержки могут быть лишь ограниченными. Кроме того, как для России, так и для постсоветских стран Азии партнерство с «демократическим Западом» по-прежнему имеет легитимизирующее значение. Поэтому самой выгодной и самой естественной позицией для них является политическое балансирование между «евразийством» и «западничеством», что неминуемо будет приводить к череде упреков и конфликтов с партнерами как из одного, так и из другого лагеря.

UDC 321.01

REGIME OF IMITATION DEMOCRACY

Moshkin Sergey Vyacheslavovich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Chief Research Scientist, Doctor of Political Science,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Annotation

The article is dedicated to political evolution in a number of the post-Soviet countries, which has led to establishment of imitation democracies in their territories. The author discusses common peculiarities and attributes typical to the regimes of imitation democracy, and comes to the conclusion that the internal dynamic processes acting in such regimes trigger accumulation of immanent inherent contradictions and make their fall inevitable.

Key words:

political regime, democratic transition, imitation democracy, authoritarianism.

ЭТА СТРАННАЯ «МЯГКАЯ СИЛА»

(о выходе в свет коллективной монографии «Soft power: теория, ресурсы, дискурс»)*

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Выбор темы коллективной монографии был продиктован огромным вниманием, которое уделяется в современных академических и политических кругах понятию, теориям и концептам soft power. Сегодня вряд ли найдешь авторитетное научное издание, посвященное внешнеполитической проблематике, в котором бы не поднимались вопросы о ресурсах, стратегиях, инструментах и национальных моделях soft power. В последние годы концептом soft power серьезно заинтересовались российские исследователи, в научных кругах развернулись дискуссии вокруг его смысловых и практикоприменительных аспектов, появились первые диссертационные работы на данную тему. Активизировалась также российская политическая общественность, задавшаяся вопросами о плюсах и минусах применения инструментов мягкой силы, об ее скрытых и явных стратегических целях. В российских СМИ возникло даже определенное идейное противостояние между адептами стратегии мягкой силы и противниками использования инструментария soft power в политической практике. Появились также скептики, сомневающиеся в способности России конкурировать

с ведущими странами мира в области создания привлекательного образа страны посредством технологий и дискурса soft power.

Между тем, понятие мягкой силы, несмотря на его постоянную критику, продолжает активно входить в лексикон не только отечественных ученых, но также политиков самого высокого ранга. О мягкой силе сегодня в своих публичных выступлениях говорят высшие должностные лица России – президент В.В. Путин, премьер-министр Д.А. Медведев, министр иностранных дел С.В. Лавров. В дискурсе В.В. Путина данное понятие даже обрело некое новое, мировоззренческое осмысление, представленное формулой «философия мягкого пути». Эта формула вновь прозвучала на всех центральных телевизионных каналах страны во время празднования годовщины зимней олимпиады в Сочи.

Основной государственной структурой, на которую официально была возложена задача разработки стратегической модели мягкой силы для России, является Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитар-

* Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с. ISBN 978-5-98728-036-2.

ному сотрудничеству (Россотрудничество). В июле 2014 г. Россотрудничество разработало доктрину «мягкой силы» – проект «комплексной стратегии расширения гуманитарного влияния России в мире». Однако содержание данной доктрины, а также ее

Дипломатическая академия МИД России, Российский университет дружбы народов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук¹.

Участники презентации коллективной монографии 22 апреля 2015 г. в Институте философии и права УрО РАН; слева направо: Яков Корелин, магистрант УРФУ, Ольга Русакова – редактор монографии, Татьяна Носова – соавтор монографии, магистрант УРФУ

теоретико-методологические и философско-мировоззренческие основания до сих пор остались неизвестными для широкой научной общественности.

Вместе с тем, в России в настоящее время осуществляется формирование научных центров по разработке теории, стратегии и измерительных инструментов soft power. Основными площадками для исследований такого рода сегодня являются: Московский государственный Институт международных отношений (Университет) МИД России,

Многие исследователи отмечают, что дискурс soft power, распространившийся в политической науке, а также получивший

1. В Институте философии и права УрО РАН проблематика soft power изучалась в процессе реализации следующих проектов: исследовательский проект «Разработка теоретической модели государственных и региональных ресурсов soft power в современной политической науке» (грант РГНФ № 13–13–66001а (р)); «Международная конференция «Soft power: теория, ресурсы, дискурс» (грант РГНФ № 14–13–66501); «Дискурс Soft Power в современных коммуникациях» (Проект № 12-У-6–1002, осуществляемый в рамках конкурсных программ фундаментальных научных исследований РАН).

широкое хождение в государственной проектной деятельности, весьма подвижен, пластичен и не однозначен в смысловом плане. Не существует какой-либо универсальной и единообразной формулы, охватывающей все многообразие смыслового поля данного дискурса.

Отцом и даже гуру концепта *soft power* большинство исследователей считают известного американского специалиста в области внешней политики Джозефа Ная. Именно на его многочисленные труды как на теоретическую базу наиболее часто ссылаются авторы, посвящающие свои исследования вопросам мягкой силы. В основе теории данного концепта лежит идея о существовании двух основных типов властвования, которые обозначаются понятиями *hard power* (жесткая сила) и *soft power*. Под *hard power* подразумевается инструментарий внешнего давления, который в процессе коммуникации вынуждает объект воздействия подчиняться более сильному партнеру.

В отличие от жесткой власти *soft power* не воспринимается в качестве силы, которая действует извне. Мягкая сила – это власть, которая реализуется в форме определенного коммуникативного воздействия, в процессе которого диктуемое поведение воспринимается реципиентом как собственный свободный и добровольный выбор, приносящий, к тому же, подвластному субъекту радость и удовольствие.

Вступление общества в эпоху глобальных маркетинговых коммуникаций ознаменовалось появлением интегрированных властных комплексов, соединяющих *hard power* с мягкими способами властвования, апеллирующими к потребительским интересам и жажде получения удовольствия. Дж. Най обозначает процесс комплексного использования инструментов жесткого и мягкого влияния понятием «*smart power*» (умная власть). Пользуясь современным марксистским языком, можно представить *smart power* в виде такой модели властвования, где элементы *hard* и *soft power* работают в режиме диалектического взаимодействия и синергетической эффективности.

В настоящей коллективной монографии впервые в российской научно-

исследовательской практике комплексно анализируются проблемы методологического анализа концепта *soft power*, обобщается опыт конструирования и практической реализации национально-государственных моделей мягкой силы, рассматриваются разнообразные способы видового структурирования и измерения параметров *soft power*, изучаются конкретные внешнеполитические и социокультурные практики реализации стратегий мягкой силы.

Монография концептуально и тематически разбита на пять глав. В первой главе под названием «*Soft power* как аналитический концепт» (авторы Д. М. Ковба, О. Ф. Русакова) поднимаются проблемы категориального, дискурсивного и инструментального анализа *soft power*, проводится анализ концепта *smart power* как аналитического синтеза *soft power* и *hard power*. В заключительном параграфе «Измерение *soft power*» рассматриваются измерительные системы, параметры и индексы мягкой силы. Авторы отмечают: «Положение стран в рейтингах находится в прямой зависимости от выбранных критериев. Оценки могут быть относительно объективны, но могут также оказаться результатом ангажированной позиции исследователей. На выбор критериев влияет такой показатель как принадлежность исследователя к определенной культуре, из которой следуют его убеждения и ценности. Так, в исследованиях журнала «Монокль», проведенного совместно с The Institute for Government, «политическая» компонента мягкой силы по своей сути смещена в сторону западных идеалов свободы и демократии. В результате недемократические страны получают неизменно низкие оценки в данной категории. Кроме того, с нашей точки зрения, более точными являются те измерения мягкой силы, в которых оцениваются двустороннее восприятие стран, а не многостороннее, т. к. восприятие мягкой силы страны разнится от региона к региону, от культуры к культуре. Очень важно тщательно подходить к выбору критериев оценки мягкой силы, взвешивать, насколько, например, выбросы углекислого газа, выпуск музыкальных пластинок или объекты культурного наследия могут повлиять на мягкую силу, ведь мы имеем дело именно

с областью политики, а не с выбором страны для туристических целей. Также мы полагаем, что использование исключительно статистических показателей может привести к неудовлетворительному результату: картина мира будет неполная, однобокая. Ее обязательно надо дополнять результатами опроса общественного мнения» (с. 56).

Во второй главе «Социокультурные и политические инструменты soft power» (авторы Е. Г. Дьякова, Е. Н. Коваленко, Д. М. Ковба, В. А. Корнеева, Я. Ю. Моисеенко, В. М. Русаков, О. Ф. Русакова, А. Д. Трахтенберг) рассматриваются конкретные источники, стратегии, инструменты и формы проявления soft power, связанные с разнообразными социокультурными, политическими, коммуникативными и управленческими практиками. В фокусе внимания авторов такие инструменты soft power как дискурс идентичности и политика памяти, ценностные установки конформизма и креативности, культурные индустрии, спорт, феминистские стратегии гендерного равенства и empowerment, административная мода и дискурс «открытого правительства».

В третьей главе (автор М. А. Фадеечева) исследуются вопросы идейно-практической реализации soft power в межэтнических комму-

никациях. Особое внимание уделяется проблемам преодоления этнического национализма посредством ресурсов мягкой силы.

Четвертая глава (автор Д. М. Ковба) посвящена проблемам теоретической и практической адаптации концепта мягкой силы исследователями и политиками трех государств Восточной Азии – Китая, Японии, Южной Кореи. В главе подробно рассматриваются идейные истоки азиатских концепций soft power, источники и ресурсы мягкой силы данных стран в их практическом применении, особенности восприятия культуры и политики азиатских стран в других регионах мира. В главе также поднимается вопрос об ограничениях роста мягкой силы стран Азии.

В пятой главе (авторы П. И. Агашкова, Е. Г. Грибовод, Д. Д. Гуляр, Р. Р. Мухамедярова, Т. Н. Носова, О. Ф. Русакова, О. М. Хауертюкаркина) рассматриваются достижения в области развития межгосударственных и национальных моделей soft power на примере Европейского Союза, ШОС, России, Франции, Швеции и Индии.

Ниже приводится небольшой отрывок из пятой главы монографии, где речь идет о российской стратегической модели soft power (авторы – Т. Н. Носова, О. Ф. Русакова).

THIS IS A STRANGE SOFT POWER (ABOUT THE APPEARANCE OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH «SOFT POWER: THEORY, RESOURCES, DISCOURSE»)

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of Philosophy Division, Doctor of Political Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

РОССИЙСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ SOFT POWER

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Носова Татьяна Николаевна,

магистрант Института социальных и политических наук
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: nosova-t@list.ru

Россия, отнюдь, не новичок в использовании soft power в целях усиления привлекательности своего образа в глазах граждан и институтов зарубежных государств. В СССР, хотя и не был в обиходе термин «мягкая сила», но целый ряд технологий и инструментов soft power вполне эффективно применялись на практике на протяжении целых десятилетий. В 1925 г. в Советском Союзе был создан такой эффективный институт мягкой силы как ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей). В своих документах ВОКС открыто декларировало в качестве своих основных задач формирование в капиталистических странах общественного мнения в пользу Советского Союза и распространение информации об СССР с целью создания его позитивного образа в глазах Запада. Для этого ВОКС создал за рубежом значительное число Обществ культурной связи с СССР.

В годы Второй Мировой войны во всей полноте проявила себя социальная база ВОКСа за рубежом – его обширнейшие контакты. Это помогло объединить многих видных деятелей мировой культуры в борьбе совместно с Советским Союзом против гитлеровского нацизма. В июле 1941 года Эрнест Хемингуэй писал: «Я на все 100 процентов солидаризуюсь с Советским Союзом в его военном сопротивлении фашистской агрессии».

...

Всесторонняя помощь СССР в послевоенные годы новым государствам Азии, Африки и Латинской Америки, вставшим на путь освобождения от колониализма, существенно способствовала росту международного авторитета страны. К 1963 году Советским Союзом было предоставлено развивающимся странам кредитов на сумму около 3 млрд. рублей. К примеру, 15% всех расходов Индии в иностранной валюте покрывалось за счет советских кредитов. Кредиты, предоставленные Афганистану, обеспечивали более трети всех капиталовложений, направленных на развитие народного хозяйства. При содействии СССР в этих странах осуществлялось проектирование и строительство более 1000 промышленных предприятий и иных объектов, включая образовательные и культурные учреждения. К примеру, на Кубе с помощью советских специалистов было возведено свыше 180 предприятий и хозяйственных объектов¹. В Афганистане СССР построил 142 объекта², из них 11 нефтебаз, газопровод, три аэропорта (аэропорт «Баграм», аэропорт «Шинданд», международный аэропорт в Кабуле), 6 автодорог (одна из них – автодорога Кушка-Герат-

1. www.temadnya.ru/spravka/14dec2000/41.html.

2. Сейчас многие из этих объектов используются не только афганцами, но и оккупировавшими страну американцами и их союзниками, которые не ведут в стране крупномасштабного строительства.

Кандагар – протяженностью 679 км.). В числе образовательных учреждений, построенных Советским Союзом, – Политехнический институт в г. Кабуле на 1200 студентов, 2 техникума в г. Кабуле и г. Мазари-Шериде соответственно на 700 и 500 мест, Институт общественных наук при ЦК НДПА, средняя общеобразовательная школа с преподаванием ряда предметов на русском языке на 1300 мест (Кабул)³. Всего при непосредственном участии российских специалистов в дружественных странах было создано более 80-ти новых высших учебных заведений и учебных центров... Настоящий триумф в области эффективного применения мягкой силы был одержан СССР в 1950–1960-х годах. Советский Союз в этот период проводил за рубежом активную пропаганду социалистического образа жизни, социалистической науки, культуры и образования. Социалистическая идея не смогла померкнуть в глазах многих зарубежных политических и культурных деятелей левого толка даже после суровой критики на XX съезде КПСС культа личности И. В. Сталина. Славой Жижек приводит следующее, не лишённое иронии, литературное свидетельство силы соблазна и обаяния советского социализма, которая вызывала чувство тревоги у антикоммунистически настроенной западной интеллигенции: «Существует история (возможно, апокрифическая) о левокейнсианском экономисте Джоне Гэлбрейте, будто перед поездкой в СССР конца 1950-х он написал своему другу–антикоммунисту Сидни Хуку: «Не беспокойся, я не дам советским очаровать меня и не буду твердить по возвращении, что у них там социализм!»⁴... Важнейшим направлением развития мягкой силы СССР была подготовка иностранных специалистов и руководящих кадров дружественных государств. Начиная с 1950-х годов, Советский Союз стал осуществлять масштабную интернациональную образовательную помощь, формируя одновременно привлекательный образ страны. С каждым десятилетием количество иностранных студентов в СССР неуклонно росло. С 1950-го по 1960 год в со-

ветских вузах обучалось в общей сложности 5,9 тыс. таких студентов, с 1960-го по 1970-й – уже 13,5 тыс., с 1970-го по 1980-й – 26,2 тыс., в 80-е годы – 88,3 тыс. В 1990-м году в вузах СССР обучалось 126,5 тыс. иностранных студентов. Это третье место в мире после США и Франции⁵. Всего в СССР обучались граждане из 141 стран.

...

В годы «перестройки» в стратегии мягкой силы СССР возникли глубокие противоречия. С одной стороны, страна заметно улучшила свой международный имидж, объявляя на официальном уровне о развитии гласности, о строительстве «социализма с человеческим лицом», о переходе к «новому мышлению». Перестройка стала символом окончания периода «холодной войны» и падения «железного занавеса» между двумя социальными системами мира. Политический лидер перестроечного процесса первый и последний президент СССР М. С. Горбачев пользовался огромной популярностью на Западе. Западные СМИ ласково называли его «Горби».

Однако в те же годы заметно усилилось влияние западных инструментов *soft power* на образ мысли советской политической элиты и интеллигенции. Политика гласности привела не только к росту открытости советского общества, к ликвидации цензуры и к введению в публичный оборот ранее запретных тем, документов, произведений литературы и искусства. Она одновременно создавала широкую брешь в советской идеологической системе для проникновения альтернативных социализму ценностей и идеалов. Решающую роль в свертывании ресурсов советской мягкой силы и в ее отступлении перед натиском *soft power* стран Запада сыграла радикально настроенная либеральная перестроечная интеллигенция, организовавшая в СМИ широкомасштабную информационно-идеологическую кампанию по разоблачению советского тоталитаризма и дискредитации социалистической идеологии. Многие перестроечные СМИ в конце 1980-х

3. www.warandpeace.ru/ru/reports/view/51015/.

4. Жижек, С. Накануне Господина: сотрясая рамки / Славой Жижек. – М.: Издательство «Европа», 2014. – С. 208.

5. Советское образование: опыт обучения иностранных студентов в 1950–1990-е годы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gorodskoyportal.ru/tomsk/news/society/3781777>.

годов активно транслировали антисоветский либеральный дискурс, направленный на снижение значимости достижений СССР в разных областях жизни. В оборот был пущен обидный для многих граждан страны термин «совок», критическому пересмотру подвергся термин «социалистический интернационализм», негативно оценивалась интернациональная помощь СССР развивающимся странам.

...

После распада Советского Союза развитие мягкой силы России носило некий очаговый характер, протекая в отсутствии какой-либо внятной системообразующей идеологии. Продолжалось использование ряда ресурсов *soft power*, обретенных в советские годы. К таковым относятся достижения в космической отрасли <...> В настоящее время базовым учреждением, ведущим деятельность по разработке на федеральном уровне российской стратегической модели *soft power*, является Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), созданное Указом Президента РФ в сентябре 2008 года. В сферу полномочий структуры входит реализация проектов, целью которых является укрепление международных связей, сотрудничество в гуманитарной сфере и формирование позитивного имиджа России в мире.

...

Анализ политических документов, выступлений официальных лиц, а также мнений политических экспертов по поводу ключевых направлений разворачивания мягкой силы России позволяет нам наметить некий общий рамочный контур российской стратегической модели *soft power*. Данная модель может быть представлена в виде обозначения ряда основных стратегических задач, которые перспективно определяют векторы практического использования ресурсов и инструментов мягкой силы России. К таковым относятся следующие стратегические направления:

1. Выступление России в качестве *гаранта соблюдения норм международного права*,

предполагающее *активное противодействие практике двойных стандартов*.

...

2. Развитие успехов страны в области *преодоления издержек мультикультурализма и полиэтничности*.

...

3. Опора на *мощные национальные традиции* в области культуры, образования и науки.

...

4. Сохранение и защита национальных *базовых ценностей*.

...

5. *Интернационализация* в сфере высшего образования и науки.

Сегодня конкурентоспособность страны в области продвижения собственной системы ценностей, интеллектуальных и инновационных достижений все больше определяется уровнем интернационализации ее высшего образования и науки. Высокий уровень включенности страны в мировую научно-образовательный процесс является важным фактором ее «мягкого влияния». По словам ректора МГИМО (У), академика РАН А. В. Торкунова, «только развитая система образования, отвечающая требованиям, предъявляемым инновационной высокотехнологичной экономикой, и интегрированная в международное образовательное и научное пространство, способна стать одним из важнейших конкурентных преимуществ современной России в «мировой борьбе за умы» и привлечь в страну наиболее талантливых иностранных студентов. Предоставление образовательных услуг иностранным студентам является одним из важных институтов «мягкой силы» государства»⁶.

Известно, что после распада СССР произошло резкое снижение доли России в международном рынке образовательных услуг. По данным ОЭСР в 2007 г. российские вузы принимали только 2% от всех академически мобильных иностранных студентов. Если в течение ряда лет Советский Союз за-

6. Торкунов А. В. Образование как инструмент мягкой силы во внешней политике России [Электронный ресурс]. – URL: <http://gazeta-bip.net/education/4186-obrazovanie-kak-instrument-lmjagkoj-silyr-vo-vneshnej-politike-rossi>.

нимал второе место (после США) по числу обучающихся иностранных студентов в мире, то сейчас Россия находится лишь на девятом месте. Ее опережают такие страны как: США, Великобритания, Франция, Австралия, Германия, Япония, Канада, Южная Африка.

Одним из приоритетных направлений в области интернационализации научно-образовательного потенциала России как инструмента *soft power* является усиление ее позиционирования в качестве мощного интеллектуального центра на территории СНГ и в пространстве ЕвразЭС. Именно в Евро-Азиатском регионе Россия обладает большими возможностями для привлечения иностранных учащихся (соотношение цены и качества образования, язык обучения, репутация университета, географическая близость)⁷.

Пропаганда достижений современной российской науки за рубежом и интенсификация контактов российских исследователей с иностранными коллегами является важной составной частью курса на интернализацию отечественной науки.

Вместе с тем, методы, посредством которых профильными госучреждениями предлагается измерять достижения в сфере науки, вызывают у многих российских ученых критические настроения и протест. Сомнительными критериями для оценки научной значимости проведенных работ считаются, в частности, такие показатели, как индексы цитирования, объемы привлеченных финансовых средств, число вовлеченных в проекты зарубежных ученых.

При реализации стратегии превращения российской науки в интернациональный инструмент мягкой силы необходимо провести ряд «очистительных работ» для освобождения сферы научной деятельности от пагубного бюрократического давления.

В последние годы в официальных документах по научной и инновационной политике все шире стал использоваться термин «принуждение к инновациям». Арсенал методов такого «принуждения» непрерывно расширяется.

Университеты обязуют отчитываться по числу созданных малых инновационных компаний. Крупные компании с государственным участием обязаны реализовывать программы инновационного развития и отчислять часть своих средств на НИОКР вузам, вне зависимости от того, нужны им услуги университетов или нет. Для частного бизнеса также разрабатывается ряд инструментов принуждения их к вложениям в НИОКР. Не приводит к укреплению позитивного имиджа отечественной науки и целый комплекс бюрократические инициатив Министерства образования и науки в отношении методов реформирования РАН. В этой связи вполне справедливым нам представляется высказывание доктора экономических наук, профессора МГИМО (У) И.Г. Дежиной: «Без глубоких внутренних изменений российская наука не станет интернациональной. В ней будут избранные визитеры, в том числе ученые мирового уровня, однако этого недостаточно для того, чтобы наука в целом стала фактором привлекательности страны, а значит, ее «мягкого влияния» в международных отношениях. Нужна последовательная кропотливая работа, а не ресурсоемкие кратковременные рывки, в сочетании с ситуационным характером принятия решений, т. е. то, что происходит в настоящее время. Важно подчеркнуть, что превращение в «мягкую силу» не может быть самоцелью развития российской науки. Она объективно станет фактором «мягкого влияния», если возрастет ее привлекательность для других стран и регионов⁸.

6. Усиление туристической привлекательности обширной территории России...

7. Позиционирование России как страны великих спортивных достижений.

...

8. Расширение влияния России в информационном пространстве...

Важнейшей задачей в контексте развития потенциала мягкой силы является концентрация усилий в сфере медийного обеспечения

7. Там же.

8. Дежина И.Г. Российская наука как фактор «мягкого влияния» [Электронный ресурс]. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=495#top.

привлекательного образа России за рубежом. Ряд социологических опросов, проведенных в последние годы, показывают, что население многих европейских стран оценивают поведение России в лице ее руководства скорее негативно, чем позитивно.

Широкое обсуждение получило в связи с этим высказывание В.В. Путина на совещании послов и постоянных представителей в июле 2012 года: «... Надо признать, что образ России за рубежом формируется не нами. Поэтому он часто искажен и не отражает реальную ситуацию ни в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, в науку и культуру. Да и позиция нашей страны в международных делах часто освещается как-то однобоко»...

9. Концентрация усилий на развитие *гуманитарной дипломатии*.

Гуманитарная дипломатия выступает интегративным видом *soft power*, так как является синтезом следующих инструментов мягкой силы:

- осуществление разнообразных гуманитарных программ помощи слабовозрастным группам населения (мигранты, беженцы, голодающие, раненые, тяжелобольные, малообеспеченные и др.);
- защита прав, свобод и достоинства человека (политический инструментальный *soft power*);
- участие в ненасильственном разрешении политических и социальных конфликтов или миротворческая деятельность (дипломатический инструментальный *soft power*) ...

10. Развитие *инвестиционной деятельности* и реализация *финансовых донорских проектов* (экономический инструментальный *soft power*).

В соответствии с указом Президента России В.В. Путина «Вопросы Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству» от 8 мая 2013 года, Россия меняет стратегию выделения средств на международные донорские проекты.

Теперь вместо многосторонних проектов, которые осуществляются, например, в рамках Всемирного банка, Правительство России будет уделять большее внимание конкретным двусторонним проектам, чтобы участие России в решении проблем иностранного государства было персонализировано⁹.

9. Указ Президента РФ от 8 мая 2013 г. № 476 «Вопросы Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству» [Электронный ресурс]. – ИА «ГАРАНТ». – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70273802/> (дата обращения: 17.05.2014).

НОВЫЕ КНИГИ ПО ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ, СОЦИОЛОГИИ И ПРАВУ

Олову Елена Михайловна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая научной библиотекой

Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В. Н. Руденко; ред. К. В. Киселев, Е. А. Степанова, В. В. Эмих; Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – Екатеринбург, 2014. – 468 с. – ISBN 978–5–990563–4–3.

Сборник научных трудов подготовлен по итогам Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции» (г. Екатеринбург, 25–27 июня 2014 г.), проведенной в соответствии с Национальным планом противодействия коррупции на 2014–2015 гг., утвержденным Указом Президента Российской Федерации № 226 от 11 апреля 2014 г.

Впервые в представленных работах вопросы о противодействия коррупции поставлены в контексте анализа проблем научного обеспечения деятельности в сфере противодействия коррупции. Значительная часть трудов посвящена исследованию политико-правовых антикоррупционных механизмов, изучению подходов к определению потенциалов современного общества и государства в противодействии коррупции. Особое внимание уделено обобщению мирового и российского опыта противодействия коррупции в сравнительно-исторической перспективе.

Книга содержит рекомендации органам государственной власти и местного самоуправления, адресована также специалистам в сфере государственного и муниципального управления, конституционного права и политических наук.

Евразийство: история и современность [Текст]: материалы IV Междунар. Науч. – теор. оч. – заоч. конф. (Екатеринбург, 18 апреля 2014 г.) / (отв. за вып. Ю. К. Саранчин); М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург: (Изд-во Урал. гос. экон. ун-та), 2014. – 183 с.

Рассмотрены исторические, методологические и политические аспекты феномена евразийства. Раскрываются его идейно-методологические истоки, исследуется современное политическое бытие евразийства.

Для политиков, общественных деятелей, научных работников и всех интересующихся данной проблематикой.

Емельянов Б. В. Персонология русской мысли: Словарь. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. – 391 с. – ISBN 978–5–00047–174–6.

Словарь включает более 100 интеллектуальных биографий русских мыслителей от Средневековья до XX века включительно. Статьи знакомят с особенностями их мировоззренческих позиций.

Рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся историей русской мысли.

Емельянов Б.В. История русской философии: Избранное / Б.В. Емельянов. – Екатеринбург: Уральское издательство, 2015. – 460 с. – ISBN 978–5–93667–191–3.

В книге представлены главы из книг и статьи по истории русской философии Б.В. Емельянова, опубликованные в последние тридцать лет.

Для всех, интересующихся историей русской философии.

Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация, дискурс травелога: материалы XVI международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 03 октября 2014 г. / ЧОУ ВО «Институт международных связей». – Екатеринбург, 2014. – 169 с.

В настоящий сборник включены тексты докладов XVI международной научно-практической конференции «Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация, дискурс травелога», на которой были представлены результаты исследований по актуальным проблемам лингвистики, теории, практики и преподавания перевода; обучения иностранным языкам; современного туризма и межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов продолжает издание публикаций по материалам конференций, проводимых Институтом международных связей / г. Екатеринбург.

Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 14. Вып. 1 / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; гл. ред. В.Н. Руденко; ред. кол.: С.Е. Вершинин, А.В. Гайда, В.О. Лобовиков и др.; отв. за вып. К.В. Киселев, В.С. Мартьянов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2014. – 146, [1] с. – Содерж.: Эмиль Мишель Чоран: развенчание иллюзий существования человека / **М.А. Малышев**; Антимодернизм: традиционализм, фундаментализм, консерватизм / **К.М. Товбин**; Одиночество как экзистенциал античной философии (от Гесиода до Аристотеля) /

А.С. Гагарин; Деструктивность и идентичность личности / **К.В. Злоказов**; У истоков испанского традиционализма: случай падре Ф. Себальоса / **Ю.В. Василенко**; Европейский союз – от идеи наднационального суверенитета к новой западноевропейской «империи»: проблемы и перспективы европейской интеграции / **В.В. Шишков**; Общество потребления и смерть постмодернизма / **Д.А. Давыдов**; Парадигмальный фон дискурса об абсолютном и утилитарном в уголовном наказании / **К.В. Корсаков**; Вопросы построения в Российской Федерации модели некоммерческого найма жилья / **Н.А. Усольцева**.

Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 14. Вып. 2 / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; гл. ред. В.Н. Руденко; ред. кол.: С.Е. Вершинин, А.В. Гайда, В.О. Лобовиков и др.; отв. за вып. К.В. Киселев, В.С. Мартьянов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2014. – 184, [1] с. – Содерж.: Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины / **В.М. Ефимов**; Учение Августина Блаженного о божественном воздаянии с точки зрения двузначной алгебры формальной этики / **В.О. Лобовиков**; Советский атеизм в контексте множественной модерности / **Е.А. Степанова**; Наш современник Сорель / **Л.Г. Фишман**; Концептосфера национальной политики позднесоветского периода: возможности актуализации / **М.А. Фадеичева**; Модернизация морально-политических и правовых регуляторов как способ противодействия коррупции / **В.С. Мартьянов**; Нация и национальные меньшинства в парламентах: от XX – к XXI веку / **Н.А. Филиппова**; Современные конституционные преобразования российского федерализма: поиск оптимальных конструкций и перспективы / **А.В. Безруков**; Конституционно-правовые аспекты реализации народом конституционного права на сопротивление / **А.А. Кондрашов**.

Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 14. Вып. 3 / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права;

гл. ред. В.Н. Руденко; ред. кол.: С.Е. Вершинин, А.В. Гайда, В.О. Лобовиков и др.; отв. за вып. К.В. Киселев, В.С. Мартьянов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2014. – 225, [1] с. – Содерж.: И я пришел к следующей мысли...: (интервью к 80-летию **К.Н. Любутина**) / подгот. и провел **П. Кондрашов**; Одиночество как экзистенциал античной философии (от Эпикура до Платона) / **А.С. Гагарин**; Анализ экзистенциальной проблематики в философии Карла Маркса / **П.Н. Кондрашов**; Мифологема «Свое-чужое» в архаической мирорефлексии (опыт философской интерпретации) / **И.А. Верховский**; Эллинская философия и христианство времен кризиса Римской империи в Швеке н.э. / **А.Ю. Долгих**; Влияние идей Эрнста Маха на критику языка Фритца Маутнера (на основе частной переписки австрийских философов и личных документов Э. Маха) / **Л.В. Низьева**; Лоббизм в Европейском Союзе: корпорации vs. НКО / **А.Б. Белоусов**; Испанский традиционализм на переломе эпох: девять идейно-ценностных «мутаций» Х.Л. де Вильянуэвы / **Ю.В. Василенко**; Новые тенденции в политике идентичности на региональном уровне в России: акторы, специфика, тренды / **М.В. Назукина**; Проблема социальной справедливости в неоллиберальной политической доктрине и практике: теоретический анализ / **А.А. Хмелинин**; О некоторых тенденциях развития уголовно-правовой антикоррупционной политики в Российской Федерации в части, касающейся установления уголовной ответственности юридических лиц / **А.В. Федоров**; Уполномоченные по защите прав предпринимателей: зарубежный опыт и российская модель / **В.В. Эмих**; Немецкая философия национального права в конце XVIII – начале XIX в. и трансформация юридической науки / **А.В. Кресин**; Механизм реализации и защиты прав человека в Российской Федерации: понятие, сущность, структура, формы / **И.Ю. Крылатов**.

Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 14. Вып. 4 / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; гл. ред. В.Н. Руденко; ред. кол.: С.Е. Вершинин, А.В. Гайда, В.О. Лобовиков и др.; отв. за вып.

К.В. Киселев, В.С. Мартьянов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2014. – 174 [1] с. Содерж.: Философский смысл картины мира / **Н.В. Брянник**; Современная наука: рефлексивность и «локализация» / **Е.В. Бакеева**; Русское православие в современном обществе / **С.В. Рязанова**; Онтологический смысл понятия хронотопа в философских идеях А. Ухтомского и М. Бахтина / **А.В. Политов**; Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики / **О.Ф. Русакова**, **Е.Г. Грибовод**; Переход к электронному правительству как процесс социальной адаптации технологии (на примере информатизации здравоохранения Свердловской области) / **Е.Г. Дьякова**; Политико-психологические аспекты воспроизводства коррупции / **И.Б. Фан**; Роль регионального конституционного правосудия в реализации принципа правового государства / **В.Н. Демидов**; Отнесение имущества к недвижимому в российском праве: критерии и свойства недвижимости / **Н.Ю. Шеметова**; Место конституционного права на обращение в системе прав и свобод человека / **А.В. Савоськин**; Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции» (обзор выступлений) / **В.В. Эмих**.

Дискурс и догма: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Е. Хвощева и М.А. Малышева (Россия–Мексика). – Челябинск: Издат. Центр Южно-Урал. гос. ун-та: КПСП, 2013. – 195 с. – ISBN 978–5–696–04476–7.

Дискурс и догма содержат гораздо больше тождества, чем различий. Одно переходит в противоположность другому, обособляется, чтобы снова двинуться навстречу, к слиянию.

Softpower: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой – Екатеринбург: Издат. Дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с. – ISBN 978–5–98728–044–7.

В коллективной монографии представлены результаты многопланового исследования softpower или мягкой силы как аналитического концепта, своеобразного дискурса, ресурса

развития и инструмента современных коммуникаций. Предметом специального исследования выступают методологические проблемы концептуального и измерительно-инструментального анализа softpower, социокультурные, политические и управленческие инструменты мягкой силы, проблемы использования softpower в межэтнических коммуникациях. Значительное внимание уделяется изучению межгосударственных и национально-государственных стратегий развития мягкой силы, включая особенности российской модели softpower.

Предназначено специалистам в области политологии, международных отношений, государственного и муниципального управления, связей с общественностью, всем, кто интересуется новейшими инструментами и технологиями власти.

Олянич, Андрей Владимирович, Лингвосемиотика театральности в англоязычном политическом общении: монография / А.В. Олянич, А.А. Распаев. – Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2015. – 2012 с. – ISBN 978-5-85536-880-2.

Монография посвящена изучению и описанию лингвосемиотических и дискурсивных характеристик особого типа коммуникации – политической. Рассматривается логико-философская и социальная категория театральности как коммуникативный феномен, встроенный в нарратив англо-американских акторов политического воздействия на социум – институционалов и политиков. Монография посвящена выявлению лингвосемиотического пространства (вербальные и невербальные

знаки воздействия, вовлекаемые в дискурс) театрализованного политического англоязычного общения, установлению языковых и речевых особенностей продуцируемых прецедентных текстов и вербализуемых ценностей англоязычного политического истеблишмента.

Рекомендуется студентам языковых вузов, аспирантам, специалистам в области политической лингвистики, нарратологии, дискурсологии, концептологии, лингвокультурологии, лингвосемиотики.

Земскова, Анастасия Юрьевна, Лингвосемиотика англоязычного гастрономического дискурса: монография / А.Ю. Земскова, А.В. Олянич. – Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2015. – 392 с. – ISBN 978-5-85536-879-6.

Монография посвящена изучению и описанию лингвосемиотических характеристик особого типа потребительского дискурса – гастрономического. Он рассматривается как коммуникативный феномен, характерный для любого социума и англоязычного, в частности. Монография посвящена выявлению лингвосемиотического пространства (знаки, концепты и тексты, вовлекаемые в общение), установлению языковых и речевых особенностей продуцируемых прецедентных текстов и вербализуемых базовых ценностей.

Рекомендуется студентам языковых вузов и отделений перерабатывающих направлений неязыковых вузов, аспирантам, специалистам в области дискурсологии, концептологии, лингвокультурологии, лингвосемиотики, потребностной коммуникативистики.

NEW BOOKS ON PHILOSOPHY, POLITICAL SCIENCE, SOCIOLOGY AND LAW

Olovu Elena Mihajlovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Manager of Science Library,
Ekaterinburg, Russia

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

1) Автор направляет рукопись по электронной почте.
2) Текст статьи представляется на русском языке объемом до 19 100 знаков (без учета пробелов, включая сноски). Формат файла – Microsoft Word 97–2010. Шрифт – Times New Roman Суг, 14 кегль (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поля со всех сторон – 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, не добавляя переносов слов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзачным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т. е. не вручную (не пробелами или табуляцией).

3) В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов и должны иметь последовательную нумерацию. Электронный вариант каждой иллюстрации предоставляется в отдельном файле.

5) Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.

6) Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем; только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются инициалы и фамилия автора.

7) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК (указывается в левом верхнем углу над названием статьи).

8) Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 28], [8; 9; 15]); в конце статьи размещается библиографический список в алфавитном порядке.

9) Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

10) Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

11) Вместе с текстом статьи автором представляются в электронном виде на русском и английском языках:

- краткая (до 300 печатных знаков) аннотация;
- ключевые понятия и словосочетания (не более пяти);
- сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.